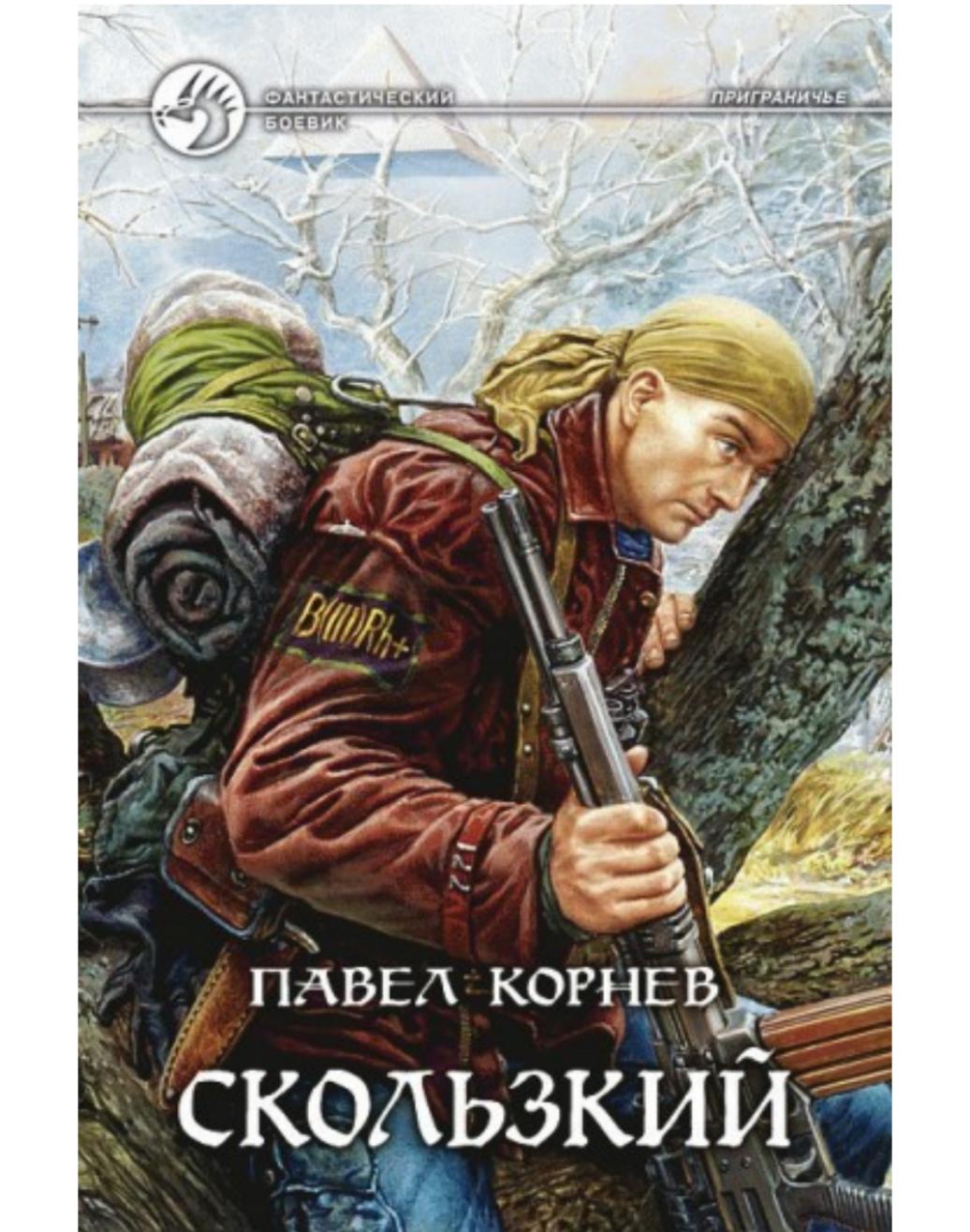

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПРИГРАНИЧЬЕ

ПАВЕЛ КОРНЕВ
СКОЛЬЗКИЙ

Павел Николаевич Корнев
СКОЛЬЗКИЙ
Серия «Приграничье», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139336

Аннотация

Приграничье – странное место, уже не подвластное законам нашего мира. Место, в котором почти всегда царит стужа, а боевые заклинания разят ничуть не хуже автоматных пуль. Вырваться оттуда в нормальный мир не удавалось пока еще никому, но для бывшего патрульного со странным прозвищем Скользящий это, пожалуй, единственный шанс выйти живым из смертельно опасной игры без правил, в которую он угодил, просто купив у случайного знакомого нож.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	43
Глава 3	92
Глава 4	172
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Павел Корнев

СКОЛЬЗКИЙ

Светлой памяти

Измайлова Александра Анатольевича

*Назову тебя льдом,
Только дело не в том,
Кто из нас холодной.*

«Пикник»

*Второе имя мое похоже на пробел,
Меня зовут тоска.
Оно – как гололед, как пятидневный дождь,
Как дуло у виска.*

«FortRoyal»

Пролог

Ночью шел снег. Скорее даже не снег, а так, снежок. Невесомые хлопья снежинок укрыли землю тоненькой белой простынькой, но стоило взойти тусклому утреннему солнцу, как эта красота моментально раскисла, сумев подарить миру всего несколько часов ослепительной чистоты. А спрятавшиеся

до поры в темных углах наполовину стаявшие ноздреватые и грязные сугробы никого украсить уже не могли. Разве что «подснежника».

Это да, в конце мая – начале июня вытаявшие из-под снега трупы – дело обычное. Трупы, консервные банки, пластиковые пакеты и многое другое, копившееся в снегу всю долгую зиму, являлось на свет божий, когда летнее тепло начинало развеивать чары холода. Вырвавшиеся из ледяного плена вещи редко привлекали чье-либо внимание. Чаще всего это был просто-напросто никому не нужный хлам. Но иногда люди дорого бы заплатили, чтобы никогда не видеть жутковатые весточки зимы.

Высокий сугроб, наметенный ветром у крыльца полуразрушенной школы, от обжигающих солнечных лучей почти не пострадал. Прикрытый с трех сторон стенами, он только сейчас начал поддаваться разрушительному воздействию тепла. И торчащие из снега белые пальцы с посиневшими ногтями ясно показывали, что сугроб скрывает не только выкинутый за ненадобностью мусор. Ну и что? Трупом больше, трупом меньше...

Кому это интересно?

Часть первая

Городские встречи

*Только улице знаком закон другой,
Амулеты-пистолеты стерегут покой...*

«Пикник»

Глава 1

Боль возвращалась медленно. Медленно и осторожно. Она так же боялась спугнуть почти затухшее сознание, как ночной лазутчик боится привлечь внимание часового. Сначала лизнула один палец, затем легонько уколола другой. А вскоре, обнаглев, принялась выкручивать суставы и тянуть жилы правой руки. В конце концов, это и разбило хрупкий лед забытья.

Еще не до конца очнувшись, я рванулся и попытался сбросить давящую многопудовым одеялом тяжесть сугроба. Руки легко вырвались из снежного плена, а дальше пришлось собрать все силы, чтобы выползти под благодатные солнечные лучи. Ничего не соображая, я вертел головой по сторонам и пытался справиться с лавиной нахлынувших вопросов: по-

чему лето? где я? кто я?

Кто я?! Именно этот вопрос дал толчок и заставил работать замерзшие мозги. Лед. Я – Лед. От этого слова по всему телу пробежала волна стужи, с которой холод сугроба не имел ничего общего. Лед. Это слово намертво вмерзло в мою душу и стало такой же неотъемлемой ее частью, как имя, данное при рождении. Если не большей. Не могу сказать, чтобы мне это нравилось – слишком уж мрачные и пугающие обрывки полузабытых воспоминаний пришли вслед за ним из глубин памяти. Лед – сознание вновь рухнуло в темные подземелья, спрятанные в самом сердце моря стужи.

Судорожно втянув сквозь крепко сжатые зубы воздух, я скинул наваждение. Довольно! Хватит! Промороженная и стоящая колом фуфайка полетела на землю, но без нее стало даже теплее. Солнечные лучи обжигают пальцами гладили по лицу. В синем с едва заметной проседью небе кружилось белое пятно птицы. Благодать. Живи и радуйся. Только есть одно офигенно большое «но»: как я здесь очутился?

– Черт! – Прошипев проклятие, я сощурил глаза и попытался рассмотреть окрестности.

Куда все же меня занесло? Взгляд остановился на пустом постаменте посреди школьного двора. Ох, твою мать! Конечно, многие школы строили по одному типовому проекту, но даю даже не зуб, а всю челюсть, что это именно та школа, в которую я, как последний дурак, вломился под черный полдень. Только теперь ее здание превратилось в руины.

Что здесь произошло? Как сейчас может быть лето? Не мог же я проваляться в сугробе без малого полгода? Или мог? Я приложил ко лбу ладонь. Она казалась холодной, но вовсе не ледяной. И уж тем более не походила на кусок замороженной плоти пролежавшего шесть месяцев в снегу человека. Может, у меня амнезия? Получил кирпичом по голове или паленой водки перепил, вот и образовался провал в памяти?

Пока сознание мучилось над разрешением дьявольской головоломки, руки сами по себе начали проверять одежду и снаряжение. Я сплюнул. Снаряжение! Из оружия один засапожный нож и все. Что радует – деньги на месте и крестик на цепочке висит. О, еще и пирамидка никуда не делась. Только не уверен, стоит ли этому радоваться. Одежда вроде вся цела, только заморожена. Ничего, оттаю.

А может я ледяной ходок? Зародившаяся в измученном мозге мысль испугала до икоты. Мертвяк? Несколько раз судорожно вздохнув, я попытался уверить себя, что это невозможно. Мертвяки не дышат, и сердце у них не бьется. А самое главное – такими дурацкими вопросами они не задаются. Я – живой!

Ага, и провалялся полгода в сугробе...

Отвали! У меня амнезия! Точка.

Задавив последние крохи глупых сомнений, я накинул на плечи фуфайку и побрел через пустырь к ведущей в Форт дороге. Башмаки с чавканьем взламывали подсохшую корку

земли и вскоре полностью скрылись под толстым слоем рыжей глины. Такое впечатление – на ноги нацепили пудовые гири.

Выбравшись на дорогу, я первым делом залез в лужу и постарался счистить налипшую грязь. Куда там! Только зря ноги промочил. Фигня, холоднее не стало. Тяжело вздохнув, мельком глянул на зависшее в небе солнце – дело движется к обеду – и, подбрасывая в руке нож, поплелся по дороге. Мне бы, главное, развалины гаражей миновать, а дальше легче будет. В Форт пустят без проблем – вложенные в пластиковый файл документы не пострадали, – но до него еще пройти надо. И с одним ножом это совсем непросто. Конечно, многие твари впали в летнюю спячку или откочевали на север, а отродья стужи сгинули до следующей зимы, но хватает и хищников, для которых сейчас самый сезон. Нежить с нечистью опять-таки никуда не делись. Хотя нет, летним днем их можно не опасаться. Так что, глядишь – прорвемся.

Промокшие ноги совершенно не мерзли, да и сам я холода не ощущал. Тоже странно. Хоть и июнь, но на улице должно быть прохладновастенько. Вопрос. Еще один вопрос. Ох, что-то их многовато накопилось. Не к добру это.

Как в сугробе очутился? Если провалялся с зимы, то почему не замерз? Если обратно вернулся только недавно, почему не помню ничего? Полугодовую амнезию простым запоем не объяснить. И самое главное: ну, дойду я сейчас до Форта, а дальше? Здравствуйте, я вернулся... И кому я там нужен?

Работы нет – на обещанной Гельманом Северной промзоне мне делать нечего. Денег кот наплакал. Пока парней не найду и делом не займусь, как бы ноги не протянуть. А еще валькирии! Забыли они про меня, нет? Вряд ли, эти стервы такое не прощают. Выходит, придется опять идти на поклон к Яну – узнавать новости. А потом... потом из Форта придется рвать когти.

Я даже остановился от неожиданно пришедшей в голову мысли. Из Форта? А что это изменит? Если уж ставить перед собой задачу, так это валить из Приграничья. Слухи о счастливчиках, вырвавшихся отсюда в нормальный мир, ходят давно. А дыма без огня не бывает. Ведь так? Очень на это надеюсь. И что тогда мне мешает попытаться вернуться домой?

Домой! Я еще раз попробовал это слово на вкус и поднял лицо к небу, наслаждаясь снизошедшими покоем и теплом. Именно домой. Форт за три года домом для меня так и не стал. Стоит ли за него цепляться? Раньше крутился как белка в колесе, просто пытаюсь выжить. А теперь? Оно мне надо? Или стоит использовать шанс соскочить с этой безумной электрички?

Я перепрыгнул через стекавший в низину к гаражам стремительный ручей и прибавил шаг. На душе полегчало, и теперь мне доставляло определенное удовольствие перескакивать с одного сухого островка дороги на другой. А то и дело летящие из-под ног брызги холодной воды и грязи настрое-

ния испортить не могли.

Но правильно говорят: не стоит щелкать клювом, судьба этого не любит. Увлеченный прыжками через грязь, я не обратил внимания на стремительно остывающий воздух, но стоило зайти за гаражи и стало уже поздно. Низкий гул сверлом ввернулся в темечко, а внезапно возникший над развалинами льдисто-прозрачный силуэт пирамиды заставил бешено забиться сердце. Меня захлестнул дикий ужас, но отступать было уже некуда: позади все затянуло густой пеленой тумана, в глубине которого двигалось постоянно менявшееся очертания нечто.

В панике вертясь на перекрестке, я начал искать пути к отступлению. Тщетно. Один из проходов полностью перегородивали бетонные обломки гаражей, в двух оставшихся туман сгустился так же внезапно, как и у меня за спиной. Что делать?

Я бросил взгляд на парящую в воздухе пирамиду – от одного ее вида в позвоночник словно забили ледяной штырь, – и мне показалось, что грани стали уже чуть более прозрачными, а в нескольких местах замелькали радужные разводы. Совсем как на мыльных пузырях перед тем, как они лопаются. От непрерывной смены давящих на психику цветов заломило глаза.

В этот момент окружавший меня туман забурлил, закрутился и сконцентрировался в три человекоподобные фигуры. Меня аж к месту приморозило. Ноги враз стали ватны-

ми, а правая кисть сама собой разжалась и нож, булькнув, скрылся в мутной воде.

Туманные фигуры смазались и двинулись ко мне, гоня перед собой волну воздуха, такого холодного, будто он был пропитан ужасом и агонией сгинувших в беспросветном мраке человеческих душ. С каждым мигмом исчадия стужи становились все более и более материальными. Перекрученные полосы тумана высасывали и вбирали в себя из окружающего мира холод, тени и осколки льда. Вскоре парившие в воздухе фигуры превратились в сгустки тьмы и мороза, а зачаровывающе-пронзительные взгляды пустых глаз стали ощущаться почти физически. Переполюнявшая эти твари энергия бурлила и была готова в любой момент сорваться с удерживавшей ее цепи, чтобы растерзать и разметать на обледенелые куски мое тело. Или они пришли за душой?

Да что это за напасть?! Снежные Лорды? Летом?! Прижав к вискам ладони, я зажмурился и попытался сконцентрировать доступные мне крохи магической энергии. Отбиться, конечно, не получится, но, быть может, чертова пирамида сгинет прежде, чем эти твари успеют меня растерзать? Вот только попытка колдовства окончилась полным провалом: внутренняя энергия даже не заметила моих попыток управлять ею. Я ее чувствовал, осязал, но управлять не мог! Словно не было обучения в Гимназии, словно я больше не был колдуном!

Нахлынувшие с трех сторон волны холода обрушились

как удары кузнечных молотов. Дыхание со свистом вырвалось из легких и тут же осыпалось вниз кристалликами льда. Мгновенно застывшая вода сковала подошвы ботинок. От невыносимой стужи потемнело в глазах, но в какой-то момент я понял, что все еще жив и даже продолжаю дышать. Чужая сила окатила меня, заморозила все вокруг и, не причинив никакого вреда, схлынула обратно.

Но в планы Снежных Лордов отступление вовсе не входило, и они ударили снова. И снова, и снова, и снова...

С каждой последующей волной во мне что-то ломалось и вскоре в голову стали впиваться иглы чужой воли. Пронзительные голоса монотонно твердили одну и ту же фразу на незнакомом языке.

Осознав, что еще чуть-чуть и мне конец, я заорал и, с хрустом выломав из замерзшей лужи ботинки, кинулся к перегородившему свободный от тумана проход завалу. Очередная волна стужи догнала меня, легко приподняла и с размаху швырнула прямо на бетонные обломки. На миг в глазах потемнело, а когда зрение вернулось, ледяной пирамиды в небе уже не было. Вместе с ней сгнули и Снежные Лорды.

Вовремя. Я уселся на край бетонной плиты и наклонился вперед, чтобы капавшая из разбитого носа кровь не пачкала штаны. Алые капельки срывались с кончика носа и пятали землю. А кровь-то теплая! Совсем даже не смерзшееся ледяное крошево.

Немного посидев и подождав, пока не пройдет гул в го-

лове, я осторожно встал – правое колено стрельнуло резкой болью – и, прихрамывая, доковылял до перекрестка. Черт! Промерзшие лужи и не думали оттаивать, и достать со дна засапожный нож не получилось при всем желании.

Кроме расквашенного при падении носа и припухшего колена больше ничто не беспокоило. В голове, правда, продолжало звенеть. Но тут уж ничего не поделать. И все же, что произошло? Именно этот вопрос не давал мне покоя, пока я пробирался через развалины гаражей. Даже если счесть появление Снежных Лордов случайностью – это летом-то! – как объяснить мою нечувствительность к холоду? И куда пропали способности к колдовству? А еще эта клятая пирамида!

Наученный горьким опытом, я не давал крутившимся в голове тяжелым мыслям полностью занять меня и настороженно посматривал по сторонам. И не зря: пару раз на пути встречались бездонные лужи, белела на бетонных стенах изморозь дурманящего сознания мха-страхогона, а провал, заполненный нежить-дымом, оказался совсем не там, где ему полагалось находиться. Да еще двух заползших в тень мертвяков-подснежников удалось заметить заранее и обойти, свернув в соседний проход. Нет, что ни говори, отрядом возвращаться в Форт куда как веселей.

Целый и невредимый, хоть и изрядно уставший, минут через сорок я вышел к стенам Форта. И куда теперь? К юго-восточным воротам или к западным? До юго-восточных еще

топать и топать, а западные – вот они, почти под боком. Но там на посту запросто может никого не оказаться: если не ждут патрульных или ремонтников с обхода стены, караульных с подвала снимают. Тогда ни в жисть не достучаться. И что делать? Скрепя сердце решил идти к западным: и ближе, и до Яна Карловича рукой подать. А не получится – не так уж много времени потеряю.

Настороженно косясь на сторожевые вышки и узкие щели огневых позиций, я повернул на север. Как бы не пальнули стгоряча. С гарнизонных станется.

Спуск в подземный переход за прошедшее с моего последнего сюда визита время ничуть не изменился. Только покрывавший ступени снег растаял, и наледь внизу оказалась скрыта под неглубокой лужей. И так промокшие ботинки суше от этого не стали. Впервые с момента пробуждения мне почудилось что-то отдаленно напоминающее холод. Начал отгаивать? Подошва ботинка проскользнула на обледенелом полу, и только бешено замахав руками, удалось удержать равновесие и не рухнуть навзничь в холодную воду. Твою мать! Так и убиться недолго.

Освещение в переходе не включили и вперед пришлось пробираться в полной темноте. К счастью, панель домофона была едва заметно подсвечена – там питание не отрубили. Ну-ну, глядишь, чего и выгорит. И какой, интересно, пароль?

Я набрал три тройки, но в ответ раздался лишь короткий электронный писк, а цифры мигнули и потухли. Сменили?

А если так: палец остановился на семерке и три раза подряд нажал кнопку. Раздался длинный гудок. Ништяк. Есть кто на посту, нет?

– Кто? – захрипел динамик на седьмом гудке.

– Конь в пальто, открывайте, короче, – рявкнул я, целиком положившись на удачу. Запустят?

– Повторяю вопрос: кто там приперся такой умный? – не купился караульный на любимую присказку Креста.

– Лед это, Патруль, – вздохнул я, предчувствуя новые приключения на свою пятую точку. – Ну чё, открывать будем, нет?

– Заходи, – как-то озадаченно отозвался караульный.

Домофон щелкнул и потух, а перегораживавший проход люк с лязгом сдвинулся немного в сторону. Не теряя времени, я проскользнул внутрь. Стальная перегородка незамедлительно захлопнулась у меня за спиной. Ничего интересного в темной камере не появилось. Все те же расписанные рунами стены, все тот же заляпанный грязью пол с пентаграммой. А может, пентаграмма и руны никакой смысловой нагрузки и не несут вовсе? Запросто от скуки какой-нибудь патрульный намалевать мог. От скуки и не такое нарисуешь.

Минуты ожидания тянулись мучительно долго. Через некоторое время я забеспокоился всерьез: стандартная проверка занимает ровно пять минут. Не больше и не меньше. А меня здесь уже минут пятнадцать мурыжат. Что происходит? Несколько раз со всей мочи пнув по стене, я пошевелил

отбитыми пальцами и зло выругался. Забыли они обо мне, что ли? Или меня в какой-нибудь черный список внесли, и сейчас сюда группа захвата подтягивается?

Проторчать в тесной холодной клетушке пришлось еще минут десять, не меньше. А когда люк шлюза резко распахнулся и внутрь хлынул ослепительный свет галогенных ламп, единственное, что осталось сделать, – зажмуриться и прикрыть глаза рукой.

– На выход! Оружие на пол, руки за голову, – скомандовал невидимый из-за ослепительного света караульный.

– Какого хрена? – пытаюсь проморгать слезящиеся глаза, прошипел я. Но выходить не стал. Выйдешь – пока разберутся, по почкам всяко надавать успеют. Понятно, что у гарнизонных других развлечений нет, но не за мой же счет!

– Оружие на пол, – снова прорычал караульный. Ишь, какой настойчивый.

– Да нету у меня оружия, нету! – психанув, заорал я в ответ. Ослепленные глаза к яркому свету еще не привыкли, и разглядеть получилось только смутные силуэты людей.

– Ну ты...

– Вадим, подожди. Биометрические параметры в норме? – спросил кто-то, стоявший в дальнем углу. Голос знакомый. Петрович, что ли?

– Да, но в списках...

– Лед, выходи, – не стал слушать дальше Смирнов. Хоть один нормальный человек в Гарнизоне есть. Остальные толь-

ко и горазды, что орать да оружием махать.

Я медленно вышел из шлюза и осмотрел набившийся в небольшую комнату народ. Трое гарнизонных целились в меня из автоматов, и мое искривленное изображение отражалось на зеркальных забралах их шлемов. Прикомандированный к Гарнизону колдун, прищурившись, задумчиво перекатывал в правой ладони потемневшие от пота дубовые шарики, напитанные какими-то смертоносными заклинаниями. Смирнов стоял в дальнем углу и бросаться ко мне с объятиями вовсе не собирался.

– Петрович, ну чего ты лезешь? Тебя зачем вообще позвали? – Незамеченный мной начальник караула убрал наган в кобуру и убавил мощность бьющих в лицо ламп. – Опознал и иди отсюда. А мне допрос провести надо.

– Вот как. Приди еще ко мне за патронами, – хмыкнул Смирнов и взялся за дверную ручку.

– Да ладно, чего ты, в самом деле? – Начальник караула понял, что перегнул палку. – У меня инструкции...

– У меня тоже... инструкции. – Петрович открыл дверь. – А еще учет и контроль.

– Да забирай ты его, – плюнул караульный. – Забирай, но под персональную ответственность.

– Лед, пошли. – Смирнов кивнул на дверь и повел меня в свою бендежку.

Присев на ящик с пулеметными цинками, он пошарил под столом и достал початую бутылку водки. Я уселся на табу-

ретку. Все так же молча Петрович разлил водку и передвинул один из граненых стаканов мне. Выпили не чокаясь. Теплая водка ухнула вниз по пищеводу, потом рванулась обратно, но привычка взяла верх и сорокаградусная отравка осталась в желудке. Ну-с, с возвращеньцем.

– Где пропал? – Смирнов с сожалением убрал под стол пустую бутылку.

– А-а-а, даже не спрашивай. – Я проводил взглядом бутылку и махнул рукой.

– И как оно там? – одернул Петрович новенькую камуфляжную куртку, которую еще не успел заляпать машинным маслом.

– Хреново, – не совсем понял я вопрос, но, думаю, ответил чистую правду.

– Значит, как у нас. – Начальник арсенала сначала задумчиво посмотрел на ходики с кукушкой, потом под стол.

– У вас здесь чего новенького? – решил разведать обстановку я.

– У нас столько нового, что до конца дня можно сидеть и удивляться. – Смирнов покачал головой и поднялся с ящика. – Ты забегай вечерком – посидим, поговорим. А сейчас, извини, выстрелы к гранатометам подвезти должны.

– Зайду, конечно, – вслед за хозяином поднялся и я. – Меня искал кто?

– Искать не искали. – Смирнов внимательно посмотрел на меня, словно решая, есть ли в вопросе двойное дно. – Гово-

рили, ты в Северореченск с караваном ушел.

– Понятно. – Я попрощался с Петровичем и выскочил из бендежки, пока не начались совершенно излишние сейчас вопросы. – Зайду еще.

От выпитой водки в желудке начало разгораться пламя, и только тут я понял, насколько голоден. Быка бы съел. Или поросенка. А лучше двух. Решив не заглядывать в оружейную – по-любому, мой шкафчик уже выпотрошили, – вышел к проходной и, разругавшись с не желавшим выпускать меня без пропуска сержантом, поднялся наверх.

Снегу в Форте осталось не сказать чтобы больше, чем за городскими стенами, но не до конца стаявшие грязные сугробы еще таились в тени домов. Тротуары – там, где заканчивался гравий и асфальт – походили на непроходимые болотные топи. Нисколько по этому поводу не беспокоясь – ботинки и штаны по колено уже покрывала настоящая корка грязи, и сильнее заляпать их было просто невозможно, – я направился к видневшейся неподалеку бежевой двухэтажке. К моему удивлению, медные буквы вывески оказались тусклыми и давно нечищенными, а штукатурка в нескольких местах лопнула и обнажила серую грунтовку. Чего это Ян за домом следить перестал? Странно.

Я нерешительно приоткрыл дверь и бочком протиснулся внутрь. Извазюкаю ведь все! Об расстеленную у порога тряпку ботинки не очень-то и почистишь. И пол, как назло, недавно вымыт. Полок и стеллажей в магазине стало еще

больше, висевшая под потолком стоваттная лампочка по случаю светлого времени суток не горела. Ну и само собой Вениамин за прилавком как всегда что-то кушает.

– Привет! – поздоровался я и, решив, что ботинки чище уже не станут, прошел в комнату.

Приказчик оторвался от тарелки с супом, рассеянно посмотрел на меня и вдруг выхватил из-под прилавка обрез помпового ружья.

– Ты чего? – облизнул я пересохшие губы и широко развел руки в стороны.

Что за шутки? Да какие, на фиг, могут быть шутки двенадцатого калибра?! И вовсе Веня на шутника не похож. Того и гляди – пальнет. Может, у него с головой чего или заболел? Вон какой бледный и похудел сильно. Ничего не ответив, парень продолжал держать меня на прицеле до тех пор, пока на него не шикнул выглянувший из своего кабинета Ян Карлович. Только тогда он убрал обрез под прилавок, но рук обратно так и не вытащил.

– Зайди. – Радости в голосе Яна тоже не чувствовалось, скорее даже наоборот. Ох, да что здесь происходит?

Именно этот вопрос я и задал, когда прошел в кабинет и, не снимая фуфайки, плюхнулся в придвинутое к столу кресло.

– Не обращай внимания – спутал тебя кое с кем, вот и все, – выдержав долгую паузу, ответил торговец.

– Хм... – Я обратил внимание, что вместо освещавшего

раньше кабинет магического шара в углу стоит обычный торшер. Спутал? С каких это пор у Вени проблемы со слухом и зрением начались? У меня даже возникло желание задать Яну несколько неудобных вопросов. Вот только в открытую сомневаться в правдивости ответа, было не очень умно. – Меня всего-то полгода не было, а уже путать начали...

– Забудь. Занимался чем?

– Да так, дела делал. Чего зашел-то: не в курсе, чем заварушка с моим ножом закончилась? А то я самое интересное пропустил...

– Почему не в курсе? В курсе. Ничем она особенным не закончилась. Как ты от меня ушел, в тот же день, только ближе к вечеру, все шишки Дружины и Гимназии за город рванули – развалины какие-то осматривать. Выброс энергии, говорили, там просто жуткий был. Вот и решили, что кто-то со слишком серьезными силами поиграться решил, а силенок не хватило. Нож твой так и не нашли. Да не очень-то и искали, честно говоря.

– Мной никто не интересовался?

– Заходил деятель один с Дружины, спрашивал. Мы уж думать начали, ты от греха подальше из Форта уехал, да вижу, ума на это у тебя не хватило. – Торговец криво усмехнулся. – Сейчас никто ту историю уже и не вспоминает. Новых проблем полно.

– Ян Карлович, тут в чем косяк, – решил я рубануть с плеча и не мучиться. – Я последние полгода вообще не помню.

– Совсем не помнишь? – Как обычно, задумавшись, Ян Карлович снял очки и начал протирать стекла кусочком замши.

– Нет. – На самом деле я почти уверился, что так и провалялся в сугробе, но реакция Вени меня очень и очень насторожила.

– Занятно. – Торговец вновь надел очки. – С неделю назад Вениамин тебя в «Кишке» встретил. Ты на него просто посмотрел и дальше пошел, а его до сих пор трясет.

– Что за ерунда? Просто посмотрел?

– Просто посмотрел.

– Ничего не понимаю. Это точно был я? – Мне никак не удавалось собрать в одну кучу разбегающиеся мысли. Значит все-таки амнезия? И шесть месяцев жизни вылетели в трубу? Но ведь на мне сейчас именно та одежда, что и полгода назад! Так лежал я все это время в сугробе или нет? А если лежал, то кого видел Вениа? Перевертыша или просто обознался? – Мне бы поговорить с ним.

– Поговоришь, – как-то скучно согласился Ян. – Позже. А сейчас у меня есть к тебе дело. Даже не дело, а просьба...

– Ян Карлович, вы же знаете, для вас что угодно. – Я впервые за время разговора внимательно посмотрел на хозяина кабинета. А он сдал и сдал сильно: желтоватая кожа лица приобрела нездорово-серый оттенок, обозначились складка над переносицей и глубокие морщины на лбу. В темных волосах появилась седина. – Как ни крути, я вам жизнью обя-

зан.

– Обязан одной, а попрошу две, – не стал больше скромничать Ян.

– Кого? – Раз пошла такая пьянка, в открытую спросил я.

– Гиоргадзе ко мне своих племянников приставил. – Торговец нервно забарабанил по столу пальцами. – Очень они мне мешают.

– Что значит – приставил? – удивился я.

– Я тебе раскладку сил в Торговом Союзе потом дам. Одно скажу: скоро я без разрешения Гиоргадзе даже почесаться не смогу. С этим надо что-то делать. И делать срочно. – Хозяин кабинета несколько раз выдвинул и задвинул верхний ящик стола. – Возьмешься?

– Почему нет? – Я не колебался ни минуты. Некоторые долги по-другому не отдать. – Когда и где?

– Они сегодня здесь появиться должны. – Ян Карлович вновь выдвинул ящик стола и выложил передо мной два стилета. Узкие полоски железа чуть ли не светились от пропитавшей их убийственной магии. – Это должны найти в телах.

– Мне их подождать? – Я взял стилеты и внимательно осмотрел. Заточка как у бритвы, а художественных изысков никаких, только на пятках выгравированы два одинаковых иероглифа. Нет, насчет стилетов я погорячился. Скорее, клинки можно отнести к узким кинжалам.

– На твое усмотрение, – пожал плечами торговец. – А завтра приходи к обеду на склад у площади Павших, там и по-

говорим.

– Договорились, – кивнул я. А ведь первый раз человека на заказ убить согласился. Да ну и леший с ним. – Тогда, может, уточните у Вениамина насчет нашей встречи, а то он сейчас нервный – пальнет еще.

– Обязательно, – пообещал Ян и достал из бара бутылку. – Не голоден? Или попросить принести чего?

– Вы знаете, не откажусь. – Я отвел взгляд от подрагивающей руки наливавшего коньяк торговца. Да что здесь стряслось?

– Здравсте! – Дверь без стука распахнулась, и в кабинет заглянул темноволосый парень на несколько лет помладше меня.

– Не видишь – я занят? – нахмурился Ян и кинул на меня многозначительный взгляд. Да я и сам уже понял, что это как раз один из племянников Гиоргадзе.

– Нам бы с вашим гостем парой слов перекинуться, – ничуть не смутился тот холодному приему. – Можно его на минутку?

– Без проблем, – удивление не помешало мне незаметно убрать кинжалы в карманы фуфайки и только потом подняться с кресла. – Тогда до завтра, Ян Карлович.

– До завтра.

Еще один темноволосый крепыш караулил меня в конце прохода между двумя рядами стеллажей. И на кой ляд я этой парочке понадобился?

– Ты – Лед, да? – не дал мне возможности первым начать разговор один из братьев.

– Ну и? – не стал отнекиваться я.

– Пошли, с тобой поговорить хотят.

– Пусть приходят – поговорим, – не обратил я внимания на освободившего проход племянника Гиоргадзе. Второй сердито засопел у меня за спиной. От этого сразу стало как-то очень неудобно.

– Дядя велел тебя привести, – сделал приглашающий жест рукой крепыш. – Ты знаешь, кто наш дядя?

– Будет время – зайду.

– Слушай, тебя и так полгода не видно было! Мы случайно на тебя наткнулись, а ты – зайду! Пошли, а?

– Ладно, пошли, – ничего не оставалось, как согласиться мне.

Проходя мимо Вениамина, я не удержался от искушения и ухватил с расстеленной на прилавке газеты пирожок. Веня даже дар речи потерял от такой наглости. Пирожок оказался с картошкой. Вкусно, но мало.

Братья вышли из магазина вслед за мной и, нагнав на улице, пошли по бокам. Тот, что шел справа, кинул в рот пластинку жевательной резинки и выбросил обертку в грязь. Тот, что шел слева, закурил. Такая вот длинная прогулка по пирсу получается. Только, надеюсь, конец у нее несколько иной будет.

Я мельком глянул на братьев и задумался. Что понадо-

билось от меня Гиоргадзе? Или, быть может, его кто-то попросил меня найти? И почему именно полгода назад? Опять все дело в том злополучном ноже? В любом случае – это вопрос, который останется без ответа. В ближайшее время встречаться с подмявшим под себя Торговый Союз человеком я не собирался. Да и от выполнения просьбы Яна меня никто не освобождал. Не думаю, что это будет очень уж сложно. Братья, на мой взгляд, слишком полагались на авторитет дяди и к своей безопасности относились просто-напросто халатно. Даже не особенно приглядываясь, было видно, что под длинными черными кожаными куртками кольчуг нет, фона активных защитных амулетов тоже не ощущалось. Да и вооружение не ахти: на поясах болтались только прямые кинжалы, рукояти которых украшали серебряные накладки.

Больше внимания я на братьев не обращал и только вертел головой по сторонам. Несмотря на то что еще не стемнело, навстречу нам никто не попадался – район, через который мы шли, находился в полном запустении. И это к лучшему. Свидетели мне в этом деле ни к чему. А люди Яна язык за зубами держать умеют. Неоднократно в этом убеждался.

Да уж, безлюдно тут. Как в фильмах про войну, блин. Обветшалые двух – и трехэтажные дома, оставленные без человеческой заботы, давно уже находились в полуразрушенном состоянии. Впереди мелькнула развалина, от которой остались только закопченные стены. Когда строили городскую стену, разбирали ближайшие дома с внешней стороны,

а внутри Форта ничего особенно не растаскивали. На будущее оставляли. Только кому они сейчас нужны? Тут и крысы уже не живут – потому как жрать нечего. Вот и стоят теперь по всему старому городу целые микрорайоны, где не обитает ни одна живая душа. Особенно их много на северной окраине и западе Форта.

– Куда идем? – решил проверить настроение парней я, когда мы уже прилично отошли от магазина Яна. А ведь так минут через пять напрямиком на Красный проспект выйдем.

– Тут недалеко, – буркнул крепыш и выкинул окурок.

– Иди давай. Придем – увидишь, – поддержал его брат, поправил воротник куртки и ладонью пригладил черные курчавые волосы.

– Как скажете. – Засунув руки в карманы фуфайки, я резко ускорил шаг и хамить в ответ не стал. Зачем ругаться с теми, кого собираешься убить? С тем, кого собираешься убить, надо по возможности поддерживать хорошие отношения. Совершенно ни к чему создавать себе дополнительные сложности.

Братья постарались от меня не отстать, так что, когда я резко остановился, по инерции шагнули вперед. И тут же выхваченные мной из карманов фуфайки острые узкие клинки, пропоров куртки, воткнулись им в спины. Тот, что шел справа, молча упал на дорогу лицом вниз. Тот, что шел слева, попытался обернуться, схватился за кинжал, но изо рта у него хлынула кровь, ноги подкосились, и он завалился набок.

Все-таки левая рука у меня хуже разработана.

В очередной раз подивившись собственному цинизму, я присел у замерших на земле тел и обшарил карманы. Кинжалы брать не стал, а содержимое кошельков до последней монетки пересыпал себе. Боевые, так сказать, трофеи. Все, теперь надо ноги отсюда по-быстрому делать.

Минут через десять я вышел на Красный проспект и направился в сторону морга. Совесть вроде совсем не мучает. Закон выживания: или ты, или тебя. Да и с Яном по старому долгу рассчитался с процентами. Но почему ж так мерзко на душе?

Сплюнув, зашагал дальше. Запахло шашлыком. И дымок такой аппетитный. Сглотнув набежавшую слюну – одного пирожка явно оказалось слишком мало, – я с сомнением осмотрел шашлычную, побренчал монетами в кармане и все же прошел мимо. Сам установленный у дороги мангал и расставленные поблизости пластиковые столы и стулья подозрений не вызывали, но облезлая физиономия шашлычника доверия не внушала. Да и скушать шашлык в незнакомом месте – это сродни русской рулетке. Пронесет – не пронесет. И патронов в барабане куда больше одного. Как назло, дальше на Красном никаких приличных закусовых до самой «Берлоги» не намечалось. Придется терпеть резь в желудке, ничего не поделаешь. Вот переговорю с Гадесом насчет комнаты и сразу куда-нибудь завалюсь пузо набить.

Метров через двести после шашлычной мое внимание

привлек отпечаток протектора автомобильной шины в дорожной грязи. Это еще откуда взялось? Кто-то бензин достать умудрился или из Города в гости приехали? С другой стороны, могли и на телегу автомобильную резину поставить. Чудны дела твои, Господи.

К расположенной немного дальше колонке с питьевой водой выстроилась целая очередь, вооруженная ведрами, канистрами и забытыми полиэтиленовыми бутылками пакетами. Один мужик прикатил ручную тележку с пятидесятилитровой флягой, и стоящие позади смотрели на него с откровенной неприязнью. Не выкинули его из очереди только из-за приглядывавшего за порядком наряда дружинников. Да, с наступлением тепла всегда возникает проблема со снабжением питьевой водой. Это зимой свежего снега набрал и все дела: размораживай и пей.

Никуда особенно не торопясь, я шел по проспекту и с надеждой рассматривал вывески, но ничего даже отдаленно напоминающего харчевню здесь так и не открыли. Во дворах, может, что и есть, но не искать же наугад? Интересно, дальше ничего подходящего не будет? Не видать...

На пороге скобяной лавки сидел хорошо одетый парень, уставившийся в одну точку перед собой. Взгляд у него был совершенно стеклянный. Это надо ж было так обдолбаться!

Окна салона «Гомеопат» закрывали жалюзи, хотя входная дверь и стояла распахнутой настежь. В любом случае мне их порошки и микстуры без надобности.

У спуска в подвал, где располагался магазин «Охотник и рыболов», один старикан увлеченно махал перед другим длинным телескопическим удилищем. Нашел чем хвастаться, пенек старый.

Перед занимавшей первый этаж двухэтажного дома букмекерской конторой Гонзо, фасад которого закрывали строительные леса, яростно о чем-то спорили три цеховика. Одинокий маляр забросил кисть и курил, увлеченно прислушиваясь к спорщикам. Работничек, е-мое.

Впереди показалось открытое пространство – стоявший здесь раньше жилой дом снесли и на освободившемся участке разместили загон для лошадей. Около десятка весьма солидных мужчин в возрасте степенно прохаживались вдоль забора и обсуждали достоинства молодняка. Ветер донес густой запах навоза, конского пота и мочи.

А вот следующий квартал меня поразил. Прямо напротив здания бывшего техникума легкой промышленности возвышался помост с тремя виселицами. Благо, пустыми. Это что за нововведение? Раньше вешали рядом с городским крематорием. Странно.

Я уже миновал деловой дом Яхонтова, школу рукопашного боя «Берсеркер» и тир «Три стрелы», когда заметил надпись рядом с окнами торговавшей защитными артефактами лавки: «Смерть – китайцам!» Актуальность этого лозунга осталась для меня загадкой. Отродясь китайцев в Форте не было. И не пожалел же кто-то краски. Хотя на стенах чего

только не пишут. Непонятно одно: неведомый пропагандист не побоялся замалевать эмблему Братства – перекрещенные на черном щите меч и топор, – которая давала понять всем любителям легкой наживы, что лавка находится под надежной защитой. А вот это уже серьезно: заметили бы братья, мигом руки поотрубали.

А вообще, граффити на стенах домов прибавилось. И просто весенним обострением этого не объяснить: бездумная красивенькая графика нет-нет да и чередовалась с символикой уличных банд. Рекламы тоже стало заметно больше. И снова меня поразила бессмысленная на первый взгляд фраза: «Алхимия = зло». Мир окончательно сошел с ума? Или это я чего-то не догоняю?

Особняк объединения кузнецов и оружейников спрятался за высокой чугунной оградой. На фасаде висела вывеска: «Куюм для Вас». Откуда-то из-за дома валили густые клубы черного дыма и доносился металлический лязг. На чем они, интересно, деньги делают? На одной ковке не разбогатеешь, а хоромы у них будь здоров.

Вскоре начался небольшой кварталчик офисов. Дома здесь пестрели десятками вывесок и объявлений. Местные пятиэтажки давно уже облюбовали себе под конторы мелкие коммерсанты, предсказатели, целители и прочие шарлатаны и мошенники, которые набились в них просто в невероятном количестве. «Хрустальный шар», «Ловец удачи», «Продукты оптом», «Сауны Нептуна», «Лунные травы», «Бое-

вые заклинания первого ранга», "Стоматологический кабинет «Граф Д.», "Охранное агентство «Штиль» и прочая, и прочая, и прочая... Кого здесь только не было. Начиная от венерологов и гробовщиков и заканчивая домом мод «Царская одежда». Все правильно, в складчину за домами следить куда как сподручней. Да и безопасней: не всякая банда подкатить рискнет.

Дальше и вовсе потянулись жилые дома. Среди них все чаще мрачными пятнами торчали бесхозные развалины, до которых никому не было дела. Ну вот, я почти и пришел. А значит хватит по сторонам глазеть: северная окраина только начинается, но и здесь считать ворон категорически не рекомендуется. Разденут и разуют в два счета. Мне, думаю, это не грозит, но пика в бок еще ничьему здоровью на пользу не шла.

Уже почти перед самым моргом на углу Красного и Кривой собралась многочисленная толпа. Я намеревался обойти непонятное столпотворение стороной, но заметил лениво прохаживающихся дружинников и решил посмотреть, в чем дело. Конечно, чаще всего присутствие легавых не есть хорошо и вовсе не избавляет от неприятностей – скорее даже наоборот, но мне стало интересно, из-за чего весь сыр-бор. Судя по многоголосному гулу, женским причитаниям и азартным выкрикам, там кого-то били. Поймали воришку? Вряд ли. Из-за таких пустяков Дружина самосуда не допускает. Они и сами ребра поломать не хуже могут.

Протиснувшись вперед, я с удивлением разглядел белые одеяния Чистых. Трое головорезов развернулись лицами к не решавшейся вплотную придвинуться толпе, еще двое мессили железными прутьями завалившегося на землю парнишку. Короткая кожаная куртка и грязь вокруг пацана уже были залиты кровью, но арматурины взлетали вверх снова и снова. Парнишка даже не пытался больше закрыться руками и только мелко вздрагивал, когда железо врезалось в плоть. Или это агония?

Ну и что это за дела? Как-то не похоже на обычную разборку между бандами, пусть и болтается на куртке у парня алюминиевая бляха «Ночных охотников». Да и дружинники бы просто так не стояли. Они такой наглости не спускают – им труповозку потом ждать совсем не в радость.

– Чё происходит-то? – толкнул я в бок подпрыгивающего рядом работягу в испачканном цементными пятнами комбинезоне. Высоким ростом он похвастаться не мог, а пробраться ближе не давали вставшие плечом к плечу кровельщики, бросившие ради такого зрелища работу. Можно подумать, им с крыши хуже видно было.

– Дилера поймали. «Радостью», падла, торговал, – немедленно отозвался работяга и тут же со всех сторон посыпались уточнения.

– Не «радостью», а «счастьем».

– Хорошо, что Чистые выловили, от них не откупишься.

– Точно говорю: «радостью»!

– Точно? Сам у него брал?

– Да я тебя!..

Вывалившись из слишком уж агрессивно настроенной толпы, я свернул с проспекта и побрел к моргу. «Радость» какая-то, «счастье»... Наркота новая появилась? Но тогда при чем здесь Чистые? Кто бы объяснил. У Гадеса, что ли, спросить? Так он в таких вопросах не очень-то и ориентируется. Да ну их, мне бы свои проблемы решить.

Еще от ограды я понял, что с моргом творится что-то не то. Здание полностью опутывали строительные леса, а одно крыло уже было оштукатурено и блестело недавно вставленными стеклами. Какая блажь Гадесу в голову ударила? А в том, что именно он продолжает оставаться хозяином морга, сомнений быть не могло: здание полностью укрывала почти невидимая, но от этого не становящаяся менее надежной силовая полусфера. Я несколько раз моргнул, но она и не думала пропадать. Странно, раньше никогда разглядеть не получалось. Блин, как бы мне внутрь попасть? Амулет-то Гадеса я профукал.

Ничего придумывать не пришлось: Аарон Давидович в длинном теплом халате и доходящих до щиколоток меховых тапочках вышел на крыльцо и начал орать на отстраненно уставившегося в небо бригадира штукатуров. Видимо, это был проверенный способ общения с магом, поскольку тот вскоре выдохся и с досадой махнул рукой:

– Работайте...

– Аарон Давидович, здравствуйте! – взбежал я на крыльцо, торопясь перехватить мага до того, как он скроется внутри.

– Явился, – неодобрительно взглянул на меня старик и отвернулся. – Пошли...

Не шибко радостный прием. С чего бы это? Дуется из-за полугодовой задержки квартплаты? Даже не смешно. Давно уж, поди, мою комнатушку сдал.

Я с опаской шагнул в энергетическую пелену защитного поля и по отремонтированной лестнице спустился в подвал. Старик уже открыл первую с левой стороны дверь, зашел внутрь и копался в обшитом железными полосами массивном сундуке.

– Забирай. – Маг достал туго набитый пластиковый мешок и кинул его на пол.

– Это что? – Я прислонился к дверному косяку, демонстративно разглядывая комнату. Все осталось по-старому, только в одном углу с потолка свешивалась мерцающая нить световода.

– Твои вещи. – Гадес потер крючковатый нос и скрестил на груди руки. – Забирай и выметывайся.

– Да я вообще-то у вас, Аарон Давидович, комнату снять хотел, – ошеломленно пробормотал я, пытаюсь понять, какая муха укусила старика.

– Мест нет, – отрезал маг.

– А если двойную цену предложу?

– Места от этого не появятся, – не колеблясь отказал Аарон Давидович.

Дальше настаивать смысла не было абсолютно никакого. Если старый маг отказывается от двойной цены, значит, он по какой-то причине не хочет иметь с вами дел. Лично я бы заплатил и втройне, только бы узнать, почему он занес меня в свой черный список. Но кому платить? Ничего не поделаешь, придется уматывать.

Я зашел в комнату, одной рукой подхватил оказавшийся довольно легким мешок и только тут разглядел, что в углу светится никакой не световод, а сам едва заметно колеблющийся воздух. Не задумываясь, вытянул свободную руку...

...и очнулся в противоположном углу комнаты. Присевший на табуретку маг разглядывал меня с некоторым удивлением.

– Что за ...? – выдавил я из себя. В глазах все расплывалось. Четко разглядеть получалось только раскачивавшуюся из стороны в сторону светящуюся полоску.

– Это силовая линия, – поднялся с табуретки старик. – И мало того, что ты не должен был ее увидеть и суметь дотронуться, так еще и остаться в живых после такого разряда не сможет даже маг моего уровня.

– А как вы тогда с ними работаете-то? – Я со стоном поднялся на ноги и переложил в правую руку неожиданно потяжелевший мешок.

– Мальчик, ты хочешь за пять минут понять то, чему лю-

ди учатся всю жизнь? – Аарон Давидович подошел к двери и остановился. – Будь добр, избавь меня от своего присутствия. У меня много дел.

– Как скажете. – Немного покачиваясь, я вышел в коридор и, не прощаясь, начал подниматься по лестнице. Допытываться у мага, что стряслось, не стоит. Все равно не скажет. А надавить нельзя – очень уж Гадес этого не любит. А о способах мага избавляться от людей, имевших наглость доставлять ему беспокойство, в Форте ходили настоящие легенды. Мне, даже с учетом неизбежного преувеличения, проверять их на себе категорически не хотелось.

Выйдя на крыльцо, я остановился и задумался. И куда теперь податься? Найти кого из знакомых и упасть на хвост, в смысле, на хату? Те же Денис Селин или Датчанин мне не откажут, но вот заваливаться к ним в таком виде... Воняет от меня, будто полгода на помойке провалялся. Если разобраться, почти так оно и было. Значит, первым делом надо привести себя в порядок. А лучшего для этого места, чем заведение Тимура, в ближайшей округе не найти. Хоть туда и ходят в основном совсем для другого.

Закинув мешок на плечо, я вышел за ограду и, перейдя дорогу, свернул во дворы. Живот все сильнее сводило от голода, а в голове, наоборот, прояснилось. Дурманивший сознание после энергетического разряда туман незаметно рассеялся. И чего меня дернуло туда руку сунуть? С другой стороны, Гадес действительно был встревожен. Как же получи-

лось, что меня не поджарило на месте? Непонятно.

К вечеру на улице потеплело, но слякоти и грязи только прибавилось. Между домами простирались настоящие болота, в которых были проложены тропинки из досок, кирпичей и смятых картонных коробок. Не особенно заботясь о чистоте ботинок, я пер напрямик и вскоре вышел к банному комплексу. Сбить о решетку у входа получилось далеко не всю налипшую на ноги грязь, но ботинки сразу полегчали. Распахнув дверь, вошел внутрь.

Помощник Тимура – Марат Глухов сидел за конторским столом рядом с кадкой, из которой торчала искусственная пальма с пожелтевшими и выцветшими листьями, и читал автомобильный журнал. Заслышав шум открывшейся двери, он оторвался от чтения, поднял голову и близоруко сощурил и без того узкие глаза.

– Какими судьбами? – кинул он журнал на стол.

– Да вот, помыться зашел, – оставляя грязные следы на кафеле, я подошел к столу. Из приоткрытой двери караулки выглянул заспанный охранник, посмотрел на меня и спрятался обратно.

– Теперь это так называется? – хитро подмигнул мне Марат. – Кто мыть будет – блондинка, брюнетка?

– Блин, Марат, ты не поверишь, действительно, просто вымыться хочу.

– Ну почему не поверю? – зажал нос двумя пальцами Глухов. – Еще как поверю... Воняет от тебя, я тебе скажу...

– Ну уж не надо преувеличивать, – оскорбился я.

– Какое еще преувеличение? Если ты ботинки снимешь, от твоего носкаина все тараканы передохнут.

– Передохнут – деньги возьму за выведение паразитов.

– Смотри, чтоб из персонала никого не зацепило. – Марат с сожалением посмотрел на грязный кафель. – Какие пожелания?

– Что-нибудь попроще. Только вымыться, ну и перекусить, само собой.

– Несерьезно это. Что по времени?

– До утра, часов до одиннадцати. – Я прикинул здешние расценки, содержимое кошелька и решил, что денег должно хватить.

– Третий номер. – Марат достал из верхнего ящика стола ключ с биркой из оргстекла. – Воду нагреют минут через двадцать. Спиртное надо?

– Нет.

– Тогда обед в счет номера. – Глухов подсчитал что-то на калькуляторе и удовлетворенно кивнул. – А девочку я тебе все-таки пришлю.

– Только если за счет заведения, – покачал головой я и потянулся за деньгами.

– Ой, да ладно, – отмахнулся Марат. – Завтра рассчитаешься. Да, в третьем номере света нет, фонарь возьми.

Я взял железный фонарь, спички и пошел в заказанный номер. Небось, подсунули черт знает что.

На самом деле все оказалось вполне прилично. Посреди небольшой комнатки стояла жестяная ванна, слева к ней был придвинут стол с тремя стульями. Стены на полметра от пола обклеены кафельной плиткой, выше выкрашены в светло-зеленый цвет. С противоположной от стола стены стояла железная панцирная кровать без матраца и белья, а прямо напротив входной двери висело зеркало.

Я скинул фуфайку на пол, разулся и уселся за стол. Вскоре с ведрами горячей воды забегали служащие бани, и очень быстро они наполнили ванну, над которой начал подниматься густой пар. Можно начинать отмываться, но мне хотелось сначала хоть немного заморить червячка. Скоро жрать принесут, нет?

С едой тоже тянуть не стали, так что вскоре я всю наворачивал солянку, рис с котлетами и запивал все это в кои-то веки нормальным черным чаем. В сторону принесшей постельное белье и полотенца девушки даже не взглянул. Не до этого сейчас.

Доев рис, задвинул засов, разделся и не без внутренней дрожи подошел к зеркалу. Да, видок у меня жутковатый. Лысый, худющий, глаза и щеки запали, ребра торчат. Кошмар. С другой стороны, все на месте, ничего не отвалилось. Старые шрамы побелели и казались давно зажившими. И только правое предплечье сплошь усеивали черные узоры и символы. Но это ерунда: никаких признаков воспаления видно не было. Да и стылая лихоманка, похоже, осталась в прошлом.

А только ли лихоманка? Сосредоточившись, я начал концентрировать внутреннюю энергию в кистях рук, пытаясь зажечь небольшой огонек. Тщетно. Уловить биение силы я еще смог, а вот направить ее в нужном направлении уже не вышло. Применить простенькое заклинание призрачного огня тоже не получилось, хотя последовательность действий была выдержана до последней мелочи. Да уж, дела. Видимо, на какое-то время о колдовстве придется забыть. Надеюсь, не навсегда.

Плюнув с досады, я залез в ванну и начал яростно отмыть отмякшую в горячей воде грязь, которая слезала целыми пластами. И только вымывшись, позволил себе расслабиться и просто полежать в теплой воде. Хорошо-то как!

От усталости, набитого желудка и убаюкивающего тепла воды начало клонить в сон. Не рискнув заснуть в воде, я вылез из ванны, насухо вытерся, и плюхнулся на кровать. Благодарить! Чистое белье приятно согревало кожу, провисшая кровать оказалась на удивление удобной, и я, прогнав мысль проверить переданный Гадесом мешок, моментально провалился в сон. Дела подождут...

Глава 2

До чего же хорошо проснуться утром в теплой постели! Уж всяко лучше, чем в сугробе. Я с наслаждением потянулся и поправил сбившееся одеяло. Давно так не высыпался. Очень давно.

Ну да, я ж последние полгода в сугробе валялся.

Неуютная мысль всплыла в сознании и тут же пропала, но хорошее настроение как рукой сняло. Так все же, что со мной происходило с того злополучного дня? Если лежал в сугробе, почему не замерз и с голоду не помер? А если не лежал, то какого черта ничего не помню?

Немного поразмыслив над всем этим, я решил не забивать себе голову всякой ерундой. Главное – жив и здоров. Все остальное можно по ходу дела прояснить.

Я вскочил с кровати, прошлепал по холодному полу к столу и зажег фонарь. Пора собираться, а то как бы на встречу с Яном не опоздать. Сделав пару глотков воды из железной кружки, еще раз осмотрел правое предплечье. Красавец! Хоть сейчас снимай кожу и сдавай в музей татуировки. Интересно, это все что-то значит или Жан, земля ему пухом, ничего без лишнего выпендрежа сделать не мог? Бог с ним, меня черные узоры не раздражали, а одной особой приметой больше, одной меньше...

В треснутое зеркало посмотрел один раз и больше уже в ту

сторону не поворачивался. Не из-за суеверия, просто очень уж зрелище неприглядное. Надо срочно отъедаться, а то вылитый кощей. Еще и синяки под глазами, будто год не спал. Жуть.

Не одеваясь, достал закинутый под кровать пластиковый пакет и начал выкладывать на стол вещи, которые запихал туда Гадес. Куртка кожаная, джинсы, две рубашки, семейные трусы, рваные носки и два валенка, один из которых с вырванной пяткой. Не густо. Но зато больше не надо ломать голову, что бы надеть: фуфайка, зимние штаны и шапка буквально расползались по швам. Да и жарко в них. Не сезон.

Быстро одевшись, я кое-как запихал оставшиеся вещи в мешок, подхватил свернутую фуфайку под мышку, взял со стола фонарь и, отодвинув засов, вышел из комнаты.

Смена Марата давно закончилась, а на его месте сидел плохо знакомый мне двоюродный брат Тимура – Рустам. Этот автомобильному журналу предпочел рассыпавшийся на отдельные страницы сборник анекдотов.

– Номер какой? – открыл общую тетрадь Рустам.

– Третий, – кинул я ключ на стол.

Парень молча повернул тетрадь ко мне и ткнул пальцем в причитающуюся к уплате сумму. Так же молча я отсчитал деньги и положил монеты на стол. Вот и ополовинился мой золотой запас. Обдираловка, блин...

– Заходи еще. – Убрав тетрадь, Рустам вновь поднял обтрепанную книжку.

– Обязательно, – усмехнулся я и кивнул на висевшие на стене часы. – Правильно идут?

– Никто пока не жаловался, – не отрываясь от анекдотов, ответил Рустам.

Ну, если никто не жаловался, то сейчас половина двенадцатого. Пора на встречу с Яном идти. Пока до площади Павших дойду, как раз время и подойдет.

Я вышел на улицу и сразу же избавился от старой одежды: вышвырнул мешок и фуфайку в закопченный мусорный бак, от которого несло гарью.

Выстроившиеся напротив бани у прочерченной на дороге черты мальчишки по очереди кидали палки в мятую консервную банку. Между мишенью и линией, к которой подходили игроки, было проведено еще штук пять отметин. Все ясно, в «банку» играют. Видно, что игра только началась: даже галящего пока нет.

За углом зачихал мотор, и пацаны отскочили на обочину от вывернувшего на дорогу уазика. От удивления я чуть не опоздал отскочить от летевшей из-под колес грязи. Проезжая, автомобиль смял консервную банку, ребятня возмущенно загалдела, а самый наглый даже швырнул в уазик камень. Хоть он и промазал, но машина остановилась, и пацаны, побросав палки, бросились врассыпную. Сидевший на заднем сиденье дружинник распахнул дверь и погрозил им кулаком.

Ну и дела! Откуда бензинчик? Неужели нам Город оказы-

вать начал гуманитарную помощь горючкой? С чего бы это? Раньше бензин они даже за большие деньги продавать отказывались. Стратегический запас и все такое... Надо будет у Яна Карловича поинтересоваться.

Немало озадаченный, я вышел на Красный проспект и сразу же вляпался в наваленную какой-то конягой кучу. Что ж, все же эти четвероногие пожиратели овса и соломы никуда не делись.

Солнце уже ощутимо пригревало, но холодный ветер и идущая от земли сырость не давали расслабиться и забыть, что сейчас лишь урезанный эрзац лета – короткая передышка между безумно длинными и еще более безумно холодными месяцами осенне-зимне-весеннего сезона. Впрочем, холод пока особенно не беспокоил. Я приятно удивился, обнаружив, что резкие порывы студеного ветра больше не продувают меня до костей. Это замечательно, вот только не уверен – последствия это стылгой лихоманки или побочный эффект лечения от нее.

К площади Павших я подгроб как раз вовремя: часы, вмонтированные в фасад выходявшего на площадь здания, только-только закончили отбивать полдень. Если, конечно, этот хриплый стук можно назвать боем – часы не так давно восстановили, но до ударного механизма руки не дошли. Обогнув памятник, я подошел к принадлежащему Яну складу и постучал в дверь. Выглянувший в зарешеченное окно охранник внимательно меня осмотрел, задернул занавеску и

минуту спустя отпер дверь.

Наряженный в длинное пальто, которое почти подметало доски пола, с кожаной кепкой в руке, Ян Карлович ходил между рядами заставленных коробами стеллажей.

– Ревизия, – объяснил он и, проведя меня в отгороженную от основного помещения хлипкой дощатой стеной клетушку, попросил сидевшего там кладовщика: – А принеси-ка нам, Семеныч, чаю. И печенья какого-нибудь.

Оставив дверь открытой, Семеныч вышел, а Ян развалился на придвинутом к стене продавленном диване. Осмотревшись, я вытащил из-под стола выкрашенную желтой краской деревянную табуретку и уселся на нее.

– Спасибо, – поблагодарил вдруг меня торговец.

– Да не за что, – сообразив, о чем речь, пожал я плечами и почти не покривил душой. Действительно – не за что. Просто старый должок вернул. – Все нормально? Никто не приходил?

– Все в лучшем виде. – Ян Карлович достал из прислоненного к дивану черного пластикового пакета короткую, слегка изогнутую саблю в потертых ножнах и протянул мне. – Денег не предлагаю, а саблю ты возьми. Вообще-то я ее для тебя давно отложил, но все как-то повода не было.

– Ой, да не стоило... – для проформы помялся я, но саблю взял и сразу же обнажил клинок. По всему лезвию, которое начинало немного изгибаться лишь в последней трети, с обеих сторон шел дол. Заточка полуторная: по всей внешней

стороне и примерно на четверть по внутренней. – Не стоило...

– Еще как стоило, – рассмеялся Ян и пригрозил мне пальцем. – Я в этих делах разбираюсь поскольку-постольку, разве что только цену сразу назову, но мне сказали, вещица весьма хороша. Ну, ты Толю Полозова знаешь, даже не представляю, что он оценит на «отлично». Эскалибур? Вряд ли...

– Так какие у вас, Ян Карлович, проблемы? – остановил я заговаривавшего мне зубы торговца и продел кожаные ремешки ножен в ремень джинсов.

– Проблемы? Ну, от двух ты меня избавил... А знаешь, ты оказался прав – дрова тогда действительно не подорожали. – Ян Карлович дождался, пока кладовщик поставит поднос на разохшуюся столешницу, и только когда тот вышел, вернулся к первоначальной теме разговора. – Остается еще одна – но до него так просто не добраться.

– Лешего наймите, – предложил я.

– Не стоит чужих в это дело впутывать. Да и Леший, ходят слухи, в последнее время слишком расценки задрал, – не принял совета торговец.

– А что у вас с Гиоргадзе за разногласия? – решил уточнить я.

– Разногласия? Никаких разногласий, – криво усмехнулся Ян. – Просто он решил взять под контроль все финансовые потоки союза. И это у него неплохо получилось... До того доходит, что я вынужден отчитываться перед ним по своим

сделкам.

– Дела...

– Не то слово. Я не знаю, в какую игру решил сыграть Жорик и что он поставил на кон, – разгорячился торговец, – но он явно поставил не на ту лошадь. Цех в Городской совет проталкивать! Подумать только!

– Круто он. У него с головой все в порядке? – поразился я. – За такое запросто шкуру спустят.

– В том-то и дело, что с головой у него полный порядок. – Ян налил себе чаю и передал заварочник мне. – Братство очень уж заметно свои позиции сдало. Другого такого шанса у Цеха может и не быть.

– А что с Братством? – подул я на кружку с горячим чаем.

– В Туманный оно перебирается. Продали все что можно, у кого смогли денег заняли и переезжают. Теперь только район Пентагона, по сути, и контролируют. Вот и получилось – и там еще не обустроились, и здесь уже... – торговец замолчал, вытащил из чашки ложку и положил ее на блюдечко. – Учебку свою они китайцам продали. Цех тогда просто взбесился, им Триада в Форте не нужна.

– Получается, Братство из совета скоро выпрут? – прикинул я. Подранков у нас харчат – только хруст стоит.

– Попытаются обязательно, но не уверен, что выйдет. Братья тоже не лыком шиты: гарнизон в Форте они оставили – будь здоров. А Пентагон при таком раскладе штурмовать вряд ли кто осмелится.

– Только Дружина... Хотя нет, не пойдут они на это, – согласился я. Пентагон – перестроенный в крепость девятиэтажный жилой дом, стены которого образовывали квадрат – ни Лиге, ни тем более Цеху штурмом не взять. У Дружины при поддержке Гимназии шансы есть, но слишком много крови – своей крови, не братьев – пролить придется.

– Дружине с Городом проблем хватает, Воеводе лишний геморрой ни к чему.

– Кстати о птичках. Нам что, Город бензин поставлять начал? – вспомнил я про уазик.

– Начал, – усмехнулся Ян.

– И как его раскрутили?

– Что Лудино рейнджеры заняли, знаешь?

Я кивнул.

– А зачем?

– Без понятия, – пожав плечами, искренне ответил я. А действительно, зачем? Никаких выгод от этого они не имели. Наоборот, теперь получалось, что это не мы прикрываем их от снежных людей, а наоборот – они нас. И пусть тот участок границы с Севером не самый напряженный, но зачем им Лудино, – совершенно непонятно.

– Они там у границы с Туманным нефть нашли. – Ян отпил чай, поставил чашку на подлокотник дивана и продолжил: – Заводик нефтеперегонный втихаря смонтировали...

– И наши его до сих пор не отбили? – удивился я. Да за такой лакомый кусок Воевода кого угодно порвет.

– Там все заминировано, и к тому же у нас ни специалистов, ни оборудования нет. – Ян Карлович дождался, пока я допью чай, и поднялся с дивана. – Город на Границе группировку усилил, это тоже аргумент. Странная ситуация сложилась: бензин есть, а вывозить его возможности нет – все дороги мы перекрыли. Город хоть войска к Границе и подтянул, силой прорывать блокаду не решился. Пришлось договариваться. Теперь с каждых трех вывезенных в Город литров бензина один нам идет.

– Неужели у Города подземные хранилища опустели, если они на такую авантюру решились? – Вслед за Яном я вышел в основное помещение склада.

– Думаю, они через Туманный отгрузку наладить собирались. Но туда Братство влезть успело, а с ними почему-то договориться не получилось.

– Пожалуй. Или в цене не сошлись, или Дружина Братству более... доходчиво ситуацию разъяснила.

– Кстати, Лед, я тут пообщался насчет тебя с одними людьми... – Ян Карлович взял с полки первый попавшийся блок сигарет, вскрыл, пересчитал пачки и поставил обратно. – Они хотели бы с тобой встретиться и поговорить.

– По поводу? – насторожился я, обратив внимание на едва заметную заминку торговца.

– Думаю, они собираются предложить тебе работу, – не отвел взгляда Ян Карлович.

– И что за люди? – Не то чтобы мне позарез требова-

лась работа, но, если предложат что-то стоящее, почему нет. В Патруль возвращаться глупо – Гельман насчет Северной промзоны не шутил.

– «Несущие свет», – огорошил меня Ян. – У них молельный дом недалеко от «Серебряной подковы».

– Я знаю, где у них молельный дом, – немного резковато ответил я. Связываться с сектантами? С какого перепугу? Ох, что-то Ян в последнее время темнит. Как бы сам себя не перехитрил.

– Ты считаешь, я стал бы вести дела с несерьезными людьми? – торговец прекрасно понял причину моей резкости.

– Нет, – пришлось признать мне.

– Вот видишь. Ты сходи, сходи... Лишним не будет. Мало ли что про кого говорят. – Торговец сунул мне двухсотграммовый пакетик сока. – Защитная окраска, она разная бывает. Так?

– Хорошо, обязательно зайду. – Мы вышли на улицу, и куривший на крылечке кладовщик, как ошпаренный, заскочил в дверь. – А что о Крисе говорят?

– А что говорят? – так пристально, словно хотел взглядом просверлить во мне дыру, посмотрел Ян Карлович. – Пропал он, уже с полгода как в воду канул. И не один, а с половиной работников. Помощника его... Помнишь Артура? Мертвым в «Берлоге» нашли. Еще несколько человек из-за города привезли. Застреленных...

– А сам? – задумался я. Куда Крис подевался?

– Говорю: пропал. Постой, ты к этому какое-то отношение имеешь?

– Нет, что вы, – не колеблясь, соврал я. Ян не болтун, но некоторые вещи лучше не знать даже ему. – Да, а что там с Вениамином приключилось? С кем он меня перепутал?

– Он как раз уверен, что встретил в «Кишке» именно тебя. Ты из «Западного полюса» выходил. – Ян не стал продолжать расспросы и покачал головой. – Глаза, говорит, у тебя совершенно стеклянные были. И синие к тому же. Ты контактными линзами, часом, не пользовался?

– Нет у меня проблем со зрением, Бог миловал. А чего он так испугался-то?

– Да он и сам толком объяснить не может. Накатила, говорит, паника и все. Даже вздохнуть страшно. Чуть не обделался с перепугу.

– Не так уж сильно испугался, значит, раз не обделался, – рассмеялся я.

– Не обделался, потому что тоже страшно было.

– Ну вас, – махнул рукой я. – Забегу еще как-нибудь.

– Счастливо.

Я развернулся и зашагал к стоящему посреди площади памятнику – Обрубок на своем месте уже должен быть. Так кого же все-таки встретил Вениамин? Меня? Почему я ничего не помню? А если не меня, то кого? Неужели кто-то мою личину нацепил и по Форту шлялся? Стоп. А почему шлялся?

Быть может, правильной – шляется? Найду гада – удавлю.

На площади Павших оказалось многолюдно. У выстроенных с одной ее стороны торговых палаток расхаживали покупатели, расхваливали товар продавцы, с коробками в руках от складов к ларькам бегали грузчики. Зазывалы пытались привлечь людей в магазины, кафе, игровые залы и прочие сомнительные заведения, расположенные в «Кишке». Торговый день в самом разгаре. И только несколько нанятых Торговым Союзом охранников, встав в кружок, о чем-то переговаривались, курили и делали вид, что приглядывают за порядком.

Обрубок оказался на своем обычном месте. Продававший ножи калека сидел на каталке перед расстеленной на асфальте клеенке с ножами и, что-то неразборчиво бубня себе под нос, раскачивался из стороны в сторону. Что это с ним? Зубы болят?

– Привет. – Я остановился рядом и, нахмурившись, начал разглядывать разложенные на клеенке ножи. Что за ерунда? Раньше понимающие люди ножи у Обрубка специально заказывали, а этим хламом даже картошку нормально почистить не получится. Хотя нет, вон неплохой стилет лежит и этот метательный нож ничего себе. Кинжалы утиль, зря только сталь перевели.

Да, с Обрубком явно что-то не то. Весь скукоженный какой-то. Нечесаный. Глаза красные, как у кролика, и только что не гноятся. Худые руки чуть ли не по локоть высовыва-

лись из рукавов обтрепанной и испачканной белыми пятнами «аляски».

– Скользящий! – с непонятной радостью в голосе выдохнул Обрубок и, потянувшись, ухватил меня за штанину джинсов. – За «Магистром» пришел?

– Да нет... Спасибо, что тогда помог, но больше не надо.

– Нет? Купи ножи, дешево отдам! Только для тебя со скидкой! – с каким-то лихорадочным страхом, что я развернусь и уйду, заканючил калека, продолжая сжимать мою штанину. – Купи, а...

– Ну, я посмотрю, – ничего не понимая, замялся я. Да что с ним такое? – Как-то лучше товар у тебя раньше был.

– Ножи – это не главное. – Обрубок огляделся по сторонам. – Как насчет дозы «счастья»?

– Чего?.. – сначала не понял я, а потом дошло: да он же на наркоте подсел! Доза «счастья». Вот оно как. – Не, наркотой не интересуюсь.

– Да ты постой, – всхлипнул Обрубок и свободной рукой вытер слезящиеся глаза. – Я тебе ж на пробу – почти даром. Попробуешь – сам поймешь. Это же счастье, Лед, счастье! Вот ты когда-нибудь счастлив был? Это оно и есть, и даже больше!

– Не интересуется, – выдернул я штанину из его пальцев.

– А «радость»? Или «память»? Возьми «память», Лед... – запинаясь, зачистил калека. – Старые воспоминания снова как наяву! Снова сможешь вернуться в любой момент сво-

ей жизни! Любой! Понимаешь? Даже в тот, который уже не помнишь!

– Так, я беру этот нож и вон тот, – ткнул я пальцем сначала в один метательный нож, потом в другой. Не шибко-то они мне и нужны, но про некоторые обещания лучше не забывать. Не глядя вытащенная из кармана монета оказалась серебряной трехрублевкой. – Хватит?

– Хватит, – вздрогнул Обрубок и зажал монету в кулаке. По морщинистым щекам покатались слезинки. – Хватит, хватит...

Не выдержав, я отошел от постамента, расстегнул куртку и сунул приглянувшиеся ножи в нашитые на подклад петли.

И куда податься?

Что за вопрос? Перекусить время уже самое подходящее. И что здесь поблизости из приличных заведений есть? Ближайшее, пожалуй, «Западный полюс». А мне так и так туда завернуть надо: постараюсь узнать, что там делал мой двойник – или все же я сам? – и пообедаю заодно.

– Эй! Дай закурить!

Задумавшись, я не заметил, как ко мне подвалил кутавшийся в обтрепанную ветровку заморыш. Еще пять оборванцев, самому старшему из которых от силы можно было дать лет восемнадцать, сейчас делано-непринужденно перешучивались у ближайшего выхода с площади. Ага, а заморыша, значит, занозиться отправили? Скорее всего. Щеглы недоделанные.

Я сунул руки в карманы:

– Нету.

– Не понял – че так грубо? – малолетка подступил ко мне вплотную. – Ты чё хамишь, дядя? Налысо подстригся, все можно, что ли?

Блин, давно в такие ситуации не попадал, уже и не помню, как их разругивать. Зарезать этого недоноска или просто пару ребер поломать? Вот что значит выпасть из жизни на шесть месяцев. Уже на улицах узнавать перестали. Хотя это и не удивительно: когда посмотрелся в зеркало, сам себя сначала не узнал. И раньше упитанным не был, а тут вообще вылитый узник концлагеря. Со стороны доходяга доходягой. На такого дунь – упадет. Но это малолетних бандитов нисколько не оправдывает. Это их проблемы, а никак не наоборот.

Я провел ладонью по гладкой коже головы – а волосы, вообще-то, отрастут когда-нибудь? – улыбнулся и, ухватив оборванца за воротник куртки, рванул на себя. Мой лоб врезался пацану в переносицу, он обмяк, но для надежности я добавил коленом между ног. Лишним не будет. Зажав руками отбитый пах, парнишка упал на колени.

Приятель-малолетка, на ходу доставая из карманов рваных курток ножи и короткие стальные цепочки, резко двинулись ко мне. Ну-ну... Еще раз улыбнувшись, я вытащил из ножен саблю и шагнул им навстречу. Прогуливавшиеся по площади зеваки бросились врассыпную. Но охрану никто

звать не стал. Странно. Придется разбираться самому, все равно далеко не убегу – догонят. Что ж, ребята хотят проблем, ребята их получают. Если обдолбанные или совсем отмороженные, то сейчас будет очень весело. Бить надо наповал – собьют с ног, подняться уже не дадут. Блин, опять попадалово какое-то. Ох, чую, серьезные у меня проблемы с кармой...

Пацаны оказались вменяемыми. А может, у кого-то просто не выдержали нервы, или главарь решил, что овчинка выделки не стоит. Как бы то ни было, они, попрятав железки по карманам, рассосались в разных направлениях. Делают вид, что охранников испугались? Можно подумать, тем до них дело есть – как курили, так и курят. И за что деньги получают? Распустились...

Я убрал саблю в ножны и, не обращая внимания на стонущего на земле бедолагу, пошел к спуску в «Кишку». Нечего судьбу искушать. Проверить в деле подарок Яна поводов будет еще даже слишком много.

В «Кишке» на первый взгляд ничего не изменилось. Все те же игровые автоматы, мерцавшее на стенах граффити, ряды хлипких лавчонок, в которых при желании можно приобрести все что угодно – только бы толщина кошелька соответствовала полету воображения. А вот народу сегодня меньше, чем обычно. Все понятно: на улице тепло, это в мороз здесь не протолкнуться. Хотя и сейчас людей хватает. Людей разных... Слонявшихся без дела, пытавшихся что-то отыскать,

впаривавших первым и вторым нужные и ненужные товары и, само собой, присматривавших, как бы чего стянуть у зазевавшихся первых, вторых и третьих. Всё как всегда. Шум, крики, всполохи рекламных огней, ни на мгновение не смолкавший гомон толпы, запах готовящейся еды, табачный дым, перегар и перебивавшая все вонь потных тел. В разных углах подземного комплекса играли сразу несколько музыкантов, а иллюзионисты, хироманты и простые гадалки встречались на каждом шагу. Непривычному человеку ничего не стоило заблудиться в этой неразберихе и свернуть куда-нибудь не туда. А это совсем не так безопасно, как могло показаться на первый взгляд – вовсе не все, кто спускался в «Кишку», поднимались из нее обратно.

Я отвлекаться и глазеть по сторонам не стал, а сразу через узкий темный проход, на стенах которого оранжевыми язычками пламени колебалась рекламная надпись: «Алхимия – это стиль жизни», вышел в другое помещение и оказался неподалеку от входа в «Западный полюс».

В этом заведении постоянно крутились разные странные личности, а за каждым вторым столиком собирались компании из непризнанных гениев и людей с паранормальными способностями. «Западный полюс» служил своеобразным отстойником для тех, кто смог выжить в этом очень уж негостеприимном мире, но так и не приноровился существовать с ним в одном ритме. Нет, это не место сбора неудачников, скорее клуб для людей немного не от мира сего.

Из распахнувшейся двери навстречу мне вывалился человек с улыбкой выигравшего миллион счастливого и едва не растоптал разложенные прямо на полу карты. Картежники – два молодых парня, старик и женщина лет сорока – даже не посмотрели в его сторону. Карты под их пристальными взглядами постоянно перемещались, причем исключительно рубашками вверх. Неужели игроков вышибли даже из терпимого к самым разным чудачествам «Западного полюса»? Да, эти кадры точно не станут отвлекаться от игры на такие мелочи, как заказ выпивки или оплата счета.

Я открыл дверь с глазком в виде вертикального зрачка гигантской рептилии и вошел внутрь. Повернутые под самыми разными углами алхимические светильники и немного изогнутые поверхности пола и стен создавали зрительную иллюзию искривленного пространства. Картину дополняли чередующиеся темные и жемчужные волны на стенах и крупные зеленые звезды на черном полу. Алюминиевые ножки большинства столов и стульев были перекручены и выгнуты, но со столешницами никто экспериментировать не решился. В дальней стене темнела широкая ниша. Стоящая на установленном в ней помосте ударная установка и микрофон казались зависшими в воздухе.

Для этого времени посетителей было немного: заняты оказались четыре ближних к сцене стола, еще один у самого входа, да за барной стойкой сидели три человека. Посмотрев на часы, один из них замерцал и растворился в воздухе.

С ума сойти! Я обогнул стоявшую прямо посреди зала дверь, которая никуда не вела, уклонился от проплывшего в мою сторону мерцавшего зеленым сиянием облачка и, подойдя к барной стойке, уселся на высокий стул. Нет, конечно, можно было подсесть за стол к Стасу Калининскому, только он вряд ли обрадуется моему появлению. Я и сам не шибко стремился афишировать некоторые свои сомнительные знакомства. А уж репутация у собеседников Калининского была сомнительней некуда. Если сам Стас занимался розыском всего, за что его клиенты были готовы выложить золото, и с законом проблем не имел, то внимательно слушавшие его парни были совсем другого поля ягоды.

Высокий и сутулый, с серьезно прореженными зальсиной темными волосами, Филипп Городовский мог похвастаться громадным носом с горбинкой, вечно сонными черными глазами и умением в очень сжатые сроки выбить из кого угодно сколь угодно сомнительный долг. Лишь бы шли коммиссионные. А худощавый коротышка Борис Яровой и вовсе, по слухам, занимался организацией заказных убийств. В определенных кругах говорили об этом многие, и поскольку вопросов у Дружины не возникало, крыша у Ярового должна быть просто железобетонная.

Отложив в сторону предложенное барменом меню, я с интересом уставился на выпирающую из стойки хрустальную сферу, изнутри подсвеченную менявшей свой цвет с синего на зеленый лампочкой. В сфере плавали совсем уж крошеч-

ные рыбешки, блестящие в подсветке серебряными чешуйками.

– Что есть перекусить? – Похоже, мне удалось озадачить бармена, уже приготовившегося записывать заказ в блокнотик с отрывными листочками.

– Из готовых блюд могу порекомендовать фирменную отбивную из северного свина, маринованные лапки ледяных саламандр и рагу «Сердце выюги».

– А что-нибудь более... традиционное? А то я в последний раз у вас так покушал, что еле до дому добежал. – Портить желудок всякой экзотической дрянью желания не было. – Ну, макароны там по-флотски, картошечка жареная...

– С этим сложно, – никак не отреагировав на мое провокационное замечание, пожал плечами бармен и сунул огрызок карандаша за правое ухо. – Сами понимаете, специфика заведения...

– Это как?

– Наши посетители отдадут предпочтение блюдам, приготовленным из натуральных северных продуктов.

– Да? – удивился я.

– Считается, что они способствуют расширению скрытых возможностей человека, – не очень понятно объяснил бармен. – Но, если желаете, я могу уточнить на кухне, есть ли что-нибудь... традиционное.

– Спасибо, – поблагодарил его я, в свою очередь оставив без внимания вернувшуюся ко мне издевку. Вот ведь под-

лец, какую паузу сделал. С одной стороны, и не прикопаешься, с другой – ясно дал понять все, что обо мне думает. В принципе, отсюда можно уже уходить. Бармен меня не узнал, охрана не забеспокоилась, а чтобы выяснить что-либо более определенное, надо вернуться вечером, когда начнут подтягиваться завсегдатаи.

– Две «Хиросимы». – К стойке подошла симпатичная официантка в облегающем вязаном топе и длинной черной юбке с разрезом до середины бедра. Внезапно порыв ветра взметнул юбку чуть выше колен, и девушка возмущенно развернулась к приснувшему в кулак мужчине, сидевшему за стойкой рядом со мной. – И не стыдно?

– Ничуть, – и не подумал смущаться тот. – Такие ножки грех прятать.

Девушка только фыркнула. Второй бармен налил до половины бокала сок, добавил ликер, по лезвию ножа тоненькой струйкой влил коньяк и, достав из холодильника непрозрачную матовую бутылку, стряхнул в коктейль каплю вязкой мутно-белой жидкости. Булькнув, капля растеклась в расплывчатый гриб, который замерцал едва заметным зеленоватым сиянием. Легкое движение рукой, и над коктейлем вспыхнуло отливающее синевой пламя. Через минуту был готов и второй коктейль.

Бокалы плавно взмыли в воздух и словно собачки на поводках последовали за направившейся к сцене официанткой. Интересно, здесь у всего персонала скрытые способно-

сти есть?

– Нашел только это, – словно извиняясь, выставил передо мной глубокую тарелку с пловом и завернутые в салфетку нож и вилку с ложкой вернувшийся бармен.

– Замечательно, – обрадовался я и придвинул тарелку поближе. – А что есть выпить?

– Наши посетители в основном коктейли заказывают, – бармен нерешительно обернулся к выстроенным в ряд бутылкам. – Есть водка, вино грузинское и коньяк. Пиво давно не завозили.

– А это, случаем, не выморожень? – вовсю орудуя вилкой указал я на вытасченный для кого-то из холодильника графин с темно-рубиновой жидкостью. Вино не люблю, для водки слишком рано, на коньяк денег нет, а выморожень для бодрости духа сейчас в самый раз будет.

– Он самый.

– Сто... Нет, двести грамм. – Я быстро справился с остатками плова и развернулся к сцене, где несколько человек начали подключать к аппаратуре провода. Выступить кто будет или просто саунд-чек намечается?

– Ваш заказ. – Бармен осторожно выставил на картонный квадратик обычный граненый стакан, на запотевших стенках которого образовались капельки конденсата.

В тусклом освещении бара жидкость казалась совершенно черной. Я взял стакан – оба бармена с любопытством уставились на меня – и влил в себя ледяную жидкость. Крепкий

напиток ухнул вниз, на мгновение заморозил внутренности, а потом взорвался огненной вспышкой. Будь у меня на макушке волосы, уверен – они встали бы дыбом. Ух-х-х, хорошо! Аж темечко заломило. Бармены несколько разочарованно отвернулись и вновь занялись своими делами.

В этот момент заиграла музыка и на сцену, перекидывая микрофон из одной ладони в другую, вышел длинноволосый певец в черной футболке, армейских камуфляжных штанах и ботинках с высокой шнуровкой. Я смахнул с глаз выступившие слезы, но разглядеть других музыкантов не смог: то ли так и было задумано, то ли просто не отладили свет. За столиками захлопали и засвистели. Сразу видно, ценители собрались.

Музыка приутихла, и певец на одном дыхании выдал длинный речитатив:

Рассчитавшись с удачей последней монетой,
Ухожу я на дно – моя песенка спета.
Впереди у меня мрак холодных подвалов,
Горечь водки... и, возможно, – путевка в нирвану.

Сначала слова вылетали со скоростью пулеметной очереди, но под конец ритм замедлился, а слова зазвучали с непонятной для меня горечью. Эта самая горечь делала не столь заметным пафос текста.

Заиграл проигрыш. Ритмичная электронная музыка действовала на нервы, и я повернулся к бармену:

– Сколько с меня?

– Три с половиной тысячи, плюс десять процентов за обслуживание, – сверился тот с записями.

Ничего себе, здесь расценочки! Я вытряхнул на барную стойку монеты, отсчитал нужную сумму и ссыпал оставшиеся деньги обратно в карман.

Певец вытер вспотевшее лицо футболкой, дождался нужного места и продолжил:

Слишком много наших стали жертвами мысли,
Будто тот прожил жизнь, кто ее прожил быстро,
Я бы плюнул в лицо их героиновым гуру,
Я бы плюнул в живых... но кругом только трупы.

Хмыкнув, я пошел к выходу. Желания досмотреть выступление до конца не возникло. Не зацепило меня, да и слышал я все это уже где-то.

Как ни странно, алкоголь не расслабил, а только придал дополнительный заряд бодрости. Теперь надо все дела успеть порешать, пока отходняк не начался.

Развернув на столе четвертушку газетного листа с горькой травки посередине, Городовский забил косяк, раскурил его и протянул Стасу. Тот помотал головой и потянулся к стоящей на столе бутылке с минералкой. Сушнячок долбит?

Я прошел мимо, сделав вид, что их не заметил, и уже пошел к двери, когда певец прокричал еще один куплет:

Мне кричат: подыхай, потом будет поздно,
Мол, пока молодой – это дьявольски просто,
Ага, шас! Я вцеплюсь в жизнь зубами,
Я живу! Я – живой! Кто против – тех на...

Дверь захлопнулась за спиной, оборвав окончание куплета. А неплохая здесь звукоизоляция.

Постаравшись не зацепить ногами разложенные на полу карты, я пошел обратной дорогой. Никто меня в «Западном полюсе» не узнал. Тем более непонятна реакция Вениамина. Да ну его к лешему. Пойду найду парней и оттянусь по полной. Поймав себя на желании напиться до поросячьего визга, только улыбнулся: что ни говори, выморожень – штука мощная.

Послав подальше приставшего, как банный лист, продавца самозаряжающихся амулетов, я поднялся наверх и в нерешительности остановился, не зная, куда направиться в первую очередь. Поискать в общежитии Патруля Шурика Ермолова и Кота? Или дойти до Селина? Да и Гамлет не так далеко отсюда живет. Дома его, правда, днем застать совершенно нереально.

– Ха, Скользящий! Какая встреча!

От неожиданности я вздрогнул и чуть не скатился вниз по лестнице. Шурик! Не врет поговорка – оно всегда само всплывает.

– Здорово! И как оно? – ответил я на крепкое рукопожатие.

– Да ничего. Зашибись все. – Ермолов внимательно меня осмотрел и прищурился. – Ты никак имидж сменить решил?

– Чья бы корова мычала, – не остался в долгу я. – Морячок...

– И не говори. – Шурик запахнул кожаную куртку, надев ее прямо поверх сине-белой тельняшки. – Прикинь, вернулись мы вчера с Нижнего хутора, а у меня из летней одежды только тельник и босоножки. Да! Слушай, мне тут сказали – ты из Патруля ушел? Чего так?

– Долгая история. А ты, блин, еще здоровее стал, – смеялся я теме разговора. Действительно, и так не страдавший дистрофией двухметровый Шурик немного раздался в плечах и согнал жирок с живота. Да и фейс каким-то более прямоугольным стал. – Чего не пьяный еще?

– Успеется. А что поправился – это да, есть такая тема. На хуторе ведь какие развлечения? Брагу ставить и качаться. Но через месяц брагу ставить просто не из чего стало.

– Ну вы даете! Так что насчет этого дела? Чисто по чуть-чуть? – я щелкнул по кадыку и выжидательно посмотрел на Шурика.

– Да о чем речь?! – жизнерадостно фыркнул тот. – Посидим, за встречу выпьем. Расскажу, что с нами на хуторе случилось, – офигеешь. Только я уже с пацанами договорился – они меня в «Реверсе» ждут.

– Да какая разница, где сидеть? – «Реверс» – забегаловка рядом с общагой Патруля – посещался практически исклю-

чительно отдыхающими между рейдами патрульными. Посторонние в здравом уме туда старались не заглядывать. Мне там никогда особенно не нравилось, но ведь вечер только начинается... – Что с вами случилось-то?

– Долгая история, – передразнил меня Шурик. – Сядем – расскажу, а то эффект не тот будет. Слышь, а куда Дрон пропал? Не в курсе?

– Нет, – немного напрягся я. – Я с того года уже в Патруле не числюсь, мне на Дрона глубоко...

– А я тут с Крестом разговорился по приезду – он теперь, кстати, командир роты дальней разведки – вроде Дрон без вести полгода назад пропал. До сих пор не всплыл.

– Ну и ... леший с ним. Мне по барабану, – постарался я ничем не выдать своего облегчения от этой новости. Теперь хоть этого колдуна недоделанного бояться не надо. А то еще бы отрыл, что с его братом приключилось, и все – кранты мне...

– Да мне тоже. Мне тут, знаешь, чего, предложили?

– Пока еще не знаю.

– Да ты слушай. Новую структуру сейчас формируют, типа погранвойск. Знаешь, кого начальником делают? Витьку Молохова – помощника Михайлова. Я с ним разговаривал, он предложил прапорщиком к нему пойти.

– А чем заниматься?

– Говорю же – пограничные войска. Только Город высухнет, сразу ему по мордям!

– Ты как, согласился?

– Думаю. Понимаешь, и на гусеницы намотать запросто могут и уже не по неделе в рейде, а по три месяца на заставе на границе куковать.

– Хрень.

– А то. Но платить обещают прилично. И тут слух еще такой пошел, что Патруль и Гарнизон скоро под Дружиной будут, а их начальников замами Воеводы сделают. На фига мне эти катаклизмы? Чтобы мной какой-нибудь сморчок-дружинник командовал? Теперь вот думаю...

– Думай. – Я намотал на ус информацию. – Слушай, ты зачем на рынок пришел?

– За арбузом.

– Чего?! За арбузом? Сегодня какое число?

– Девятое.

– Вот! Какой арбуз девятого июня?!

– Пацаны видели – уже торгуют. Вроде на той неделе целая фура к нам провалилась.

– Шура, не гони, в них половина веса – это нитраты.

– Да хоть три четверти, – уперся Ермолов. – Как представлю водочку холодную, да под арбуз... У меня аж скулы сводит.

– Только зря деньги потратишь. – Я пошел вслед за Шуриком.

– Деньги? Какие такие деньги? Мне с утра жалованье за шесть месяцев выплатили. Ты мне о деньгах не говори луч-

ше. – Шурик внимательно осмотрел продуктовые ряды, выискивая, не мелькнут ли где зеленые шары арбузов. – Да, пока не забыл, что у нас там с «Драконьими яйцами»?

– У нас? У меня все хорошо, свои сам у Игоря-Сапожника забирай. – Мне с коммунарами вести дела больше не хотелось.

– Договорились. Лед, смотри! Вон они, лежат, родимые!

– Угу, – протянул я.

Шурик кинулся к арбузам и начал крутить их в руках, трясти, давить и простукивать. Плешивый продавец молча смотрел на это безобразие, но цена за килограмм наверняка повышалась с каждой минутой. Ничего, поторгуюсь.

– Откуда арбузы? – поинтересовался я.

– Астраханские.

– Да ну? Сам привез? – У астраханских вроде полосы ярче должны быть. Да и не сезон для них еще.

– Накладные смотрел, – важно ответил продавец и замолчал.

– А ветеринарный сертификат есть? – продолжил я доставать его.

– Ой, Лед, не парься ты, – рассмеялся Шурик и совершенно меня убил, заплатил, даже не попытавшись сбить цену.

Совсем на Нижнем хуторе мозги размягчились?

– Деньги дело десятое. – Шурик взгромоздил выбранный арбуз на плечо и проигнорировал мои недвусмысленные сомнения в его умственной полноценности. – Пока они есть,

разумеется. Или ты, Лед, так не считаешь?

– Твои деньги, тебе и решать, – поежился я от внезапно охватившего меня озноба. Такое впечатление, что опять в сугробе лежу.

– Ты чего, заболел, что ли? – заметил мою гримасу Ермолов.

– Да ничего понять не могу, – задумался я и, не сообразив придержать язык, невольно сболтнул лишнего. – Фиксация у меня психическая, что ли?

– Ты умные слова для дознавателей оставь. Мне по-простому объясни, а?

– Да у меня мурашки по коже от прозвища.

– От которого? От Льда или от Скользящего?

– От Льда.

– То есть ты не хочешь, чтобы тебя так называли? – прищурился Шурик.

– Ну, наверное, нет, – задумавшись, все же решил я.

– И как ты это себе представляешь? Здравствуйте, я теперь не Лед, а Вася Пупкин? – заулыбавшись, начал изгаляться Шурик. – Знаешь, что люди решат? Либо ты всегда с придурью был, но скрывал, либо тебе мозги промыли. В любом случае, дел с тобой никто вести не будет. Ты вот где сейчас лямку тянешь?

– Свободен, как ветер.

– Да ладно ты, давай – колись.

– Я тебе говорю.

– Да чё ты мне втираешь!

– Блин, Шура, мне делать больше нечего, что ли? Говорю – свободен.

– А на жизнь как зарабатываешь?

– Никак, я вообще отсюда свалить хочу.

– Куда? В Северореченск?

– Домой. В Россию.

– Не-э-э, это точно клиника, – покрутил пальцем у виска Ермолов. – Кстати, де-юре мы все еще находимся на территории Российской Федерации.

– Не ругайся. А то начал – «де-юре»... Меня больше «де-факто» интересует.

– Как знаешь. Я тебе даже ничего доказывать не буду, – переложил арбуз с одного плеча на другое Шурик. – Ты мне вот что лучше скажи, ты чем там заниматься собираешься? Чисто теоретически, конечно.

– На работу устраюсь.

– Кому ты нужен?

– Что значит – кому? Диплом есть.

– И будешь с восьми до пяти в конторе штаны просиживать? Не смеши мои тапочки, ты ж от скуки сдохнешь.

– А что, лучше здесь загнуться? – вспыхнул я.

– О! Так ты до старости дожить хочешь? – Шурик ткнул пальцем в едва переставлявшего ноги старика, который тащил почти пустую авоську с продуктами. – Хочешь таким стать? Да не отворачивайся ты, смотри...

– Я просто жить хочу. Просто жить. Не выживать, – ответил я и, заметив уже пристроившегося за стариком оборванца, заорал: – Эй, ты! Ну-ка сдриснул отсюда, живо!

Оборванец испуганно посмотрел на нас, и Шурик скорчил зверскую гримасу. Пацана словно ветром сдуло.

– Ничего понять не могу, что за бардак у торгашей? Неужели нормальных охранников нанять не могут? – Шурик сунул арбуз мне. – Тащи. Твоя очередь.

– Это еще с чего? Арбуз твой, ты и тащи, – опешил я и протянул арбуз ему обратно.

– А ты его есть не собираешься? – сразив этим доводом меня наповал, Ермолов пошел рядом, размахивая руками. – Я тебе вот что скажу: лучшее средство от всяких там фиксаций, нервных срывов и душевных терзаний – это холодная водка. Теплая помогает хуже. Но тоже помогает. В особо тяжелых случаях водку рекомендуется лакировать пивом. На следующий день...

Забегаловка под названием «Реверс» размещалась на первом этаже трехэтажного дома прямо напротив общаги Патруля. Само здание постепенно ветшало, но первый этаж владельцы кафе умудрялись поддерживать в более-менее приличном состоянии. Что требовало изрядных усилий – контингент здесь собирался буйный. К тому же от посетителей было не протолкнуться только в середине месяца: числа до десятого жалованья хватало на более приличные заведения, а последние до полочки дни безденежным патрульным во-

лей-неволей приходилось зависеть в «Весне», где наливали в долг.

Уж не знаю, какое значение изначально владельцы кафе вкладывали в название, но ходившая среди патрульных шутка «Если ты зависишь в „Реверсе“, значит, Фортуна повернулась к тебе задом», не была лишена оснований.

В общем-то я против этой забегаловки ничего не имел. И хотя о качестве еды в связи с отсутствием кухни говорить не приходилось – полуфабрикаты, они и есть полуфабрикаты, – о подаваемом спиртном никто худого слова сказать не мог. Все правильно: траванись кто из патрульных паленой водкой, и начальство мигом прикрыло бы эту лавочку. А качественная водка – это очень большой плюс. От испорченной еды на моей памяти еще никто не загнулся, а сколько из-за бодяжного бухла на тот свет отправилось – и не сосчитать...

Я наконец впихнул арбуз обратно Шурику, распахнул дверь и втолкнул возмущенного парня внутрь. Ну и кто здесь Ермолова ждет? Патрульных оказалось совсем немного. Заняты были только три стола, да двое парней уже стягивали куртки с прибитой на стену вешалки. Глаза привыкли к полумраку, и я узнал Адвоката и Антона Волкова.

– Привет.

– О, Лед, привет, – удивился Адвокат. – Где пропадал?

– Дела были.

– Ну ты, блин, деловой, – протянул мне руку Волков и вышел на улицу вслед за Адвокатом.

– Ты ж с Адвокатом вроде на Нижнем хуторе оставался? – спросил я не обратившего на парней никакого внимания Шурика. – Чё не здороваются?

– Веришь – нет, они все мне за полгода вот где встали, – перехватив арбуз одной рукой, Ермолов выразительно ткнул себя двумя пальцами в кадык, подумал и добавил: – Да и я им тоже...

– Весело, я гляжу, у вас там было.

– Ага. Расскажу – обхохочешься. – Шурик победно поднял арбуз и через весь зал продемонстрировал его двум парням, занявшим стол в углу. – Это... Макса, говорят, застрелили?

– Угу, – промычал я.

– Жалко, неплохой парень был. – Ермолов гордо подошел к без особой радости наблюдавшим за его приближением парням и выставил арбуз в центр стола. – Ну, Татарин, с тебя флян. Сам спорить начал, за язык никто не тянул.

– Я не татарин, я нагайбак. – Адик, черноволосый невысокий мужичок неопределенного возраста, не обратил никакого внимания на заявление Шурика насчет бутылки, поправил стоячий воротник белой рубашки и достал из кармашка кожаной жилетки зажигалку. – Что-то давненько тебя, Лед, видно не было.

– Ой, Адик, и не говори. Привет, Валя, – усаживаясь за стол, поздоровался я с Валентином Горбуновым, который щелчком отправил Адику по столу пачку «Беломора».

– Здорово. – Валентин постучал костяшками пальцев по арбузу и цыкнул зубом: – Несладкий.

– Да что ты понимаешь?! – возмутился оскорбленный до глубины души Шурик. – Раз такой умный, сам бы и шел вы- бирать!

– А я не умею, – засмеялся Горбунов и сдвинул на заты- лок клетчатую кепку. С зелено-сине-белой мастеркой и си- ними с широкими красными лампасами спортивными шта- нами кепка несколько не сочеталась. Но Вале на это было по большому счету начхать. А на чужое мнение о его прикиде ему было начхать два раза. Не отличавшийся особой силой и богатырским сложением парень мог заговорить зубы любо- му, что вкупе с наглостью и ничем не прошибаемой уверен- ностью в себе давало просто удивительные результаты. – А чё бухла не взял?

– Да не кури ты здесь эту гадость. – Шурик выхватил у Адика папиросину, бросил на стол и достал пачку «LM». – А тебе я на фига деньги оставляя?

– А толку-то? Что покурил, что воздухом подышал, – скривил рожу Адик, но сигарету взял.

– Тебя ждали. – Валя поднялся из-за стола. – Жрать кому чего брать?

– Мне возьми чего-нибудь, – попросил я.

– Ты водки, главное, возьми. – Шурик вытащил из карма- на складной нож, с сомнением посмотрел на него и протянул руку Адиду. – Дай тесак, Татарин.

Тот молча выпустил в его сторону струю дыма.

– Адик, не нервируй меня! Дай нож – арбуз разрезать.

– Вон, у Льда сабель возьми, – кивнул на меня Татарин.

– Ага, щас. – Я поправил ножны. – А от сока ее кто потом чистить будет?

– Ну чё ты как маленький? Я этой бандурой себе что-нибудь отрежу. Или тебе...

Адик хмыкнул, протянул Шурику рукоятку вперед длинный нож, и тот одним движением раскромсал арбуз напополам.

– Красный, – с удовольствием заметил Ермолов, вырезая середину.

– И пахнет неплохо, – принялся я, уловив знакомый аромат.

– Но не сахарный, – не смог не поддеть Шурика вернувшийся Горбунов.

– Ты чего несешь? Какой сахарный? Ты где сейчас найдешь сахарный? – взорвался тот.

– Арбуз кто пошел выбирать: ты или я? – Валентин достал из карманов штанов по бутылке водки. – А раз ты пошел, то это твоя забота сахарный найти, а не моя.

– Чё так мало? – Ермолов крутнул бутылки этикетками к себе. – Я тебе денег бутылок на пять «Золотой» оставлял.

– А на пожрать? – не принял претензии Валя. – И Гоша еще базлать начал, что мы вчера ему должны остались. При-

шлось три рубля отдать.

– Ты б ему лучше в дыню дал, чтоб не базлал, – расстроился Шурик.

– Ему – легко. А на его мордovorотов у меня здоровья уже не хватит.

– Мы хоть действительно вчера в долг брали? – вздохнул Шурик.

– Я не помню, – честно сознался Горбунов и задумчиво посмотрел в сторону бара.

– Брали, – успокоил парней Адик. – Три водки и два портвейна для девок.

– Тогда ладно. – Шурик скрутил пробку с бутылки водки. – Ну что, за возвращение Скользкого?

Выпили. Меня всего переборезило, но водка оказалось лучше, чем та, которой вчера угощал Петрович. Или эта просто холодная? А арбуз хорош. Очень они с водкой замечательно сочетаются. Только руки теперь все липкие.

– Ну и где тебя черти носили? – поинтересовался Валя, забирая у подошедшего официанта, а по совместительству и вышибалы, поднос с закуской.

На подносе дымилось блюдо с пельменями и тарелка с лапшой быстрого приготовления. Никак для меня расстарались? И когда здесь нормально кормить начнут? А никогда. Народ сюда не за этим ходит. А на закуску и дрянь быстрого приготовления сгодится. Лишь бы подешевше.

– Да не помню я, – не стал я ничего выдумывать.

– Здорово, – загоготал Валя. – Вспомнишь, скажи. Я тоже такой дрянью обдолбаться хочу.

– За встречу? – предложил Адик, наливая еще по одной.

Я быстренько дохлебал тарелку лапши, взял вилку и, нацепив пельмень, выпил. О, вторая получше пошла.

– Ха, какие люди! – вышедший из второго зала Кот уже собирался пройти мимо, но, заметив нас, подошел к столу. – Пьете?

– Пьем, – усмехнулся я и предложил: – Ты как? Налить?

– Не, спасибо.

– Ты еще скажи – не пьешь, – неодобрительно посмотрел на него Шурик. – Стакан хватай.

– Почему не пью? Пью. – Кот натянул кожаную кепку и прищурился. – Я пью мало, но редко. И мое мало за мое редко выпить сможет не всякий.

– Ой, да не грузи ты. Вали уже. – Горбунов выгреб из кармана горсть банкнот. – У кого как с деньгами? У меня кропали остались.

– Да не суетись ты. – Ермолов убрал пустую бутылку под стол. – Деньги не проблема, да и водка пока есть.

– Ничего понять не могу. То ли лыжи не едут, то ли со мной чего-то не в порядке. – Я оглядел постепенно заполняющих «Реверс» патрульных. Даже из роты дальней разведки белые люди подвалили. – А чего все здесь собираться стали?

– А где еще? – Адик вытер о скатерть липкий от арбузного сока нож и убрал его в чехол. – В «Весне» дорого.

– А в «Берлоге»?

– Ну, ты вспомнил! – выпятил нижнюю губу Валя. – Ее, как Крис пропал – это с полгода уже получается, – Семера к рукам прибрала.

– Да ну? – удивился я.

– Баранки гну. – Адик не стерпел и закурил беломорину. – Там теперь золотая молодежь собирается. Травка, грибочки...

– Ага, я узнал, сам обалдел, – закивал Шурик. – Дак ты и про «Цаплю» не слышал?

– А с ней-то что?

– Китайцы выкупили. Прикинь? – Шурик открыл вторую бутылку и недовольно посмотрел на Валу. – Не понял, ты чего запивона не взял?

– А арбуз на что?

– Бери, – вытащил я из кармана куртки пакетик сока. – Ну и что там с китайцами?

– Валя, иди сока томатного возьми, – отодвинув пакетик в сторону, предложил Горбунову Шурик. – Арбуза на пару укусов осталось.

– Сам иди, – отказался тот. – Говорят, Братство весь свой район Триаде продало.

– Да фигня это все, – встал из-за стола Шурик.

– Точно продало.

– Не знаю, не знаю, – подцепил вилкой пельмень Адик. – Терки у Братства с Триадой конкретные. С чего бы, если по-

любовно договорились?

– Я не понял, мы че, сюда за политику разговаривать пришли? Давайте выпьем, пока длинного нет, – поднял стакан Горбунов. – Не дай водке согреться, пельменям остыть, а себе просохнуть. Будем!

– Ах ты сволочь! Я те выпью! – вовремя вернувшийся с пакетом томатного сока и еще одной бутылкой Шурик присоединился к нам. – Сейчас еще пельменей притаранят.

Да, вторая бутылка идет мягче, чем первая. Значит – хорошая водка. А может, и не значит. Завтра видно будет. Кстати, насчет завтра: а где я его встречать буду? В смысле, мне бы переночевать к кому-нибудь пристроиться.

Алкоголь начал дурманить мозги, и я откинулся на спинку стула. Благодать! Сытый, пьяный и в тепле. Что еще человеку надо для полного счастья? Бабу или чтоб завтра похмелья не было? А лучше и то, и другое. Шурик начал рассказывать какую-то бесконечную историю о том, как они ловили на хуторе не то оборотня, не то перевертыша, но я все прослушал и даже не понял кого в конце концов им удалось отловить.

– Выпьем!

Встряхнувшись, я отлип от спинки стула и взял стакан со вновь налитой водкой. Что-то зачастили. Как бы мне так не скопытиться. Следующую пропущу.

– Дела у вас творятся... – покачал я головой и налил себе сока. – Хоть из дома не выходи.

– Блин, да ты еще и половины не знаешь, – засмеялся Ва-

ля.

– Ну-ка, давайте колитесь. – Мне стало интересно, что еще могло стрястись за время моего отсутствия.

– Город бензин поставлять начал, – как самый трезвый, начал объяснять Адик и загнул палец.

– Знаю, – кивнул я.

– Про алхимиков тоже знаешь? – почесав затылок, Адик устался на ладонь с загнутым пальцем.

– Нет, – сознался я.

– Вот! – обрадовался Валя. – Да сейчас в каждой лавке алхимического дерьма навалом. И сплошь контрабанда. Гимназия локти кусает, а Дружина ничего сделать не может.

– Да не очень они стараются. По-любому на проценте сидят, – кивнул Татарин. – На северной окраине сейчас поосторожней. Как Цех с Семерой на территорию Братства потянулись, там полный беспредел начался. Столько всякой швали из подвалов повылазило...

– До бывшей базы транспортников еще нормально, а дальше лучше не соваться. – Валя взял бутылку и уже хотел налить мне водки, но я успел накрыть стакан с остатками сока ладонью.

– Я слышал, в Черном квадрате банда уродов появилась. – А вот Шурик отказываться от водки не стал.

– В Гетто? Фигня, – не поверил Валя. – Плюнь в харю тому, кто тебе эту чушь сморозил.

– Я тебе самому щас в харю плюну, – угрожающе навис

над столом Ермолов. – Ты тут поговори еще!

– Шурик! – Подошедший к столу парень радостно обхватил Ермолова и похлопал по спине. – Сколько лет, сколько зим! Лед, и ты здесь!

– Здорово! – Я пожал руку Друиду – длинному нескладному мужику из моего отряда, точнее, моего бывшего отряда.

Вслед за ним к столу подошли Сеня Клименчук и две крашенные блондинки неопределенного возраста и средней степени потасканности. Представив одну Аленой, вторую Дашей, Друид пошел заказать что-нибудь выпить. Сеня отправился за стульями. Чую, придется ему с боем стулья выдирать: народу полный зал.

– И самая хреновая хрень, которая появилась, – это мозговерты. Наркота новая. – Окинув девушек мимолетным взглядом, Адик решил, что они не стоят испорченных отношений с Сеней или Друидом. Я его точку зрения разделял, а у Шурика и Вали глаза так и разгорелись.

– Старых мало было? – не совсем понял я, в чем проблема.

– Ты понимаешь, – наклонился ко мне Адик, – такой наркоты еще не было. Закинулся «радостью» – целый день веселый ходишь. Захотел «счастья» – вот оно, в пробирке булькает. И никакой ломки, никакого отходняка.

– А чё плохого?

– Плохого? Да полгорода на мозговертах уже сидит! А дурь денег стоит. И без дозы радость не в радость и жизнь не в кайф. Ты вообще видел, что на улицах творится? Со стек-

лянными шарами сколько народу ползает, не обратил внимания? – Адик выпил водку и с шумом выдохнул воздух. – А месяц назад «память» появилась. Вмазался и любое воспоминание как наяву.

– Для эстетов дурь, однозначно. Реальные пацаны «кураж» выбирают, – явно повторив чьи-то слова, Шурик обхватил за талию Алену и усадил себе на колени. Побрыкавшись для вида, та успокоилась и закурила. У Шурика глаз алмаз. Кого склеить можно, сразу видит. И пусть фигура у Алены не такая пышная, как у Даши, но и выглядит она... посвежее, что ли?

– Ой, да пробовали мы эту «радость», – закудаhtала Даша и расстегнула кофточку, выставив напоказ немаленькую грудь, туго обтянутую белой футболкой. – Только зря деньги выкинули. Ни на капельку радостней не стало.

– Это просто ты всегда такая веселая. – Принесший две бутылки водки Друид забрал у вернувшегося Сени один из стульев и уселся на него. Даша моментально упала к нему на колени. – А Леву-сутенера за это дело на виселицу отправили.

– Он наркотой, что ли, банчить начал? – удивился Валя.

– Не, он всех своих девок на «счастье» подсадил, – приобнял Дашу Друид. – Ну и клиенты тоже неслабо к этому делу привыкли. Некоторые, говорят, и по три раза на день забегали. Деньги он под конец драл просто несусветные.

– А презервативы? – засомневался в реальности истории

Шурик.

– Какие презервативы за такие бабки? – постучал костяшками пальцев ему по голове Сеня и сгреб Алenu к себе, но та предпочла занять свободный стул. – У Левы два целителя девок чистили.

– А может, ты через меня тоже кайф словил? – заерзала на коленях у Друида Даша. – То-то такой радостный был.

– Я от другого радостный был, – немного смутился патрульный.

– Лева-сутенер... Подожди, подожди... – Что-то вертелось у меня в голове, но никак не желало оформляться в конкретную мысль. – Точно! Он же от Цеха работал! И все равно вздернули?

– Если бы деньги не пилил, глядишь, отмазали бы. А за крысу кто подписываться станет?

– Это точно.

Выпили за знакомство. За встречу. И почти сразу же – за тех, кто в сапогах. Все, хватит. Надо перерыв устроить...

– Пойду... свежим воздухом подышу. – Закашлявшись от сигаретного дыма, я встал из-за стола и пошел в туалет.

– Не утони, там яму давно не чистили, – заржал Шурик и передвинул стул поближе к Алене.

Пока шел до туалета и обратно, перездоровался с половиной набившихся в «Реверс» патрульных. То за одним столом мелькало знакомое лицо, то за другим. С этим в рейд ходили, с этим водку пили, этого не помню, но точно где-то пе-

ресекались... Так что обратно за стол я вернулся минут через сорок. Но поскольку от предложений выпить отказаться удавалось не всегда, трезвее за это время не стал. Скорее наоборот.

– «Я пьяная свинья, просто пьяная свинья», – прикрыв глаза, тихонько напевал раскачивающийся на стуле Сеня, который вовсе не обращал внимания на шушукавшуюся с Шуриком Алену. – «Я в синей яме лежу, но ты не трогай меня – ведь эта яма моя».

– Да был я в этом Париже. Дыра дырой, – неожиданно заявил Адик и сплюнул на пол.

Восторженно расписывавшая свою поездку в столицу Франции Алена обескураженно замолчала.

– Ты? – Шурик как бы невзначай положил руку на талию девушки. – Да ты, Татарин, из своей Колупаевки никуда и не выбирался! Скажи – не так?

– Не так. В Париже был, в Берлине был, в Лейпциге был, в Фершампенуазе жил одно время, – не стал ругаться с Шуриком изрядно окосевший Адик. – Вот в Варне, врать не буду, не был. Хотя и была возможность...

– А Эйфелеву башню видел? – приняла слова Татарина за чистую монету Алена. – С нее такой вид открывается...

– Я не знаю, Эйфелева она или кого другого, но торчала в Париже какая-то железная фиговина. – Адик принялся разливать водку по стаканам.

– Слушай, Татарин, ты ж свистишь! – не выдержал Ерма-

ЛОВ.

– Да мамой клянусь!

– Подожди, Адик. Ты, блин, простым экспедитором работал, так? – приложил стакан ко лбу Валя. – Откуда бабки?

– Так по работе все, по работе. – Адик откровенно наслаждался моментом. – Я по работе, считай, всю область объездил.

– Какую, на хрен, область? – заорал Шурик.

– Челябинскую, какую еще? – делано удивился Адик.

– Объясни мне, тупому: с каких пор европейские города Париж, Берлин и Варна перебрались на Урал? – очень спокойно спросил Шурик. Слишком спокойно. Сейчас кто-то точно в репу огребет.

– Да прям уж города. Ну, Варна еще куда ни шло, а Париж с Берлином так, села. Я ж говорю – дыра.

– Да я тебе!.. – вскочил Шурик, но на нем с одной стороны повис Горбунов, а с другой Алена.

– Подожди, Шура, – попытался успокоить его Друид и спросил у Адика: – То есть, ты хочешь сказать, у вас в области есть села Париж и Берлин?

– Ну да.

Я тихонько хмыкнул. А впрочем, если в США есть Санкт-Петербург, то чем мы хуже? Вот только была в рассказе одна неточность, которая сводила на нет всю эту байку.

– А башня Эйфелева откуда взялась? – хитро прищурился Друид.

– Ага, откуда? – Бить Адика Шурик больше не бросался и втихаря обнял Алену.

– А я говорил, что она Эйфелева? – расплылся в пьяной улыбке Татарин. – Похожа – базара нет. В том году сотовики базовую станцию поставили, точная копия, только раз в шесть меньше.

– Да и в рот ее ногами, – поднял Шурик стакан. – За прекрасных дам!

Выпили. Посидели, поболтали. Еще выпили. Сеня срубился, водка кончилась. Выгребли из карманов у кого сколько завалилось. Маловато.

– Блин, где бы денег надыбать, – невесело протянул Валя и бросил на стол три мятых сторублевки. – Много...

– Заработай, – явно издеваясь, предложил Друид.

– Прямо сейчас, – уточнил Горбунов.

– Займи, – пробормотал Шурик, пересчитывая набравшуюся мелочь.

– У кого? Голяк же у всех.

– А ломбард? – подмигнула ему Даша.

– Ха! Было б заложить что...

– Китайцы... гады... без залога дают... – оторвался от стола Сеня, выпил оставшуюся с последнего тоста водку и снова уронил голову на руки.

– Вот иди и займи, умник. – Шаривший по карманам Друид достал несколько маленьких золотых монеток непонятной чеканки. – Не вернешь вовремя, и получится как в дет-

ском стишке: «Вышел заяц на крыльцо...». Сам не заметишь, как яйца в заклад оставишь. Да, Лед, ты ж Ветрицкого знаешь? На желтомазых работает, сучонок.

– Да ну и фиг с ним. – Разговор о деньгах навел меня на одну мысль. – Слушайте, в конце декабря бой за звание чемпиона по боксу был... Кто кого сделал, Араб или Магометов? Никто не в курсе?

– Араб. – Валя забрал бутылку у вернувшегося от бара Шурика и свернул пробку. – Я тогда пролетел... как фанера над этим вашим Парижем.

Я удовлетворенно кивнул и взял вновь наполненный стакан. Ух-х-х, отрава... Эта порция сорокаградусной оказалась совершенно лишней, и сознание окончательно смазлось. События в непредсказуемо рваном ритме замелькали мимо, изредка намертво врезаюсь в память какими-то отрывочными эпизодами. Ну и прет меня...

Помню: песни орем, потом провал. Шурик и Друид борются на руках. Провал. Адик мне что-то втирает, но слов разобрать уже не могу. Провал. Валя трясет кого-то за грудки. Обрывок мысли: «Пора валить...» Провал. Кто-то принес еще водки. Провал. Исчезли Друид и Даша. Провал.

Немного очухался я, когда большинство патрульных из кабака уже разошлись и остались только самые стойкие. Наши где? Адик и Валя ругались с кем-то за столом в другом конце зала. Сеня спал, уместившись на трех составленных в ряд стульях. Шурика не видать. Алены тоже. Вот гад! Скле-

ил девку, а я где ночевать сегодня буду? Я ж хотел к нему на ночь забуриться.

Покачиваясь, я встал из-за стола и пошел искать Шурика. Перед глазами все плыло, пол ощутимо прогибался под ногами, а столы и стулья так и норовили оказаться на пути. Прокуренный воздух ел глаза. В кабаке Ермолова не оказалось. Зашибись... И что теперь делать? Денег ноль...

Вышел на улицу. Свежо. Надо бы отлить. Подошел к соседнему подъезду и тут сзади послышались быстрые шаги. Тело среагировало автоматически: крутнувшись на месте, я резко лягнул ногой. Налетевшего животом на ботинок мужика отбросило назад. Мне тоже равновесия удержать не удалось и, повалившись на землю, я схватился за рукоять сабли. Сбоку вылетела тень, и удар в висок отправил меня в нокаут...

Глава 3

Больно. Больно. Больно...

Очнувшись в полной темноте, я пошарил вокруг себя руками. Кирпич. Бетон. Железо. Лежу на полу. Где я? Пальцы наткнулись на железные полосы, и мне стало не по себе. Куда меня заперли? На камеру не похоже. Ограбили и бросили в какой-нибудь канализационный люк? Нет, это точно дверь. И дверь закрытая.

Осторожно прикоснувшись пальцами к лицу, я тихонько замычал от боли. Висок ломит, на лбу здоровенная шишка, губа рассечена, а левый глаз полностью заплыл. И нос опух. Да, здорово меня отметелили. А помню только первый удар по голове. И все же где я?

Упершись рукой в стену, попытался подняться на ноги, но под правой лопаткой что-то хрустнуло и в спину отдало острой болью. Кишки завязало узлом, резкий спазм сдавил ребра, и меня вырвало. словно дождавшееся своего часа незаметное тиканье в голове сотней острых лезвий вонзилось в затылок и полыхнуло огнем. Скорчившись на полу, я неглубоко задышал, пытаюсь переждать приступ. И как же меня так угораздило?

В плохо смазанном замке, проворачиваясь, заскрипел ключ, дверь начала медленно открываться, застряла и одним рывком распахнулась. Прыгнувший внутрь луч света полос-

нул по глазам, и я снова отрубился.

Второй раз в чувство меня привел холод. Бетонный пол заморозил затылок, и боль, перебравшись оттуда, притаилась сразу за надбровными дугами. Перевернулся на живот, и меня опять вырвало желчью и какими-то кровавыми сгустками. Весело. Кишки порвали? Я поднял голову от пола и только тут заметил, что теперь нахожусь в другом помещении.

Что за катакомбы? Стены с набухшей и обвалившейся штукатуркой, голый бетонный пол. В углу сложенная из кирпича печка, жестяной дымоход уходит в дыру в потолке. Огонь в печке не горел и в комнате стоял жуткий холод. У закрытой двери скособенился грубо сколоченный стол с одиноко горящей свечой, дрожащий язычок пламени которой даже и не пытался разогнать мрак по углам.

Я немного повернул голову и, несмотря на замельтешившие в глазах светящиеся точки, смог разглядеть собравшихся в комнате людей. Уже немолодой мужчина сидел на табуретке у стола, два бугая нервно переминались у двери и давили косяка на неподвижно замершую у печи фигуру. Этот человек полностью закутался в длинный плащ, голову скрывал надвинутый на лицо капюшон. Он вообще видит из-под него что-нибудь?

Пытаясь удержать подкативший к горлу комок тошноты, я размеренно задышал и уловил странный запах. Никак мертвечиной воняет?

– Вы сильнее его избить не могли? – спокойно и без раздражения в голосе спросил сидевший за столом человек в бежевой замшевой куртке.

Знакомое лицо. Широкий лоб, глубокие залысины на висках, светлые волосы. Крупный мясистый нос дополняет выступающий вперед подбородок. Где я его мог видеть? Блин, да когда ж в глазах двоиться перестанет? А закрою-ка я левый, все равно он почти не открывается. Вот, другое дело. Да, точно, раньше этого типа где-то видел! Но где? Хоть бы огонек свечи мигать перестал. Мне б только вспомнить, тогда, может, ясно станет, чего этим гадам от меня надо...

Мужчина перестал писать, кинул ручку на стол и, вполоборота повернувшись к двери, потер короткими толстыми пальцами мочку уха:

– Я вас спрашиваю.

– А мы че? – втянул в плечи почти квадратную бритую голову бугай слева. – Он прыгать начал, чуть ливер мне не порвал...

– Да и очухался он уже, – поддержал его второй головорез и покачал в руке увесистый электрический фонарик. Этот голову втянуть даже не пытался – шеи как таковой просто не было, сразу начинались мощные плечи, при каждом движении которых новенький кожаный пиджак едва не расползался по швам.

– Если бы он не очухался, я вам не ливер, я вам другое бы место порвал.

– Я и ударил его всего два раза, – нагло соврал квадратноголовой и поправил на поясе ножны с моей саблей.

– Сгиньте с глаз моих. – Мужчина оставил в покое мочку уха, и тут я его вспомнил.

Штоц. Яков Наумович Штоц. Но с какой стати командир Патруля ведет дела с этими уголовниками? И каким боком в этом я замешан?

– Наверху подождем, – буркнул квадратноголовой и, выйдя за напарником, с силой захлопнул за собой дверь.

– Да ты подымайся, Лед. Пол холодный, еще простудишься, – очень доброжелательно посоветовал мне Штоц. Внешне он казался совершенно спокойным, только пальцы теребили небольшой синий медальон, свешивавшийся с шеи на золотой цепочке.

Откуда он меня знает? А впрочем, должен же он знать, кого приволокли его головорезы. Но зачем я ему понадобился? Зачем?!

– Спасибо, Яков Наумович, лучше полежу. – Я прислонился спиной к стене и поджал ноги к груди. Ух-х-х... Больно-то как! Ребра, мои ребра...

– Ну зачем же так официально, – ничуть не удивился тому, что его узнали, Штоц. – Я из Патруля... ушел, так что ничто не мешает нам перейти на ты. Не против?

– Ничуть. – Челюсть болела просто жутко и, проведя языком по зубам, я без особого удивления обнаружил выбитый клык. Да и соседние зубы шатаются. Гады! Поубивал бы.

– Времени в обрез, поэтому вопросы задаю только один раз и не повторяю, – сразу перешел к делу Штоц. Нервные пальцы оставили в покое цепочку и принялись черкать ручкой в тетради бессмысленные каракули. Да что с ним такое? Неужели ломка?

Я очень медленно кивнул в знак согласия.

– Где Ворон? – неожиданно подался вперед Штоц.

– Ворон? – Вопрос меня буквально огорошил. Он-то тут при чем? Я был настолько удивлен, что, не подумав, ляпнул: – Не знаю.

– Ответ неверный. – Рука Штоца дернулась, и раздался звук рвущейся бумаги. – Сема...

Человек в черном плаще шагнул ко мне. Неприятный запах резко усилился. Гангрена у него, что ли?

– Последний раз я его видел в декабре того года в Лудине, – поспешил я исправить свою ошибку, – когда он получил пулю в живот. Выжил или нет – не знаю.

– Кто стрелял? – взмахом руки остановил Штоц своего подручного.

– Рейнджеры.

– Больше его не видел?

– Нет.

– А на днях в Форте?

– Нет.

– Товар где?

– Какой товар? – чувствуя, что это Штоца вовсе не устро-

ит, напрягся в ожидании ответной реакции я.

– Какой?! – сорвавшись на крик, брызнул слюной Штоц. – Где «сапфировый иней»? Куда этот подонок его спрятал?!

– Первый раз слышу, – пробормотал я, но, думаю, в ответе уже не было необходимости: слишком красноречиво отразилось изумление у меня на лице. Ворон – гаденыш! Это из-за него я так влип!

– Приберись тут. – Со всей дури швырнув ручку в стену, Штоц взял свечку и вышел за дверь.

Прежде чем комната погрузилась во мрак, человек в плаще, неловко дернувшись, снова шагнул вперед. От резкого движения капюшон плаща слетел и обнажил туго обтянутый потемневшей кожей череп с редкими остатками волос и провалившимся носом. Но ни трупные пятна, ни почти сразу же наступившая темнота не помешали мне узнать лицо, не раз виденное на плакатах с надписью «Находятся в розыске».

Труп бандита и удачливого налетчика Семы Два Ножа, больше неразличимый в темноте, неторопливо зашаркал ко мне. Я прижался к стене и, не решаясь подняться на ноги, вслушивался в скрип кожи и шорох подошв по бетонному полу.

Швырк-шарк.

Далеко.

Шарк-швырк.

Пора? Нет, рано.

Швырк-шарк.

Пора!

Запах мертвечины ударил в нос и я, упершись спиной в стену, выкинул обе ноги вперед. Подошвы ботинок врезались в ноги Семы, мои ребра и позвоночник обожгло огнем. Преодолевая боль в избитом теле, я откатился влево и на четвереньках рванул в сторону стола. Пальцы мертвяка, отсутствие света которому вовсе не мешало, скользнули по щиколотке, но ухватить ногу не успели. Вот только ходячий труп оказался далеко не таким заторможенным, как большинство поднятых из могил: деревянный стол, под который я забрался, моментально отлетел в сторону.

Если не убегу – хана.

С грохотом распахнулась дверь, луч мощного фонаря выхватил из темноты зажавшего меня в угол зомби. В замкнутом пространстве пушечные выстрелы показались просто оглушительными. Я еще сильнее забился в угол между стеной и печкой. Надо выбрать момент и рвануть отсюда, пока мертвяк стрелком занимается. Не думаю, что у человека с пушкой есть шанс одолеть этого зомби. Простого неупокоенного и саперной лопаткой уделать не проблема, а тут огнемет нужен, на крайняк – охотничье ружье.

Мертвяк оставил меня в покое и бросился на свет фонаря. К моему удивлению, первые же попадания в грудь заставили его отступить назад, а от выстрела в голову во все стороны полетели осколки черепа и обрывки полусгнившей кожи. Не удовлетворившись достигнутым эффектом, человек с фона-

рем отступил от двери и оттуда два раза пальнули из дробовика. Первый выстрел снес зомби остатки черепа, второй разворотил плечо и почти оторвал правую руку. Несколько раз дернувшись, мертвяк покачнулся и упал на пол.

Комнату наполнила вонь пороховой гари, и я закашлялся. Как не вовремя! Меня бы так и не заметили вовсе! Луч фонарика скользнул по стене и остановился на мне.

– Бери его и уходим. – Человек с фонариком посветил закинувшему за спину двустволку мужчине. Тот ухватил меня подмышки и выволок из комнаты.

На середине ведущей из подвала лестницы я потерял сознание, а очнулся уже на полу какого-то полуразрушенного цеха. Рядом валялся вытянувшийся во весь рост бугай, в квадратной голове которого подсохшей кровью чернело пулевое отверстие. Второй бандит скорчился у окна – его спину наискось пересекала цепочка аккуратных дырок. А Штоца ни живого, ни мертвого нигде видно не было.

– Штоц, падла, ушел, – по перекосившейся лестнице со второго этажа спустился широкоплечий мужчина в камуфляжных штанах и куртке с автоматными рожками в кармашках разгрузки. Лицо закрывала черная вязаная шапочка с прорезями для рта и глаз. Собранный по системе «булл-пап» – рожок располагался между прикладом и пистолетной рукоятью – короткий автомат с подствольным гранатометом вслед за глазами как бы невзначай обегал дверные и оконные проемы.

– Да и бог с ним. – Одетый точно так же – только в кармашках разгрузки не автоматные рожки, а странные рифленные цилиндры – человек с пистолетом сунул фонарик в петлю на поясе, выщелкнул из пистолета магазин и вставил новый.

А пистолет-то не простой. «Гюрза». Его увеличенная спусковая скоба очень даже подходит для нашего климата: в толстых перчатках стрелять весьма удобно. Проблема, как всегда, одна – патроны к нему в Форте найти, думаю, практически невозможно.

– Уходить надо. – Прислонившийся к стене невысокий худощавый мужчина с мелкими, будто смазанными чертами лица, перезарядил ружье и пригладил слипшиеся от пота светлые волосы. На фоне своих товарищей он казался простым охотником: длинная брезентовая куртка, застиранные серые штаны, вышарканные кожаные сапожки. Даже нож был с широкой трещиной в деревянной рукояти.

Я перевалился на другой бок и сел, опершись о стену. Все равно про меня не забудут. Мое движение не осталось незамеченным: убрав «Гюрзу» в кобуру на поясе, высокий стрелок стянул закрывавшую лицо шапочку и подошел ко мне.

Темноволосому черноглазому мужчине с горбатым, немного загнутым вниз носом можно было бы дать лет сорок с гаком, если бы не полные энергии движения и чистая, без единой морщинки кожа лица. Только откуда мне его лицо знакомо?

– Меня зовут Доминик. Отец Доминик. Полагаю, Ян Карлович тебе о нас рассказывал.

– Ну и? – прошипел я, морщась от корежащей челюсть боли. Вспомнил я, где этого отца Доминика видел – на уличной проповеди. Какого лешего понадобилось от меня «Несущим свет»? Тем более так сильно, что они пустили в расход трех бойцов Штоца. Тот-то понятно, через меня на Ворона и наркотики выйти хотел. А этим что надо? И уж больно уверенно для простых сектантов они с оружием обращаются.

– Что – и? – улыбнулся Доминик.

– Что вам от меня надо?

– Разреши? – Не дожидаясь ответа, самозванный священник опустился на колени и приложил руки к моим вискам.

Произнесенных шепотом слов разобрать не удалось, но боль моментально стихла, в голове прояснилось и даже опухоли немного спали, а ребра перестало ломить. Ух, будто заново родился! Только выбитый зуб, как и прежде, продолжал ныть. Такое впечатление, что на его место ввернули ржавый шуруп.

– Спасибо, – впервые за утро я набрал полную грудь воздуха.

– Не за что. Это не благотворительность – у нас есть к тебе деловое предложение.

– От которого я не смогу отказаться? Как-то вы слишком удачно появились, лучшее время для делового предложения и не найти. – Поняв, что убивать меня никто не собирается,

я поднялся на ноги и начал обшаривать труп бандита с простреленной головой. Кошелек не глядя сунул в карман, на ПМ даже не посмотрел – мало ли что на нем висит. А вот стыренную у меня саблю оставлять не стал и незамедлительно пристроил себе на пояс.

– Закругляйтесь, Штоц вернуться может. – Сектант с автоматом тоже снял с лица шапочку и оказался не очень молодым мужчиной лет тридцати пяти – сорока. Русые волосы, голубые глаза, широкое лицо и мощное сложение делали его похожим на былинного богатыря из детской киносказки. На левой щеке то ли ожог, то ли красноватое родимое пятно. – И вернется он не один...

– Маловероятно. – Доминик с едва уловимой улыбкой наблюдал за тем, как я обшариваю труп второго бандита. Уж не знаю, что стало ее причиной: мой скудный улов или наглядное подтверждение суетности и мимолетности человеческого бытия. – Наше столь своевременное появление ничего общего с удачей не имеет. Ты вот, Лед, даже не представляешь, насколько трудно вывезти человека из Форта втайне от посторонних глаз.

– Вы за мной следили, что ли? – закончив мародерствовать, поднялся я с колен. Улов невелик, но с паршивой овцы... А фляжка моя так и ушла. Жалко, хоть и пробитая, но серебра в ней было немало.

– Нет, что ты. Просто многие разделяют наши убеждения. Хоть и не афишируют этого.

– Так все-таки что вам от меня надо? – Я повертел в руках обрез дробовика и аккуратно положил его на пол. Куда он мне? – И где мы, кстати?

– В Рудном.

– Доминик, нам пора, – поддержал автоматчика парень с охотничьим ружьем. – Как бы на егерей не нарваться. Стуканет кто...

Рудный. Это ж километров пятнадцать от Форта! Далековато меня занесло. Но о каких егерях разговор? И зачем городским диверсантам ошиваться в окрестностях Форта, рискуя напороться на патрульных? Не из-за сектантов же! Ничего не понимаю.

– Хорошо, в Форте поговорим, – уступил нажиму с двух сторон Доминик, который у сектантов несомненно был за главного. – Договорились?

– Договорились, – не стал я спорить. Может, так и лучше. Почему-то совсем не уверен, что ответы на вопросы придутся мне по нутру.

– Олег, ты впереди, – начал отдавать распоряжения Доминик. – Мстислав, прикрываешь. Двинули.

– Не нравится мне эта погода, – выглянув в дверь, Олег достал из кармана матерчатую кепку. – Как бы под криоген не попасть.

– Ты что скажешь? – неожиданно повернулся ко мне Доминик.

А что я? Самый большой специалист по погоде, что ли?

Нашли синоптика... Хм... А если разобраться, так оно и есть. Не думаю, что кто-нибудь из сектантов обладает моим опытом. Все-таки год в Патруле – это год в Патруле.

– Пить есть? – спросил я, выйдя на улицу и настороженно оглядываясь по сторонам.

Не видать никого. И это замечательно. В таких вот трущобах приличных людей днем с огнем не сыщешь. Одни бандюки да патрульные ошиваются. Вид развалин цехов и длинных складских бункеров нагонял тоску. Шлакоблок, бетон, кирпич, асфальт, грязь и черная земля... Застрелиться и не жить...

– Держи, – протянул мне фляжку Мстислав.

– Спасибо, – я хлебнул холодной воды, смыв мерзкий привкус рвоты, и присел на корточки. Земля уже оттаяла – вон и трава вылезла. Да и воздух прогреет. Все бы ничего, но не нравились мне лениво ползущие по небу перьевые облака, и все тут. Оттенок у них какой-то нездоровый. Не белые, скорее чуток серовато-свинцовые. А так, небо синее. Жизнерадостное такое, веселенькое. Я принялся, потом набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Привкус есть какой-то. Почти неуловимый. Или даже не привкус, а будто стылость непонятная в воздухе. Или это мне после холодной воды кажется? – Облака мне не нравятся, но криогена в ближайшее время точно не будет.

– Тогда пошли, – приказал Доминик.

Олег кивнул, закинул ружье на плечо и открыто вышел на

вспученный и потрескавшийся асфальт дороги. Подождав, пока он отойдет, мы с Домиником двинули следом, а Мстислав так и не выбрался на открытое пространство и крался за нами около полуобвалившихся стен.

Здание, из которого мы вышли, отличалось от остальных только тем, что к нему по грязи была протоптана дорожка, а кирпичные стены уверенно возвышались над выдержавшим температурные колебания фундаментом. Ближайшие шлакоблочные и панельные постройки такой сохранностью похвастаться не могли. Во многих сквозь прорехи в стенах и крышах уже дрожали на ветру покрытые только что проклюнувшимися листочками ветви молодых деревьев.

Как бы Мстислава обломками не завалило. А то так упадет кирпич на голову и кранты. Ну, ему виднее. Сам пусть головой думает – не маленький.

Двигаясь за уверенно шагавшим Олегом, мы постепенно выбрались из застроенного складами района и вышли к пересекавшей весь Рудный с севера на юг улице. Это Октябрьская или Революции? Не помню. Да и неважно. Главное, что по ней можно добраться напрямиком до ведущего в Форт тракта. Если я ничего не путаю, конечно.

Не забывая посматривать на слишком уж быстро темнеющее небо, я с интересом глазел по сторонам, запоминая на всякий случай ориентиры и прикидывая возможные схроны на случай нападения. Не дай бог, но вдруг пригодится? В Рудном мне бывать доводилось всего раза три или четыре

и то только на восточных окраинах. Обычно наш отряд отправляли в рейды на север и северо-восток, а окрестности Форта – это вотчина первой роты.

Стоявшие с обеих сторон улицы двух – и трехэтажные дома – грязно-серые, зеленые, желтые, – казались почти одинаковыми, и только последствия непогоды делали их хоть как-то непохожими друг на друга. У одного дома обвалился фасад, у другого провалилась крыша. Там на рухнувших балконах уже зеленеют кусты, а немного дальше от здания осталась лишь груда обломков. Но это так, штришки. Большинство выходящих на дорогу выбитыми окнами домов на первый взгляд казались вполне пригодными для проживания. Вот именно, что на первый...

И все же какой я сдался сектантам? И каким боком здесь Ян Карлович замешан? Что вообще им могло от меня понадобиться? Убить кого-нибудь? Бред. Найти в Форте убийцу с вполне умеренными расценками никаких проблем не составляет. Было бы желание. Да и сами «Несущие свет» тоже не лыком шиты. Людей Штоца покروшили не напрягаясь. Может, нужен проводник? Тоже не катит. Летом свободных патрульных пруд пруди. Только позвени монетами и от желающих подзаработать отбоя не будет. Получается, охотятся за тем злосчастным ножом? Или, как и Штоц, через меня на Ворона выйти хотят? Скоро узнаю. А сейчас время для распросов не самое подходящее...

Задул холодный ветер, и я пожалел о выброшенной фу-

файке. Сейчас бы в самый раз пришлось. Шагавший впереди Олег скинул с плеча ружье и нацелил его на круглое отверстие канализационного люка, внутри которого шумел поток воды. Доминик предпочел обойти люк по широкой дуге. Я тоже решил не рисковать и последовал его примеру.

Со стены дома сорвалось серое пятно, но стремительный прыжок комка спутанных волос прервала автоматная очередь. Рухнувший на дорогу крысюк закричал когтями по асфальту и забился в судорогах. Из темного провала полуподвального окна выбрались несколько хищников помельче и развернувшийся Олег дуплетом сбил их обратно. Сорвав с разгрузки один из цилиндров, Доминик сделал шаг к дому и почти без замаха метнул его в окошко. Бесшумно полыхнуло пламя, пронзительный вопль заживо сгоравших зверей сменился тихим шипением занявшегося огнем сырого дерева. Подстреленный крысюк прополз несколько метров и затих, уткнувшись вытянутой мордой в грязь. Из оскаленной пасти закапала смешанная с кровью слюна.

– Быстрее, быстрее, – заторопил нас Олег, и мы почти бегом отправились дальше.

Крысюки не так уж и опасны, но мало ли кого звуки стрельбы привлечь могли? Теперь я куда внимательней осматривал крыши домов, узкие проулки и дверные проемы выходивших на дорогу домов. На ходу перезарядивший ружье Олег не стал вешать его за спину и старался держаться как можно дальше от зданий, возвышавшихся по обеим сто-

ронам узкой улицы.

Асфальт оборвался так резко, будто его сюда вообще никогда не укладывали. Ботинки зачавкали сначала по смешанной с грязью щебенке, а потом и вовсе потянулась глубокая лужа, обойти которую не было никакой возможности. Олегу своих стареньких сапог было откровенно не жаль, а Доминик нерешительно остановился перед водной преградой. Не хочет ноги мочить? Я тоже. И что делать будем?

– Тут кирпичи разложены, – махнул нам рукой проводник. – Не утонете.

Перепрыгивая с кирпича на кирпич, мы добрались до другого края лужи и вышли на небольшую площадь, на противоположной стороне которой возвышалось трехэтажное здание с полуосыпавшейся со стен мозаикой. Доминик остановился.

– Это что за хоромы? – спросил я.

– Почта, – ответил он, высматривая Мстислава.

Беспокоится? И это правильно. Тут вам не увеселительная прогулка.

Серо-зеленые камуфляжные пятна мелькнули в зарослях сухого бурьяна, репейника и длинных голубоватых стеблей ведьминога хлыста. Да, не сладко ему там. Прет-то он через самое натуральное болото, да еще всякой дрянью заросшее. Но безопасность превыше всего...

Зашумел ветер, засвистел в выбитых окнах и еще не сорванном с крыш шифере. По луже побежала рябь. Черная

туча закрыла солнце, и сразу же ощутимо похолодало. Капли дождя заколотили по домам, вспенили лужу и моментально до нитки промочили одежду. Я поднял воротник куртки, но ледяные брызги находили любую лазейку, чтобы забраться внутрь. Да что ж такое? Не было тучи, еще пару минут назад не было...

– В укрытие! – проорал я и, стуча зубами от холода, побежал к зданию почты. Доминик и Олег даже опередили меня и успели заскочить внутрь, прежде чем с неба посыпалась картечь града. Мне несколько ледяных шариков размеров с ноготь большого пальца здорово саданули по прикрывавшим голову рукам, а вот Мстиславу пришлось хуже всех: пока он, поднимая брызги, мчался через лужу, градины успели увеличиться в размерах до перепелиного яйца.

– Ты как? – отойдя от вдребезги разлетающихся о мраморное крыльцо ледышек подальше вглубь здания, спросил у него Доминик.

– Одна прямо в темечко угодила. – Отдышавшийся Мстислав снял вязаную шапочку и ощупал макушку. – Чуть крупнее – и привет.

Град тем временем и не думал утихать. Ледяные снаряды летели с неба сплошным потоком и среди них все чаще мелькали удлинённые градины, больше напоминавшие сосульки. Смертельный шквал выкашивал ростки молодой травы, срезал ветви кустов и взламывал шифер. В одно мгновение земля оказалась усыпана почти десятисантиметровым

слоем льда, а от оконных проемов потекла волна холодного воздуха. Это, конечно, не криоген, но если кого застанет в чистом поле, шансов выжить – ноль.

Ух ты, холодно-то как! Еще и промок насквозь. Простужусь на фиг. Но, как гласит не очень старая, зато очень верная мудрость, если тебе холодно, ты еще жив. Мертвяку такие мелочи по барабану.

Поток градин оборвался так же неожиданно, как и начался. Вот еще только по крыльцу барабанила дробь мелких ледышек, а уже через миг дождь стих и на небе выглянуло солнце. Черная туча рассеялась без следа, и усыпавший землю лед начал медленно таять.

Мы вышли на улицу. Бр-р-р, прохладно. Куски льда шуршали под ногами, так и норовя выскользнуть из-под ботинок в самый неподходящий момент. От земли поднимался ощутимый холодок, а пальцы на ногах начали потихоньку утрачивать чувствительность. Интересно, насколько большую территорию захватил град? Не хотелось бы тащиться по такому месиву, когда оно окончательно растает.

– Ты смотри! – Олег выдернул из грязи на удивление хорошо сохранившуюся после падения ледяную сосульку в локоть длиной. – Такая и каску пробьет.

– Прямо уж пробьет, – с сомнением покачал головой Мстислав и, просунув ладонь под шапочку, потер отбитую градиной макушку.

– А ну стойте! – Выкинув сосульку, Олег медленно пере-

сек газон и присел на корточки рядом с одним из домов.

– Что случилось? – завертел головой Доминик.

– Первый раз вижу... – Проводник указал на странные следы на земле, там, где от падавших градин ее прикрыла стена дома.

Что такое? Странно. Серебряная паутина инея затягивала напоминавшие отпечатки ног отметины на земле. Такое впечатление – недавно здесь прошел кто-то настолько холодный, что под его ногами смерзлась грязь.

– Что-то здесь не то... – Шумно втянув носом воздух, Доминик снял с головы шапочку и сунул ее в карман.

Постояв немного рядом со следами, я задумчиво отошел от дома. Что-то важное вертелось в голове, но никак не желало оформляться в конкретную мысль. Что же я такое забыл? А...

– Лед! – Окрик Олега вывел меня из состояния глубокой задумчивости.

Я обернулся и обнаружил, что довольно далеко оторвался от сектантов. Да что такое? Куда я впилил?

И тут из окон первых этажей, дверей подъездов и подвальных окошек заструились замороженные и оттого казавшиеся серыми клубы стылого воздуха. Они изгибались и вытягивались навстречу друг другу, стремясь слиться в одну непроницаемую пелену. Земля под их обжигавшими холодом касаниями покрывалась инеем.

Не дожидаясь, пока меня со всех сторон окружит эта се-

рая хмарь, я подбежал к остальным. Всем вместе оно веселее как-то...

Доминик поднял руки к небу и начал выкрикивать непонятную молитву, но на сгущавшейся тьме это никак не сказывалось. Наоборот, разлившееся над нами чернильное пятно стало медленно опускаться, отрезая нас от окружающего мира.

Все, блин, приплыли...

Тем не менее вставшие с двух сторон от Доминика сектанты вовсе не казались особенно взволнованными. Напряженными и собранными – да, взволнованными – ничуть. Фанатики чертовы!

Я постарался расслабиться и понять, откуда в пелену вливается питающая ее энергия. Хрена лысого! Не чувствую ничего. Для внутреннего зрения эта хмарь – что кирпичная стена для обычного. Сплошное черное пятно. Хана...

Закончив молитву – а молитву ли? – Доминик замолчал и опустил руки. Чернота над нашими головами пошла сотнями серебряных трещин и зеркальными пластинами рухнула вниз, а приблизившуюся пелену разметало на отдельные клочья мутно-серой хмари, которые начали ускользать под прикрытия стен.

Силен Доминик! Это ж надо было такое одними словами сотворить. И чего он на проповедях показательных выступлений не устраивает? Народ бы в секту валом повалил.

Но радовался, как оказалось, я слишком рано. Вместо пы-

тавшейся заморозить нас тьмы из ближайших домов начали появляться совершенно одинаковые на первый взгляд ледяные создания. Раз, два, три... Да их пара десятков, не меньше! Солнечный свет заиграл на острых гранях длинных рук и гладких скошенных поверхностях, заменявших этим отродьям лица. Ледяные големы времени терять не стали и двинулись к нам.

Грохнул выстрел. Угодившая в грудь одному из големов картечь выбила мелкие ледяные осколки и только: эта тварь даже не замедлила шаг. Второй выстрел заставил ее остановиться, но с ног не сбил. Ой-е... Да нас так на куски порубят секунд за десять!

– Бежим! – Дернув опешившего Олега за плечо, Мстислав развернулся и рванул назад по улице.

Мы кинулись за ним. Ледяные фигуры тоже перешли на бег, но, не сумев настигнуть нас в первые мгновенья, отстали метров на полста.

Вырвались! Слишком эти ледяные истуканы медлительные. Вот только у них есть одно неоспоримое преимущество: они не устают.

Сбившись в кучу и мешая друг другу, големы бежали позади. Скользя по раскисшей земле и втаптывая в нее градины, мы старались увеличить отрыв, но ледяные создания преследовали нас с неутомимостью заводных кукол. Потихоньку, метр за метром, они начали сокращать расстояние.

Быстрее! Не сбавлять темп! От стремительного бега вновь

заломило ребра, легкие закололо, а резь на месте выбитого зуба стала просто невыносима. Задыхаясь, я начал отставать от сектантов. Мать твою!

Уж не знаю, чем руководствовался время от времени оглядывавшийся Мстислав, но когда у меня уже не осталось сил, он развернулся и, вскинув автомат, заорал:

– Ложись!

Не раздумывая, я плюхнулся в грязь и закрыл голову руками.

Заряд подствольного гранатомета угодил в сгрудившихся големов и разметал ледяные осколки по сторонам. Разлетевшиеся обломки проредили росшие у домов кусты и мелким крошевом срикошетили от стен.

Три припозднившихся и оттого избежавших взрыва ледяных создания бросились к нам, но Доминик перехватил пистолет двумя руками и открыл стрельбу. Уж не знаю, какими пулями была заряжена «Гюрза», только головы ледяных болванов разлетались вдребезги с первого же попадания. Всего Доминику пришлось сделать пять выстрелов. Очень неплохой, на мой взгляд, результат.

– Это еще кто такие? – Я подошел к быстро истаивавшим ледяным обломкам, от большинства которых к этому времени остались лишь пятна замороженной грязи.

– Не знаю и знать не желаю. – Доминик убрал пистолет в кобуру. – Возвращаемся до почты и идем другой дорогой.

Так и сделали. Точнее, так и побежали. Вскоре меня уже

просто-напросто шатало от усталости, но остановиться и перевести дыхание не было никакой возможности: ждать меня никто не собирался. К счастью, сектанты оказались не дву-жильными и после того, как развалины Рудного остались позади, перешли на шаг. На шаг, впрочем, весьма быстрый. Но к чему к чему, а к ходьбе на длинные дистанции мне было не привыкать, и когда впереди показались многоэтажки нового города, я вполне восстановил сбившееся дыхание.

Дорога на Форт по широкой дуге огибала серые махины девятиэтажек, но Олег, сойдя с тракта, повел нас напрямик. Не понял. Чего им в этих развалинах понадобилось? То от каждой тени шарахались, то сами черт знает куда полезли.

Вокруг выросли угрюмые высотные здания и по спине побежали мурашки. Казалось, из-за каждого угла на тебя уже нацелен ствол, а там, откуда не целятся, притаилась схоронившаяся от солнечных лучей тварь. Этот застроенный девятиэтажными скворечниками район оказался слишком далеко от центра города, и обнести его возводимой вокруг Форта стеной не было никакой возможности. С другой стороны, и территориальная удаленность, и технические сложности, непременно возникающие при разборе многоэтажных зданий, ни у кого не вызвали особого желания пустить бесхозные строительные материалы в дело. Повыламывали что могли, да и бросили остальное медленно разрушаться под воздействием непогоды. И все же, за каким лядом мы сюда притащились?

Все оказалось очень просто: скрывшись минут на двадцать в угловом подъезде одного из домов, Доминик и Мстислав появились обратно в совершенно новом обличье. Грязные серо-зеленые камуфляжные штаны и куртки сменились безразмерными балахонами «Несущих свет». Черным у Доминика, серым у Мстислава. Хорошо им, мы вот с Олегом как две чушки. Я так и вообще в грязи по уши.

А тайник у сектантов должен быть серьезный: не знаю, как насчет пистолетов, а автомат точно в схроне остался. Так что теперь среди нас единственным вооруженным человеком был Олег со своей двустволкой. Вот это как раз вполне объяснимо: на охотничье ружье оформить документы куда проще, чем на автомат с подствольным гранатометом.

Ох, непростые сектанты люди, совсем не простые. Дело даже не столько в специфичном вооружении, сколько в умении с ним обращаться. Что ни говори, на обычных боевиков второразрядной секты они походили мало. Вот в этом-то все и дело. Кто такие «Несущие свет» на самом деле? Откуда снаряжение и выучка? Почему с ними ведет дела Ян Карлович? Сплошные вопросы...

Я постарался припомнить все, что знал об этой секте, но в памяти всплывали только невнятные вопли на уличных проповедях об искуплении грехов, притаившемся на севере зле и неотвратимо приближающейся последней битве света с тьмой, добра со злом, а тепла со стужей. Обычный набор клише, не более. Неужели это простая ширма? А если так,

то ширма для чего? На кого работают сектанты? На Город или Северореченск? Или у них собственные цели? Думаю, скоро все прояснится.

В Форт мы прошли через юго-восточные ворота. Причем Доминика, Мстислава и меня пропустили вообще без какой-либо проверки. Даже фамилии по компьютерной базе не пробили. Уважают здесь сектантов, сразу видно.

У Олега проверили документы на ружье. Как я и предполагал, с ними оказался полный порядок и, пройдя через пропускной пункт, он отправился сдавать его в арсенал. У Доминика с Мстиславом ничего запрещенного при себе не оказалось и, не дожидаясь проводника, мы отправились в резиденцию секты.

Дорога много времени не заняла: пришлось пройти с проспекта Терешковой на Южный бульвар и почти сразу же свернуть во дворы. Уже через квартал мы оказались у трехэтажного особняка, обнесенного высоким бетонным забором. Стоявшее на перекрестке здание раньше, скорее всего, принадлежало какому-то государственному учреждению, но теперь об этом напоминал только прямоугольник на фасаде, оставшийся от оторванной таблички.

Кучковавшиеся на противоположной стороне перекрестка молодые парни, заметив нас, быстренько удалились в ближайшую подворотню.

– Дилеры, дурью банчат, – заметив мой вопросительный взгляд, объяснил Мстислав.

– А чего убежали? – ничем не выдал я своего удивления, услышав столь не вязавшееся с внешним обликом сектанта жаргонное выражение.

– Наша церковь не одобряет употребления наркотиков, – заметил, перебирая четки, Доминик.

– Гоняем, – куда более понятно объяснил Мстислав. – Вот ведь люди, места другого найти не могли?

Доминик несколько раз стукнул в обшитую железными полосами дверь специально для этого закрепленным на ней молоточком. Открыли почти мгновенно. Ждали?

– Без происшествий, – отступив в сторону, отчитался закутанный в коричневый балахон привратник и привычным движением поправил выпирающую на уровне пояса выпуклость.

Что у него там – ствол, колдовской жезл или простая дубинка? Ха, а балахоны-то у всех одного фасона. Если не знаешь, какой цвет что означает – в иерархию не въедешь.

– Хорошо, – кивнул Мстислав и через внутренний дворик пошел к дому.

– Отец Доминик! – Откуда-то сбоку выскочил совсем молодой парень и затараторил: – На следующем заседании Городского совета...

– Не сейчас, – раздраженно оборвал его Доминик. – Распорядись насчет помывки и чистой одежды для нашего гостя. Потом проводи ко мне в кабинет.

Доминик и Мстислав поднялись в дом. Парень скептиче-

ски меня оглядел, но послушаться распоряжения не решился и молча указал на одноэтажный пристрой, из двух труб на крыше которого шел дым.

Не спеша следуя за ним, я внимательно осматривал двор и особняк. Такое впечатление, что здесь уже давно готовятся к осаде. Или, по крайней мере, серьезно прорабатывают этот вопрос. Окна на первом и втором этажах заложены до узких бойниц. По всему забору с внутренней стороны тянутся сваренные из железных прутьев лестницы и переходы, с которых можно вести огонь по нападавшим на особняк злоумышленникам. Да и в живой силе у сектантов недостатка, по-видимому, тоже нет. На всех стратегически важных точках торчали караульные. Огнестрельного оружия я ни у кого не заметил, но арбалеты и тонкие жезлы дыроколов были у всех.

В помывочной оказалось холодно. Провожатый указал на стоящий у стены шкаф, разделенный на одинаковые квадраты ячеек, и произнес:

– Одежду сейчас принесут, свою здесь оставь.

Ой-ой-ой, какие мы деловые. И чего надулся? Можно подумать, мне его пайка воды достанется. Или так оно и есть?

Дождавшись, пока невыразительно-серые работники на-таскают в деревянную бадью горячей воды, я быстренько поскидал грязную одежду прямо на кафель пола, залез в воду и начал усиленно отмываться. А мыло чуть ли не хозяйственное дали. Скряги... Вода моментально стала черной и,

к моему сожалению, успела остыть раньше, чем мне удалось привести себя в порядок. Хорошо хоть голову мыть не надо, протер ладонью и все. Нет, ты посмотри, какой я чистюля стал – через день моюсь.

Пока мылся, принесли новую одежду: широкие шаровары, свободного покроя рубаху и тряпичные тапки. Насухо вытершись пушистым полотенцем, я оделся и, дрожа от холода, рассовал по карманам шаровар мелочевку. Совсем ни к чему оставлять вещи в куртке. Мало ли кто по ней шарить будет. Тем более у меня и документы все здесь.

Я уже подхватил саблю и собирался выходить, когда запахнулась дверь и внутрь зашел Олег.

– Закрывай быстрее – выстудишь, – посоветовал ему я.

– Брр... – поежился он. – Свежо здесь.

– Свежо?! – возмутился я. – Да здесь дубак конкретный стоит!

– Ну уж не холодней, чем на улице. – Олег начал раздеваться и аккуратно складывать одежду в ячейку. – Тебя там Алексей уже заждался.

Алексей? Этот мой чем-то недовольный провожатый, что ли? Ладно, пойду, пока он язву себе не нажил.

Скорчивший кислую мину парень провел меня внутрь дома через черный ход и указал на неприметную дверь на первом этаже. Вместо Доминика там меня дожидался Мстислав, который успел сменить свой балахон на фланелевую рубашку в черно-зеленую клетку и синие спортивные штаны. Из-

под незаправленной рубахи выпирала пистолетная кобура.

– Доминик где? – спросил я, подтянув спадающие с пояса штаны.

– Отец Доминик, – то ли в шутку, то ли всерьез поправил меня Мстислав. – Пошли.

Ну мы и пошли. Сначала поднялись на второй этаж, отметились у скучавшего за конторским столом сектанта, потом прошли на третий и долго бродили по темным коридорам. Я старательно запоминал дорогу, но слишком уж запутанной была внутренняя планировка дома. Совсем не уверен, что с первого раза обратно выйти смогу.

Навстречу никто не попадался, хотя и было видно, что дом не заброшен. Везде царил почти идеальная чистота, будто все буквально минуту назад подмели и протерли.

Доминик ждал нас в скупом обставленном кабинете на третьем этаже. Он тоже успел переодеться и сейчас, кутаясь в длинный желтый халат с китайскими дракончиками, стоял у выходившего во внутренний двор окна. На одной стене комнаты висели карты Форта и Приграничья, на второй ковер с коллекцией кинжалов, сабель и шпаг. В углу, рядом с массивным креслом стояли торшер и невысокий журнальный столик.

– Присаживайтесь, – развернулся к нам Доминик, подошел к стоявшему посреди комнаты столу и выдвинул из-под него стул.

Мстислав скромничать не стал и, развалившись в крес-

ле, начал листать лежавшую на полированном подлокотнике книгу. Я решил не наглеть – да и не было больше кресел – и уселся на стул напротив Доминика. Между нами сантиметров в десяти от поверхности стола завис небольшой хрустальный шар, в глубине которого время от времени вспыхивали зеленоватые искорки. Шарик на дивайс для ясновидения походил мало, света почти не давал, и было не совсем понятно, для чего он здесь вообще болтается.

– Думаю, тебе интересно, какое у нас к тебе дело? – начал Доминик, поняв, что первым приступить к расспросам я не собираюсь. А зачем? Раз уж столько ждал, несколько минут ничего не решат. Это сектанты во мне заинтересованы, а не наоборот. Вроде...

– Не то слово, – сцепил я пальцы. Ну давай же, колись. Не тяни кота за... хвост.

– Все началось немногим больше полугода назад... – Проповедник оторвался от стряхивания невидимой пылинки с рукава халата и в упор посмотрел на меня.

Я отвернулся и начал рассматривать развешенные на стене клинки.

– А закончилось чуть меньше. – Доминик замолчал и задумался, подбирая слова. – И, как многие истории, эта началась с того, что один бродяга не в добрый час забрался туда, куда ему забираться совершенно не следовало. И взял там то, что брать не стоило. Ты понимаешь, о чем я?

– Поконкретней, если можно.

– Потом этот бродяга, некто Эльдар Ратаев, вернулся в Форт, – не обратил никакого внимания на мое пожелание Доминик, – где и загнулся от стылой лихоманки. Ну да дуракам туда и дорога. Только история на этом не заканчивается – свою находку перед смертью он успел продать. И вот тут все пошло наперекосяк. Купивший у него нож – да, разве я не говорил, что это был нож? – молодой человек непонятно почему умирать от стылой лихоманки не стал...

– Какое отношение к этому имеете вы? – не выдержал я.

– Никакого, абсолютно никакого, – глядя мне в глаза, заявил сектант. – Куда потом девался этот нож, всем заинтересованным сторонам прекрасно известно, и разговор вовсе не о нем, а об этом удивительном молодом человеке...

– Что такое этот нож? – вновь перебил я Доминика.

– Не знаю, – без малейшей заминки ответил он.

– Думаю, вы слишком хорошо ориентируетесь в этой истории, чтобы не знать, – не поверил ему я.

– Когда в озеро что-нибудь кидают, по кругам сложно определить, какой предмет ушел на дно. Это может быть и камень... – Доминик замолчал, подбирая альтернативу.

– И граната, – подсказал Мстислав.

– Именно. И граната. Но мы ведь уже оговорились, что разговор не о ноже, а о его... владельце. Этот самый владелец мог бесславно сгинуть на Севере, но на его счастье повстречался с одним старичком-кудесником.

– Встреча с Жаном была не случайна, – пристально глядя

на Доминика произнес я.

– Все в этом мире в той или иной степени не случайно, – ничуть не удивившись моей догадке, пожал плечами проповедник. – Старичок решил, что некий молодой человек может быть нам интересен, именно поэтому ты здесь.

– Как он смог сообщить вам про меня? – Ничего не понимаю, не мог ведь он после того взрыва выжить! И в Лудине ни с кем Жан не общался, весточку передать времени не было. Темнят что-то сектанты. Неужели с самого начала меня пасли?

– Есть много способов известить своих друзей об удивительной встрече. – Доминик показал мне половинку яшмовой сферы-портала, лишь цветом слегка отличавшуюся от той, что была у Жана, и спрятал ее в карман халата. – Не так ли? Кстати, мы так и не смогли выяснить, что случилось с Жаном...

– Убили его, – ответил я чистую правду. А что сфера еще и передатчиком-автоответчиком может быть, это мне в голову раньше не приходило. Ох, что-то меня совсем запутали...

– Егеря?

– Рейнджеры.

– Вот оно как, – нахмурился Доминик. – А его вещи?

– Сгорело все. – Я толкнул зависший в воздухе шарик, он отплыл в сторону, замер и медленно вернулся обратно.

– Уверен? – отложил на подлокотник кресла книгу Мстислав.

– Да, – не задумываясь ответил я и едва сдержался, чтобы не поправиться: сумка-то его под завалом осталась. Рейнджерам всяко разбирать завал в голову не пришло. Но сектантам знать об этом вовсе не обязательно. Слишком они нервно на это известие отреагировали. Так кто им на самом деле нужен: я или Жан, точнее его вещи?

– Плохо, – взял в себя в руки Доминик и как бы невзначай заметил: – За его бумаги мы бы очень хорошо заплатили.

– Сколько? – Нельзя сказать, что предложение Доминика меня совсем не заинтересовало. За хорошие деньги можно и в завале порыться.

– До конца жизни хватит, – вновь раскрыл книгу Мстислав, а Доминик, почувствовав мой интерес, едва заметно напрягся.

– Если оплате сопутствует выстрел в затылок – это сущие копейки, – отшутился я. Мне бы хотелось услышать конкретные цифры, но показывать свой интерес сектантам не стоит. Все же я у них в гостях...

– Можешь показать, где его убили? – поднявшись из-за стола, подошел к карте Доминик.

– Здесь, на южном склоне, – я нашел на карте точку Лысой горы и ткнул в нее пальцем. – Там сруб стоял, можете съездить пепел просеять.

– А мы теперь невыездные, – усмехнулся Мстислав. – Жан несколько переоценил свои...

– Хватит уже, – немедленно оборвал его Доминик, слов-

но этот разговор затевался не в первый раз и уж точно не был предназначен для посторонних ушей. – Мы несколько отвлеклись...

– Отвлеклись от чего? – вновь вернулся за стол я. Очень эти обмолвки сектантов меня заинтересовали. А если прибавить к ним их утренние опасения по поводу егерей... Занятная картина получается. Можно предположить, что Жан что-то спер в Городе, но при этом засветился не только сам, но и засветил секту. Но почему тогда он не воспользовался порталом, чтобы сбросить преследователей с хвоста, а вместо этого отправился пешим ходом на Север? Почему не спрятал те самые интересующие Доминика бумаги в тайнике с маяком? Не доверял своим товарищам по секте? Непонятно...

– Отвлеклись от того, почему ты можешь быть нам полезен.

– А с чего вы решили, что я могу быть вам полезен? На мнение Жана полагаетесь?

– Дарован мне дар прозревать будущее и видеть сокровенное в душах людских... – Слова Доминика звучали бы куда внушительней, будь он в своем обычном черном балахоне и убери из голоса сарказм.

– Ну... я рад за вас, – пришлось перебить сектанта мне, чтобы избежать совершенно ненужного промывания мозгов. – И как оно там... в будущем?

Мстислав хрюкнул, подавившись смешком.

– Смутно, – уже на полном серьезе заявил Доминик, – но

и теней грядущего хватило, чтобы твои потенциальные способности весьма нас заинтересовали.

– Какие именно?

– Высокая сопротивляемость пониженным температурам и резким перепадам магической энергии.

– Э-э-э... – только и смог выдавить я. – Вы это про меня?

– Про тебя, не сомневайся.

– И что из этого? – Я решил принять слова сектанта на веру. В самом деле, полгода в сугробе пролежать не всякий сможет. Да и Гадес уж больно удивлен был...

– Отец Доминик хочет сказать, что из тебя вполне может получиться кондуктор, – невозмутимо заявил Мстислав.

Доминик осекся и, готов поклясться, с трудом удержал ругательства.

– Тебя кто за язык тянул? – уставился проповедник на развалившегося в кресле помощника. Тот в ответ сделал такое невинное выражение лица, что срезу стало ясно: получать выволочки за длинный язык ему не впервой.

– Да ты бы еще часа три ему мозги пудрил, а я уже есть хочу.

– Кто такие кондукторы? – не понял я, о чем речь.

– Объясняй теперь. – Разозлившийся – или только сделал вид? – Доминик забрал у Мстислава книгу и положил ее на подоконник.

– Кондукторы – это такие прошаренные ребята, которые могут мотаться на ту сторону и обратно. – Мстислав не вста-

вая потянулся за книгой, но проповедник переложил ее подальше.

– И переводят людей? – припомнились мне старые рассказы.

– Они не проводники. А доверчивых простаков душегубы на тот свет переводят. – Мстислав встал и подошел к карте Приграничья. – Кондукторы никого взять с собой не могут. Обык... обычно они тащат мелочевку всякую. Патроны, консервы, курево.

– А почему про них никто не знает?

– Как не знают? Знают. Да только эти сукины дети шифруются почище Джеймса Бонда. Мы и то только на двух выйти сумели.

– Зачем третий понадобился? – Что-то в этом рассказе меня смущало.

– Одному не так давно в «Кишке» голову проломили, второй с той стороны не вернулся. – Мстислав тяжело вздохнул. – Очень уж это не вовремя. Нам весточку на ту сторону край передать надо.

– А других они переходить через Границу научить не могли?

– Почему не могли? Могли... Только в этом деле кроме знаний еще и от обучаемого человека многое зависит. Точнее, от некоторых специфических особенностей его внутренней энергетики, – вновь подключился к разговору Доминик.

– Каких особенностей?

– Ты, когда через Границу в Город или на Север переходил, холод чувствовал?

– Ну да, промораживает всего до костей. И что?

– А то, что на ту сторону перейти куда сложнее. И те, кого учили кондукторы, так и лежат на внешней Границе замороженными тушками. – Доминик сел в освободившееся кресло.

– Подождите, подождите. А как же сюда люди попадают? Если кто и замерз, так уже здесь, а не по пути.

– Сюда – это другой случай. Сюда люди попадают в соответствии с природой Приграничья. Дыры в пространстве, окна, аномальные зоны...

– Хорошо, – задумался я. Все это замечательно, но как-то нет желания загнуться на полпути. – И все же про какие особенности речь?

– Не стоит казаться глупее, чем ты есть на самом деле, – усмехнулся Доминик. – Нам нужен человек, который не замерзнет при переходе внешней Границы и у которого не закипит кровь от резких скачков напряжения полей магической энергии.

– При чем тут я?

– Ты знаешь кого-нибудь другого, кто переболел стылой лихоманкой и остался жив? Лечение «драконьим огнем» тоже дорогого стоит. По всем косвенным признакам – ты нам подойдешь.

– Вот именно, что по косвенным, – попытался я сформулировать не дающую мне покоя мысль. – Допустим, я действительно смогу перейти Границу, допустим. Вы рассчитываете, что я буду мотаться для вас туда-сюда?

– Нет, – мрачно усмехнулся Доминик. – Наша вера в людей настолько не распространяется. Но вот передать туда весточку...

– За соответствующее вознаграждение, разумеется, – добавил Мстислав. – Оплата по факту доставки.

– И мы прямо сейчас передадим тебе инструкции нашего кондуктора, – закинул удочку Доминик. – Что-то мне подсказывает – тебе не терпится отсюда выбраться...

– Где подписываться кровью? – не стал больше я торговаться.

– К чему эти формальности? – Доминик повернулся к помощнику. – Номер с собой?

– Да. – Мстислав открыл не замеченную мной раньше дверцу вмонтированного в стену сейфа и достал оттуда исписанные черными чернилами листы бумаги.

– Это что? – спросил я, принимая их у него из рук.

– Записи нашего кондуктора, а это задаток. – Мстислав сунул мне серебряную монету и вытащил из кармана рубашки коробок спичек.

– Договорились. – Я недоуменно повертел коробок в руках и протянул его обратно, но меня остановил Доминик.

– Позвонишь по номеру, записанному внутри. Скажешь,

что от отца Доминика, – объяснил он. – И будь любезен – прочитай номер вслух прямо сейчас.

– Зачем? Ничего с вашим коробком не случится.

– Тебе сложно?

– Нет, но...

– Прочитай...

– Хорошо, – вздохнув, сдался я. Высыпал себе на ладонь спички из коробка и прочитал десять цифр. Три – код города, еще семь сам номер. – Что конкретно мне надо передать?

– Скажи – у нас все хорошо, но последняя посылка не дошла, и товар стух, – сразу успокоился проповедник. – Задачок ты получил, об окончательной оплате сам договоришься, не маленький. Вопросы?

– На кого вы работаете? – Я собрал спички обратно в коробок.

– Не на кого, а во имя чего, – слишком искренне для правдивого ответа улыбнулся мне Мстислав. – Мы работаем во благо всего человечества.

– Да ну? И кто решает, что для человечества благо? ФСБ, ГРУ, СВР?

– Бери выше, – уже откровенно развеселился Мстислав, – Ватикан.

– Идите вы, – понятное дело, не поверил ему я.

– И ты давай уже – иди, – распорядился Доминик. – Мстислав, проводи. Когда пообедаешь, найди Олега и зайдите оба.

– Пошли, – сразу заторопился проголодавшийся сектант.

– Мстислав, а если Жан вам документы нес, зачем он на Север пошел? – спускаясь по лестнице, спросил, я.

– Следы путал, – буркнул Мстислав и сдал меня с рук на руки Алексею, который вернул мою уже почищенную одежду.

Следы путал? Как-то не очень в это верится. Белыми нитками шито. Темнят сектанты, ох темнят.

Быстро переодевшись, я свернул листы с записями, сунул их в карман куртки и подошел к висевшему на стене зеркалу. Ну и рожа у тебя, Шарапов! Нет, благодаря усилиям Доминика все выглядело вполне пристойно, но припухшая физиономия не оставляла сомнений в том, что ее обладатель пьянствовал никак не меньше недели кряду. Да еще левую половину лица от выбитого зуба болью дергает. Надо с ним что-то делать, а то как бы десна не загноилась.

Подгоняемый Алексеем, я вышел на улицу и, отойдя от ворот, немного замедлил шаг. И куда теперь? Деньги есть, но с ночевкой проблемы надо решать сейчас, а не под вечер, когда уже поздно будет. Снять комнату? Как вариант... Только лучше сначала найду Гамлета – у него знакомых полно, глядишь, чего-нибудь и посоветует.

В лицо задул холодный ветер, и злосчастный зуб заколол ввинчивавшейся в челюсть болью. Ноет-то как! Так и убил бы тех уродов второй раз. А то и третий... Нет, первым делом надо собственным здоровьем заняться. Но опять возникает вопрос: куда податься? В городскую клинику идти да-

леко, Салават с Торгового угла на зубах не специализируется. В зубодерню при Патруле не пойду, даже если мне за это приплатят. Стоп, я же позавчера вывеску стоматологического салона на Красном видел. Вот туда и двину. Денег хватит: сектанты четвертак серебряный сунули, да и с трупов какие-никакие деньги смародерствовал. Да, кстати, надо будет одежду на наличие сюрпризов проверить, а то мало ли чего подсунуть могли.

Напрямик идти не рискнул – в этих дворах и заблудиться недолго – и сначала пошел к Южному бульвару. Крюк не такой уж и большой выйдет, зато дорога знакомая.

Да, хорошо на улице, не то что зимой. И народу куда больше.

Хлопец с кавалерийской шашкой на боку настороженно озирался по сторонам, пока его напарник таскал из телеги в продуктовый магазин какие-то коробки. Длинное топориче засунутого за пояс топора било того по ногам, но парень не обращал на это внимания и торопился быстрее закончить работу. Две теткы, поглядывая на парней, курили на крыльце магазина и о чем-то трепались. Из расположенной по соседству стекольной лавки взмыленный резчик вытаскивал мешок за мешком бой и обрезки.

Странно, может, раньше просто не обращал внимания, но личностей с затуманенными глазами на улице явно прибавилось. Это все наркотой обдолбанные или просто маргиналы с наступлением тепла из подвалов вылезли? Блин, и что тогда

ночью на улицах творится?

Но и при белом свете на оживленной улице творилось черт знает что. Выломанная дверь антикварного магазина «Раритет» валялась метрах в пяти от входа, а молчаливые служащие городского крематория грузили на телегу трупы. Трех мертвецов они уже закинули в труповозку, а четвертого собирали в черный мешок буквально по кускам. Пятый плавал в канаве и дымился. Три пожилых китайца, с трудом сохраняя невозмутимый вид, о чем-то очень вежливо разговаривали с младшим командиром Дружины. Два рядовых автоматчика нервно поглядывали то на обугленный труп, то на оплавленный бетонный бордюр рядом с ним.

От запаха паленой человечины меня замутило, и я постарался побыстрее отойти подальше, даже не выясняя, что здесь произошло. Меня это не касается, и ладно.

Уже позабытое чувство опасности кольнуло, когда я свернул на Красный проспект и отошел от перекрестка метров на сто. Не задумываясь, шагнул вбок, развернулся и... и пущенная откуда-то с крыш стрела прошла рядом с головой. Стальной наконечник лязгнул о бетон фонарного столба, и древко разлетелось на длинные щепки.

Откуда стреляли?!

Ничего подозрительного не видно, но самое подходящее место – хрущевка на противоположной стороне проспекта. Один из прохожих остановился и, указывая рукой на верхние этажи пятиэтажки, заорал что-то матерное.

Не слушая его, я перекатился через капот ржавевшей на тротуаре «Волги». Вторая стрела, оставив длинную вмятину на крыше, срикошетила в сторону – лучник опоздал: меня уже прикрыл остов автомобиля. Вдалеке пронзительно завещал свисток, по проспекту промчался конный дружинник.

Решив, что опасность миновала, я осторожно выглянул из-за автомобиля. Несколько человек, оживленно жестикулируя, что-то объясняли проскакавшему мимо меня дружиннику, а к хрущевке уже спешили два автоматчика – те самые, которые стояли у «Раритета». Толку-то. Если лучник не полный идиот, ничего они там не найдут.

А ведь меня опять хотели убить. Сейчас-то за что? Кому помешать мог? Или это Гиоргадзе о судьбе племянников узнал? Нет, тогда бы меня в открытую через мясорубку пропустили. Получается, что-то из прошлого всплыло? Там много всего осталось: валькирии, Семера...

Задумавшись, я слишком медленно отряхивал джинсы и не успел убраться до того, как дружинники заинтересовались моей личностью. Дебил, надо было не фигней страдать, а ноги делать.

– Дружина, старшина Лыков. – Представившийся крепкого сложения дружинник в серой милицейской кепке и кожаной куртке с четырьмя треугольниками на нашивках забрал у запыхавшегося рядового обломок первой стрелы. Длинный наконечник от попадания в столб даже не загнулся. – В тебя стреляли?

– Да вроде... – постаравшись выглядеть как можно более растерянным, начал оглядываться по сторонам я. – Иду, никого не трогаю, а тут...

– Знаешь, кто тебя убить хотел? – оборвал мое блеянье старшина.

– Хотели бы убить – убили, – предположил я.

– Так это что, типа, шутка такая была? – начал злиться дружинник.

– Я-то откуда знаю? Я ж говорю – иду домой...

– Вот и иди дальше, – послал меня старшина, поняв, что ничего конкретного не дождется. – Или заявление напишешь?

– Я и писать-то не умею, – перестал я тереть колени, убедившись, что полностью отчистить их от грязи не получится. – Так я пойду?

– Иди, – разрешил дружинник, но стрелу выкидывать не стал и прищурившись уставился на меня.

Ну, я и пошел. Меня два раза просить не надо. И все же – кто стрелял? Реши со мной поквитаться Семера – стрелой бы я не отделался. В лучшем случае – пику в бок, в худшем... Про худший вариант даже думать неохота. Неужели Лига? Хреново. Эти не отступятся. В своем районе не подловят – по-простому, как зайца, подстрелят.

От нервного перенапряжения боль в челюсти стала просто невыносимой и начала стрелять к левому глазу. Так и от болевого шока сдохнуть недолго!

Прищурив левый глаз – стало немного легче, – я почти побежал по тротуару, уже не заботясь о чистоте ботинок и джинсов. Дорожная грязь и пыль, переливающиеся на солнце бензиновыми пятнами лужи, конские яблоки... Что-то мне удавалось миновать, что-то оставляло свои отметины на и без того уже грязных башмаках.

Поднявшийся ветер несколькими резкими порывами поднял в воздух валявшийся на земле мусор. Пластиковые пакеты, газетные листы, обрывки картона, сигаретные пачки и простая пыль закрутились серым вихрем и унеслись к соседнему дому.

Ладонью прикрыв глаза от пыли, я подошел к зданию с вывеской стоматологического салона «Граф Д.» и поднялся на второй этаж по лестнице, сваренной из выкрашенных белой эмалью железных труб. На двери помимо названия салона висела табличка с летучей мышью. Забавно: мышь отличалась от изображаемой на груди у Бэтмена только наличием двух длинных белых клыков.

Распахнув дверь – над головой звякнул колокольчик, – зашел внутрь. Вдоль стены выстроился ряд пуфиков для посетителей с полопавшейся обтяжкой из кожзаменителя. На полу керамическая плитка, на стенах и потолке пластиковые панели. За стойкой администратора сидел молодой врач в белом халате и листал журнал. Кроме меня, посетителей не было.

– Пломба выпала? – оторвался от журнала врач и открыл

общую тетрадь.

– Нет. – Я здорово удивился вопросу. На психа этот светловолосый парень с пшеничного цвета усами походил мало. – А должна?

– Да просто вал какой-то, – бросил тетрадь обратно на стопку журналов стоматолог. – В самогон, что ли, какую гадость добавили? Или в грунтовые воды что просочилось? Через раз крошатся. У вас что?

Я подошел к стойке:

– Зуб выбили.

– Дело серьезное, рентген делать надо. – Рукава белого халата пестрели застиранными пятнами крови.

– Чё?

– Посмотреть, говорю, надо. – Парень вышел из-за стойки, открыл одну из дверей с матовым стеклом и крикнул. – Лариса Михайловна! Подежурьте, я пациента осматрю.

– Иду!

– Разувайтесь. Верхнюю... – врач выразительно покосился на мою саблю, – одежду можно здесь оставить.

Расшнуровав ботинки и скинув на один из пуфиков куртку, я прошел за ним в операционную и уселся в стоматологическое кресло. Парень опустил спинку и щелчком ногтя заставил вспыхнуть закрепленный вместо лампочки чародейский светильник, внутри которого забурлила желтая жидкость. В лицо ударил ослепительный луч света, я прикрыл глаза и, не дожидаясь команды, открыл рот.

– А вот глаза зря закрыли, – лязгнув чем-то железным, заявил стоматолог. – Мне ж надо как-то ориентироваться, в сознании пациент или уже нет.

Открыв глаза, я увидел, что парень успел натянуть тонкие резиновые перчатки и склонился ко мне с блестящей металлической палочкой в одной руке и толстой лупой, внутри стекла которой спиралью сворачивалась металлическая нить, в другой.

– Рот шире, – повернув светильник немного под другим углом, распорядился стоматолог. – Не видно ничего.

– Не могу, – промычал я. – Не открывается шире.

– И как я работать должен? А если так... – холодный металл коснулся десны, и я чуть не подпрыгнул. – Ага, понятно...

Врач кинул палочку в ванночку из нержавеющей стали, убрал линзу в футляр и осторожно оттянул мою нижнюю губу:

– Странно. Губу всяко порвать должно было.

– Да меня подлечили уже чуть-чуть, – объяснил я. – С зубом что?

– Ничего хорошего. Зуб расколот, осколок в десне. Резать надо. И резать, не откладывая дело в долгий ящик – пока нагноение не началось.

– Резать – это понятно, а дальше что? – Ходить с дырой вместо зуба мне вовсе не улыбалось.

– Коронку поставить можно, но тогда соседние подпилить

придется.

– А если нарастить?

– Что нарастить? Там от зуба только корень остался.

– Вот его и нарастить.

– Да, в принципе, почему бы и нет? Вопрос в платежеспособности пациента, – надолго задумавшись, ответил врач.

– И какой должна быть платежеспособность в моем случае? – Я начал прикидывать, сколько денег смогу наскрести.

– Так, ну это по базовым... – Стоматолог начал, черкая в тетради карандашом, что-то подсчитывать. – Извлечение кости, местная анестезия, золоченый штырь, материалы, наращивание... Надбавка за срочность. Ага. Скидка десять процентов. Итого пятьдесят пять сорок.

– Сколько?! – ошарашенно переспросил я.

– Пятьдесят пять рублей сорок копеек золотом, – парень спрятал листок с расчетом в нагрудный карман халата. – Могу прайсы показать, если мне не верите.

– Да я сам столько таких прайсов нарисую... – возмутился я. – И что это за надбавка за срочность? Я никуда не тороплюсь, кто в очереди передо мной записан – пропущу.

– К нам, между прочим, за три дня записываются.

– Да я все понимаю, пусть подходят – вперед них не полезу. Только я вижу, что кто-то из записанных прийти не смог и у вас окно образовалось, – обвел я рукой пустое помещение. – И о какой срочности речь?

– Хорошо, срочность убираем, – не очень расстроившись,

согласился врач. – С вас пятьдесят тридцать шесть.

– Уже лучше, – я попытался улыбнуться, но только скривился от боли. – Теперь насчет анестезии...

– Анестезия местная и по минимуму, но без нее лучше сразу в крематорий, – даже не стал слушать меня стоматолог.

– Без вариантов? – уточнил я, пересчитывая наличность – денег катастрофически не хватало.

– Если только заменить на настойку почек бархатника, – парень почесал висок карандашом. – На пол-империала дешевле – это уже со скидкой, – но челюсть часа четыре воротаться не будет.

– Семь пятьдесят, – повторил я. Итого сорок два рубля восемьдесят шесть копеек. Дорого. Вываленной из кошелька мелочи набралось рублей пятнадцать, плюс еще на десять рублей золотом потянет полученный от Мстислава серебряный четвертак царской чеканки. Всего, значит, двадцать пять рублей в наличии. – Империа́л никак ско́сить не получи́тся?

– Не могу – хозяин не поймет.

– А в кредит? Хотя бы до завтра?

– Не практикуем. Утром деньги – вечером стулья, – пожал плечами стоматолог. – Приходи завтра, за одну ночь ничего страшного не случится.

– Да, нехорошо получилось, – поднялся я с кресла. И что делать? Фиг с ней с дырой в зубах, но болит ведь, спасу нет. У кого денег занять? Опять-таки, займешь – отдавать придется.

ся. А отдавать не из чего. И жить на что-то надо. Про ночлег вообще молчу. Может, мне кто денег должен? Нет таких индивидуумов вроде. Хоть в карты иди играй. Играть? Оба-на! Мгновенно выстроившаяся цепочка: «игра в карты – ставки – тотализатор – Гонзо – выигрыш Макса» показалась идеальным решением проблемы. Я высыпал монеты в руку врача. – Вы начинайте приготовления, я минут через сорок вернусь.

Быстро обувшись и накинув куртку, я выскочил на улицу и побежал к Гонзо. Зазывала уличных лохотронщиков с вером вырезанных из картона лотерейных билетов проводил меня задумчивым взглядом, но приставать не решился. Ушлый...

До букмекерской конторы, благо, она была недалеко, я добежал, почти не запыхавшись. Окончательно приведя дыхание в норму, спрятал саблю под куртку так, чтобы ее не было видно. Порядок. Выгляжу вроде более-менее прилично.

Охранников внутри оказалось двое: один развалился на табуретке прямо напротив входа, второй наклонился к окошку приема ставок и о чем-то трепался с кассиршей. Не обращая внимания ни на них, ни на наклеенные на стены листы с результатами игр и рекламой, я спокойно пошел по коридору к кабинету букмекера.

– Ты куда? – очнувшись, крикнул мне в спину кто-то из охранников, но я уже распахнул оказавшуюся незапертой дверь и вошел внутрь. Полдела сделано.

– Прием ставок в кассе. – Мужчина с редкими кудрявы-

ми волосами уткнул длинный нос в спортивный журнал и на меня даже не посмотрел. Пустой стол и вытертый серый пиджак с засаленными рукавами довершал образ доматывающего последние минуты до конца рабочего дня работника какой-нибудь канцелярии. Ему б еще очки в толстой пластмассовой оправе... Но ни на зрение, ни на мозги Альберт Силантьев, за глаза просто Гонзо, пожаловаться не мог.

– Да тут у вас ставочка одна зависла, – остановился, не проходя в глубь кабинета, я.

Сзади открылась дверь, но выдергивать меня из кабинета охранник не решился.

– Все в порядке, – посмотрел куда-то мне за спину Гонзо. – Какая говорите, у вас проблема?

– С того года выигрыш получить не могу...

– Что конкретно мешает вам это сделать? – с раздражением бросил журнал на стол букмекер.

– Человек за меня ставку сделал на Арабова, – начал торопливо объяснять ситуацию я, – но он из рейда не вернулся. Да и у меня возможности за выигрышем прийти не было.

– Кто ставил? – почесал кончик носа Гонзо. Свои записи он поднимать не стал – ходили слухи, что вся бухгалтерия конторы дублировалась у него в голове. – Когда и на какой бой.

– Бой Араба с Магометовым за звание чемпиона, декабрь того года. Ставил... Макс, – запнулся я. А какая у него фамилия? Не помню. Она ж в таблице была! Дубов, Дубко... Ду-

бин! – Максим Дубин.

– Выигрыш выплачен, – ненадолго задумавшись, сообщил мне Гонзо. – Вадим, проводи молодого человека на выход.

– Как выплачен? Кому? – Я был настолько ошарашен, что даже не попытался сбросить с плеча руку охранника, который потянул меня из комнаты. Оно и к лучшему – второй охранник страховал Вадима у двери.

Дергаться бессмысленно: ребят Гонзо подобрал крепеньких, только лишний раз по зубам схлопочу. А у меня и на один зуб денег не хватает.

Немного отошел от шока я уже не улице, когда дверь конторы захлопнулась за спиной. Кто-то заграбастал мои деньги! Найду мерзавца... Стоп! А с чего я так запросто поверил Гонзо? Выигрыш выплачен! Вот так вот: раз и выплачен! Гонзо в карман.

Меня аж перекосило от злости. Развели как мальчика. Почему я вообще поверил ему на слово? Из-за двух амбалов? Или потому что он Семере долю отстегивает? Это что, дает ему право выкидывать меня на улицу, как помойного котенка? Ну, сука!

Подбежав к двери, я толчком распахнул ее и влетел внутрь. Как и десять минут назад, один охранник качался на табуретке, второй точил лясы с кассиршей. При моем появлении Вадим попытался вскочить на ноги, но пинок тяжелой подошвой швырнул его затылком о стену. Шаг вбок и выхваченная из-под куртки сабля, набрав скорость в зама-

хе по широкой дуге, врезалась эфесом в скулу болтуна. Он без единого звука рухнул на пол. Перепрыгнув через него, я оказался рядом с кабинетом Гонзо, дверь которого резко распахнулась.

– Что здесь?! – сорвавшись на визг, заорал букмекер, но, увидев меня, сразу сбавил тон: – Тебе проблемы с Семерой нужны?

Едва сдержавшись, я не стал хватать его за воротник и впечатывать мордой в стену, а просто покачал лезвием сабли у него перед лицом.

– Нехорошо выигрыш зажимать. – Я на время забил на слова про бандитов и рывкнул на поднявшегося на четвереньки Вадима. – А ну лежать!

Тот закашлялся и схватил валяющуюся на полу милицейскую дубинку.

– Лежать, я сказал. А то мигом твоему хозяину нос укорочу!

– Вадим, этот вопрос я сам улажу. – Гонзо поднялся на цыпочки, чтобы как можно дальше отодвинуться от кончика сабли.

Охранник послушно растянулся на полу.

– Умный мальчик, – оскалился я. – Будь добр, выкинь дубинку подальше и про револьвер не забудь. Нет, ты разряди его сначала, разряди...

– Он газовый, – заметив, как дернулась моя рука, подсказал букмекер.

– Тем более. Вот, молодец.

– Может, зайдем ко мне в кабинет и все спокойно обсудим? – придя к выводу, что перед ним вконец отмороженный тип, предложил Гонзо.

– Да мы и здесь можем все обсудить. Тем более вопрос плевый...

– Выигрыш я выплатил, – облизнул губы неотрывно следивший за кончиком сабли букмекер.

– Да не свисти! Макс из рейда не вернулся! Кому ты мог его выплатить? Кому, а?

– За выигрышем приходил некто Ветрицкий.

– Что?! – как-то сразу поверил ему я. – А ему-то с какой стати?

– А он первый пришел! И точно такую же историю рассказал! – заорал в ответ Гонзо.

– Что ж ты его не послал? Как меня, например?

– Связи у него в Дружине хорошие, вот и не послал. Люди знающие посоветовали.

– И что, прям все выплатил? – Деньги нужны, но опускаться до уровня простого гоп-стопа не дело. И так серьезные проблемы с крышей букмекера могут быть. Нажалуется Семере – бегай потом от них по всему Форту. Одно дело, когда свои кровные выбиваешь, и совсем другое, когда уважаемого человека на бабки опускаешь. – Я ведь узнаю...

– Половину, – вжался в стену, отодвигаясь от кончика сабли, букмекер.

– Понятно, – сразу повеселел я. А ведь мог бы насвистеть, что полностью рассчитался. Неужели я выгляжу настолько неуравновешенным человеком? Решил не связываться? Правильно, чего ему из-за этих копеек башкой рисковать? Полюбому ведь Семеру запряжет, чтобы деньги вернули. У меня-то связей в Дружине нет. Хрен с ним, проблемы надо решать по мере их возникновения. – Я человек разумный, поэтому весь выигрыш с тебя требовать не стану. Давай оставшуюся часть, а с Ветрицким я, так и быть, сам разберусь.

– Хорошо, хорошо... – бочком двинулся к кассе букмекер. – Света, отсчитай девяносто рублей.

Я покосился на сидевшего на полу Вадима, который прислонился спиной к стене и положил ладони на колени. Дубинка и револьвер далеко, если рвану к двери, дотянуться не успеет. На полу застонал зажавший окровавленное лицо охранник. Гонзо выгреб из выдвижного ящичка деньги и протянул мне. Не пересчитывая, я ссыпал монеты в карман и, стараясь держаться подальше от Вадима, отошел к двери поднять ножны.

– А могли бы и сразу договориться. – Присев, я заодно прихватил и резиновую дубинку, выскочил за дверь и вставил ее в дверную ручку. На ходу убирая саблю в ножны, спокойно зашел за угол дома и только тогда рванул во дворы. Несколько минут форы есть, но все же медлить не стоит: у букмекерской конторы черный ход наверняка имеется. Пробежал один двор, свернул, пробежал следующий. Снова

свернул и, уже не торопясь, вышел на узенькую улочку и пошел в сторону проспекта.

Что ж, деньги я раздобыл. А заодно обзавелся очередной головной болью – Семера из-за таких копеек землю рыть не будет, но если это сочтут неуважением... Надо будет переговорить с Денисом или Гамлетом, может, чего посоветуют. Я ж свои кровные у Гонзо забрал!

– Вы снова к нам? – удивилась сменившая за стойкой консультировавшего меня парня пожилая тетка.

– Проходи, – выглянул в дверь врач с матовой баночкой в руках.

Я прошел вслед за ним, отдал серебряный рубль царской чеканки и, дождавшись сдачи, устроился в стоматологическом кресле. Фу-у-у, хоть немного отдохну, а то совсем запарился. Из левого глаза к этому времени уже почти непрерывно текли слезы, а боль добралась от скулы до виска. Что ж так болит-то? В челюсти трещина или просто нерв дергает?

– Держи, – передал мне стакан с белой непрозрачной жидкостью стоматолог и набрал в одноразовый шприц из обернутого фольгой флакончика три точки неразбавленной настойки бархатника и полкуба дистиллированной воды.

– Это что еще? – Даже не пригнувшись, я уловил смутно знакомый неприятный запах.

– Кефир, – парень обмакнул кисточку в матовую баночку и что-то вывел у меня на левой щеке.

– Не, я это не пью. – Я протянул стакан обратно.

– Слизистую сжечь хочешь? Пей. – Парень достал из шкафчика с медицинскими препаратами небольшую бутылку с кристально-прозрачной жидкостью, отлил грамм тридцать в стеклянный стаканчик и капнул туда пять капель настойки бархатника. – Бархатник из организма без кефира трое суток выводится.

Я, давась, выпил кефир. С детства эту гадость ненавижу. С детского сада еще. Вытерев губы, взял стаканчик с медицинским спиртом и одним махом влил в себя ставшую бледно-коричневой жидкость. Тоже дрянь та еще. И ведь в голове даже не зашумело. Что пил спиртягу, что нет.

Стоматолог поставил мне в десну укол, и боль как рукой сняло. А вместе с ней пропала чувствительность, и левая половина лица превратилась в резиновую маску. Кое-как расслабившись в кресле, я наблюдал, как парень раскладывает и протирает проспиртованной ваточкой блестящие стальные крючочки, палочки, штыри и куда более странные приспособления. Потом он принялся смешивать в фарфоровых ванночках остро пахнущие смеси. Челюсть отвисла и, несмотря на приложенные усилия, закрыть ее не получилось, а шевелить руками жуть как не хотелось. Как бы мне так слюной не изойти.

Закончив с приготовлениями, стоматолог набил мне рот ватой и начал ковыряться в остатках выбитого зуба крючком, время от времени, примериваясь зловещего вида щипцами и скальпелем. А я сижу с открытым ртом как дурак и

ничего не чувствую. Оно, в общем-то, и к лучшему.

Пока меняли вату, я еле отплевался, а когда в ход пошли смеси и дощечки с целебными заклинаниями, забив на запрет, закрыл глаза и попытался расслабиться. Получилось не очень. Мешали затекшая челюсть и пробивавшиеся даже через наркоз короткие уколы лечебных чар.

Пришел в себя я оттого, что меня трясли за плечо. Вытолкав изо рта пропитавшуюся зеленой слюной вату, я первым делом провел языком по еще недавно расколотому зубу. Целехонек! Только кончик слишком острый – чуть язык не порезал. Ничего, еще затупится. К тому же в предложенное зеркальце клык смотрелся совсем как соседние натуральные зубы.

– Закуси, – сунул мне в зубы черную пленку стоматолог. – Нормально рот закрывается? Зуб не мешает?

– Нормально.

– Гарантия полгода, – стянул перчатки и кинул их в мойку парень.

– Спасибо, надеюсь, не понадобится, – прошамкал я: губы еще окончательно не отошли от наркоза и еле шевелились. Мысли в голове слегка плыли и как-то слишком уж резко обрывались при попытке сосредоточиться на чем-то конкретном.

Надев куртку и зашнуровав ботинки, я вышел на улицу и спустился по лестнице на тротуар. Прямо напротив стоматологического салона стояла припаркованная четырехдверная

«Нива» белого цвета с наглухо затонированными стеклами.

«Тоже зубы лечить приехали?» – лениво подумалось мне, и в этот момент задняя дверь распахнулась, а из автомобиля на меня уставился жезл «свинцовых ос».

Я так и замер. Приплыли. Начнут стрелять – мне кранты. С такого расстояния даже одноглазый криворукий нарк не промахнется. Неужели Семера так быстро отыскала?

– Чего встал-то? Залазь, – усмехнулся кто-то у меня за спиной. Я медленно повернул голову и увидел стоящего у стены парня в синей спортивной куртке, который держал меня на прицеле АКСУ. Усмешка чувствовалась, впрочем, только в голосе: глаза оставались совершенно серьезными и внимательно ловили каждое мое движение.

– А стоит ли? – не сдвинулся я с места, лихорадочно пытаюсь понять, кто это такие. Или Семера, или Дружина – никого другого, кто стал бы махать автоматами в Форте на виду у прохожих, на ум не приходило. Да и бандиты себя обычно скромнее ведут. Быстренько расстреливают и сквозняк делают. Но если это дружинники, то почему не в форме? А лицо-то у парнишки знакомое. Такого забыть сложно: бледно-рыжие веснушки усеивали щеки, острый, слегка задранный кверху нос ощутимо искривлялся влево. А вот где встречал, не помню.

– Шевелись, – нахмурился парень и, видимо по привычке, немного дернул головой, пытаюсь откинуть с лица волосы. Но сейчас необходимости в этом не было: длинные темные

лохмы перехватывала спортивная повязка.

Поколебавшись, я пришел к выводу, что дергаться бесполезно, и залез на заднее сиденье автомобиля. Высовывавшийся до этого с чародейским жезлом в руке из двери «Нивы» уголовного вида мужик отодвинулся и упер мне в бок наган.

Худое вытянутое лицо, коротко подстриженные волосы, все кисти в наколках. На вид лет сорок. Нет, этого не встречал раньше. Одно скажу – татуировки у него скорее армейские, а не тюремные.

Но тут сидевший на месте водителя парень развернулся к нам, и мне стало не до разглядывания татуировок. Чтоб тебя разорвало! Есть на земле такое место, где нет легавых? Скажите, и я немедленно куплю туда билет. Только, чур, полюса и пустыню Сахару не предлагать.

– Дядь Жень, саблю заберите у него, – попросил Илья и, сняв машину с ручника, широко мне улыбнулся: – Мы ведь не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал? Ведь нет?

– Нет, – выдавил из себя я. Влип. Но что этим гадам от меня надо? Почему-то уверен – ничего хорошего.

Дядя Жень дождался, пока конопатый устроится на переднем сиденье и передернет затвор ПМ, и только после этого очень ловко освободил меня от сабли, не забыв обшарить карманы. Боятся – значит уважают. К сожалению, Илья мои способности явно переоценивал.

– Линев Илья Степанович, заместитель начальника отдела

контрразведки Дружины. – Илья завел машину и вывернул на проспект. – Это я к тому, что раньше как-то не до представлений было. Ну, а тебе представляться необходимости нет, ты личность у нас известная.

– Да прям уж... – пробормотал я, потихоньку приходя в себя и прикидывая, как выпутываться из этой ситуации. Попробовать распахнуть дверь и выпрыгнуть? Да я даже за ручку ухватиться не успею. Мало того что наганом под ребра тычут, так еще и конопатый в лоб пистолетом засветить успеет.

Вот зараза Илья, все просчитал. А так посмотришь – пижон пижоном. Интересно, он свои шикарные туфли с серебряными пряжками до сих пор носит? Вряд ли, по такой-то грязи. Вон и костюм на кожаную тужурку сменил. Тужурка, правда, тоже не из простых. И волосы каким-то блатным зажимом на затылке стянуты. А платок на шее с серебряным шитьем. Эх, вот сбрить бы его длинные патлы, переодеть в ватник и послать рыть траншею отсюда и до заката... А то вырядился! Козел...

Вскоре Илья свернул с Красного проспекта и загнал машину в какой-то узкий проулок. Ну и зачем меня сюда привезли? Не убивать же. Надеюсь...

– Идите погуляйте, – развернулся вполоборота ко мне Илья.

Его сопровождающие, не убирая оружия, по очереди вылезли из машины и отошли метров на десять в разные стороны проулка.

– Может, я тоже пойду? – решил я проверить настроение Ильи. Говорили мне люди умные – иди на права учись. Не пошел. Зря. А так, если что, придушил бы этого пижона – лобовое-то стекло наглухо затонировано, – и по газам. Может, и не успели бы расстрелять. С другой стороны, Илья без козырного туза в рукаве со мной один на один никогда не останется. Не такой это человек.

– Мне неинтересно, в какой дыре ты прятался, – сбив меня с толку, начал Линеv. – Мне неинтересно, почему ты выполз обратно. Если ты решил, что про тебя забыли, – ты ошибся. И тебе еще повезло, что первым тебя нашел я.

– Да ну?

– Точно тебе говорю. Если ты не совсем конченый идиот, каким пытаешься выглядеть, – а ты ведь не идиот, правильно? – то должен понимать: единственный для тебя шанс на спокойную жизнь – это стать полезным мне.

– А что может моей жизни угрожать?

– Как ты думаешь, что с тобой сделают валькирии, когда ты попадешь к ним в руки? Или тебе больше нравится сдохнуть на Северной промзоне в штрафном отряде? Смотри – это легко обеспечить. Дезертирство шутка серьезная. Ты как считаешь?

– Хм... – Я прочистил горло и решил, что в доводах Ильи имеется зерно истины. Конкретное такое зерно, пудов на сто: Сестры Холода никогда никому ничего не прощают, а моя полугодовая отлучка из Патруля легко обернется такой же

по сроку командировкой в штрафной отряд. Шепнет Илья кому надо словечко, и загремлю на всю катушку. Надо с ним договариваться. – А если... если я не полный идиот, а всего лишь полудурок, то каким образом вы меня прикроете?

– Полудурка даже пытаться не буду. А разумного и полезного человека Дружина в обиду не даст.

– Полезного? В каком плане?

– Во многих, – криво усмехнулся и поправил сбившийся шейный платок Илья. – Короче: или поступаешь в Дружину, или... На штрафной отряд даже не надейся, валькирии за убийство Сестер тебя даже оттуда выдернут.

– Какие еще убийства?

– Группы захвата, за вами посланной, – невозмутимо ответил Линева. – Забыл уже? Так они напомним.

– Первый раз слышу. – Кто проболтался? Ветрицкий? Ему какой резон трепаться? Он же тогда тоже кровью замазался. Язык в одно место поглубже засунуть должен. Неужели Илья меня на понт берет?

– Вылазь.

– Что?

– Из машины вылазь, говорю, – развернулся на сиденье спиной ко мне Илья. – Незаменимых нет.

– Хорошо, хорошо... Слушаю ваше предложение, – решил не нарываться я.

– Запомни: ты нам удобен и только. Вернулся ты больно удачно, грех такую возможность не использовать. Понял?

– Понял.

– Проникся?

– Проникся. Чего вы от меня хотите?

– Поступишь в штурмовой отряд.

– Мяса не хватает?

– Мяса всегда не хватает, но ты немного другим заниматься будешь.

– Да ну? И какой профиль работы вы мне предлагаете? – все же решил я выяснить подробности.

– Наркотики, – впервые за время разговора прямо ответил на вопрос Ильи. Только правду ли?

– А подробней?

– согласишься – будут тебе подробности.

Ага, а не соглашусь – мертвецу такие знания вроде как и ни к чему. Вот гад, зажал в угол – не вывернуться. Меня ж втемную разыгрывают! И что делать? Этому франту веры никакой, но надо что-то делать, пока из башки оперение очередного подарка валькирий не торчит или бывшие коллеги кандалы на руках-ногах не заклепали. Придется соглашаться... Тем более что в Форте я задерживаться особо не собираюсь. Значит, главное – выяснить за каким лешим я Илье понадобился. В его байки насчет удачных совпадений верить глупо.

– Где подписаться? – тяжело вздохнул я.

– Здесь и здесь. Тут везде, где галочки. – Илья достал свою неизменную кожаную папку, сунул мне стальной «Паркер» и

начал передавать желтые листы с напечатанным матричным принтером текстом. На двух листах синели печати Дружины и просвечивали замысловатые узоры колдовской защиты. – И еще здесь. Да, вот еще подписка о неразглашении.

– Круто. – По диагонали просматривая текст, я ставил в положенных местах свои закорючки. Теперь сболтнешь чего по пьяни – и вздернут на ближайшем фонарном столбе. Нет, точно надо пить бросать.

– А ты думал. – Не забыв забрать у меня ручку, дружинник сложил листки в папку. – Теперь вопросы.

– График работы и оплата.

– График работы свободный, с оплатой не обидим. Все?

– Да нет, – зло усмехнулся я. – Нам дальше работать вместе, так что хотелось бы прояснить один момент: как ты со Стрельцовым связан?

– Решил прошлое поворошить? – прищурился Линев. – Сам догадался или подсказал кто?

– Сам, – стараясь не упустить ни одного движения собеседника, ответил я. – Мне тогда не до этого было, лишь бы из Форга живым выбраться. А потом задумываться начал. Очень уж странные сборы были. Еще и амулет дальней связи не дали. Я, конечно, понимаю, что через Границу через него в Форт информацию не передать, но хоть до Лудина возвращаться не пришлось бы. А это больше чем полдня пути... И что получается? Занимавшийся выделением снаряжения человек знал, что нам до Севера не дойти? Так?

– Догадливый. – Илья развалился в кресле. – Мне предложение гимназистов для интересов Форта показалось оптимальным. Поднимать бучу вокруг ножа нам было не с руки.

– А меня, значит, побоку? – Вопрос, в курсе ли было его руководство, я задавать не стал. Еще не так поймет, и увезут меня в крематорий с дыркой в голове. – Буча-то так и так заварилась.

– Для Форта открытое противостояние с Городом неприемлемо. Моя работа – переиграть их втихую. И делаю я свою работу хорошо. Методы не важны – важен результат. А заботиться о состоянии здоровья патрульного с неприкрытыми суицидальными наклонностями – увольте, – не стал скрывать своих взглядов Илья. – И если бы не ряд непредсказуемых совпадений – все было бы шито-крыто. Да оно так и вышло, собственно.

Вот как ты, значит, заговорил. «Я», «моя». Можно подумать – не заместитель начальника отдела, а без пяти минут воевода. Пригрел Царько на груди змееныша... Ладно, позиция твоя мне ясна и вполне понятна. Рыцарь без страха и упрека. Только вместо белого коня, белая, хоть и весьма грязная, «Нива». Благородство из всех щелей так и хлещет. Я б с тобой даже, наверное, согласился, но не за мой же счет! Что ж, надо менять тему.

– Кстати, а что там с колдунами случилось, которые должны были нас перехватить,?

– Ты ведь не успокоишься, пока все из меня не вытя-

нешь? – Линеv вытащил из бардачка кассету и воткнул в магнитолу.

– Не-а, – стараясь не переигрывать, нагло улыбнулся я. – Считаю лучше закрыть тему раз и навсегда. Чтоб потом не возвращаться.

– У Старой Мельницы волчья стая тогда бродила, вроде даже несколько волколаков или оборотней было. Там их и порвали, – дружинник включил музыку. Заиграла «Богемская рапсодия» группы «Queen».

– С Кривенцовым что? – продолжил допытываться я.

– Сгинул.

– Понятно, – неслабо обрадовался я. Одной проблемой меньше. Еще интересно, каким образом Илья на Лигу надавить может, чтобы они меня в покое оставили? Если только... – А валькирии, выходит, в этом деле наследили...

Илья скривил уголок рта, но ничего не ответил. Конспиратор, блин. Да я и сам, думаю, уже догадался, на чем запапались Сестры Холода: слишком уж в приличном состоянии здание школы было. Не иначе, как владения Лиги.

– Нож так и не нашли? – не стал настаивать на ответе я.

– Нет. Нашли место, где ритуал проводили, да только там такой энергетический выброс был, что артефакт уцелеть никак не мог. Специалисты Гимназии в этом уверены.

– А кто ритуал проводил? – прекрасно зная ответ, решил проверить информированность Дружины я.

– На Крису грешили. Он в тот день как раз исчез, а трех

человек из «Берлоги» около того места нашли.

– И до сих пор не всплыл? – Крис-то куда деваться мог? И почему только троих сектантов нашли? Как-то неуютно сразу стало. Будто льдинку за шиворот засунули.

– И не всплывет, думаю. Тех, кто непосредственно в ритуале участвовал, не то что опознать – по конечностям пересчитать не получилось. Человек пять-шесть в фарш перемололо. – Что еще?

– Да, пожалуй, все, – немного успокоившись, решил закругляться с вопросами я. Все, что хотел, вроде выяснил. – На работу когда выходить?

– Инструктаж завтра с утра, а появляться в расположении тебе ни к чему.

– Это как?

– Зачислят тебя в штурмовой отряд Северного околотка, но там не светись. Работать будешь непосредственно со мной. И чем меньше людей об этом узнает, тем лучше.

– К чему такая конспирация? – почувствовал я подвох.

– К тому, что у меня в отделе в том месяце двух человек убили, – помрачнел Илья.

– Вот ни фиги себе! – возмутился я. – Об этом разговора не было!

– Тебя что-то не устраивает?

– Нет, – задумался я. – Их точно из-за работы грохнули?

– Точно. – Илья распахнул дверь и вылез из машины. Я полез за ним. Дружинники напряглись, но, не дождавсь

сигнала, подходить не стали. – Честно скажу: мне кто-то мешает. И это не просто случайные утечки информации – нам целенаправленно перекрывают кислород. Стоит только попробовать копнуть поглубже, и незамедлительно следует ответ.

– Надеюсь, я не буду живцом?

– Нет. – Линев несколько раз пнул колесо. Вместо шикарных туфель на нем оказались добротные кожаные ботинки. – Я в последнее время подбираю группу для проведения силовых операций. В первую очередь меня интересуют те, кто не может быть связан ни с наркоторговцами, ни с Дружиной.

– Ясно, – сделал вид, что поверил, я.

– Да ничего тебе не ясно, – на ровном месте ни с того ни с сего взорвался Илья. – Если не выжечь эту заразу сейчас, то уже к концу года половина Форта подсядет на мозговерты, а вторая половина будет ими торговать! Нас можно будет голыми руками взять!

– Считаешь, это диверсия? – Я подумал про Город. Смотри-ка, какой патриот. А впрочем, правильные слова и я говорить умею. И после прошлогодней подставы спиной к Илье уже не повернусь. Одного раза хватило.

– Неважно, что я считаю, – раздраженно бросил Линев, но все же понемногу начал успокаиваться. – Время покажет. Если оно будет – время. Еще вопросы?

– Что насчет подъемных и казенного жилья? – не стал скромничать я. Если уж устроился в Дружину, надо успеть

этим попользоваться.

– Посмотрю, что по фондам осталось, и завтра денжат подкину. А насчет жилья... – Илья покопался в кармане и достал плоский ключ. – Где «Гавань» находится, знаешь?

Я кивнул. «Гавань» – пятиэтажная гостиница, расположенная неподалеку от Торгового угла, являлась, пожалуй, единственным приличным местом в северной части Форта, где можно было снять комнату на ночь. Вот только тамошние расценки к умеренным отнести было никак нельзя.

– Триста шестой номер. Поаккуратней там. Я завтра до двенадцати зайду, так что никуда не уходи.

– Договорились. – Я взял ключ и сунул его в карман куртки.

Илья махнул рукой дружинникам и, дождавшись их, залез в машину. Двигатель несколько раз чихнул, и «Нива» выехала из проулка на Красный. Я на проспект выходить не стал и дворами двинул к «Гавани».

Вот вляпался так вляпался. Теперь, хочешь не хочешь, из Форта надо делать ноги. Ха! Еще год назад, устроившись в Дружину, я бы плясал от радости, а теперь одна забота – как бы от Ильи подальше убраться. Пусть он и строит из себя крутого профессионала, который думает только о деле, но мне вовсе не улыбается получить заряд свинца в спину или угодить в штрафной отряд, когда в моих услугах пропадет необходимость. Никогда не верил людям, которые говорят: «Ничего личного».

Толстенная дверь продуктовой лавки, занимавшей цокольный этаж одноподъездного жилого дома, была открыта настежь и заблокирована обломком кирпича. Пересчитав оставшиеся деньги, я заглянул туда и купил четвертушку ржаной булки, двести грамм сыра и пол-литровый пакет просроченного виноградного сока. Сбережения таяли просто на глазах. А куда деваться? Кушать тоже надо. Пусть сегодня поесть не получится – левая сторона лица от анестезии еще не отошла, – но зато будет чем завтра с утра червячка заморить. Хотя с соком, как ни крути, немного погорячился...

Я уже прошел девятиэтажку, в которой располагалась безымянная забегаловка, среди завсегдатаев именованная просто «клоповником», когда заметил окутывавшую верхний этаж кирпичного пристроя сиреневую дымку. Это что еще такое? Едва заметное сияние смутно напоминало мерцание защитного поля вокруг морга Гадеса. Несколько минут я стоял, соображая, почему никто, кроме меня, этого не видит. Вон два дружинника спокойно мимо протопали. Они на меня больше пялились, чем на странный дом. Вот в сторону продуктовой лавки небольшое семейство идет – отец с двумя устроившими игру в сифу сыновьями. Мальчишек интересовала только завязанная в узел пыльная тряпка, но мужчина внимательно смотрел по сторонам. И – ничего... Старьевщик прокатил полную тележку хлама, даже ухом не повел.

Странно. Очень странно.

И тут мне вспомнилось примерещившееся полгода назад сияние в водопроводной трубе. Точно! Это ж мне тогда энергетический поток в трубе разглядеть удалось. Просто у Гадеса силовая линия ужата до тонкого шнура была. И откуда, хотелось бы мне знать, у меня прорезалась способность видеть магические потоки? Вопрос...

Кое-как засунув пакет сока в карман куртки, я обошел дом и спустился по ступенькам к «клоповнику». Закрыто. Безрезультатно подергав дверь, я несколько раз ее пнул и постоял, дожидаясь результата. Тишина. Не понял, что за дела?

– Эй, парень! Закрыто тут, – окликнул меня живенький старикашка-старьевщик в потрепанном клетчатом пальто и грязной бейсболке, который только что кинул в тележку мягкую жестянку из-под пива. – Давно закрыто, кхе-кхе, с зимы уже.

– А что случилось? – поднялся по лестнице к нему я.

– Да хозяин, царствие ему небесное, ногу сломал и не долечил. Пошла гангрена, вот и преставился. – Старик посильнее натянул бейсболку и внимательно посмотрел на меня. – А табачком не богаты?

– Чего нет – того нет, – пожал плечами я, зашел за угол дома и остановился у входа в пристрой. Зайти посмотреть? Пожалуй...

Подъезд оказался загажен, и пришлось внимательно выбирать, куда сделать очередной шаг: ступеньки густо усеивали осколки разбитых бутылок, испачканные чем-то жел-

тым скомканные полиэтиленовые пакеты и смятые газетные листы. Дальше начали попадаться потеки высохшей рвоты, кучки дерьма и использованные одноразовые шприцы. Стандартный набор. Только кровавых пятен не хватает. О! Вон и кровью кто-то пол щедро окропил. Ладно, хоть трупов нет.

Поднявшись на второй этаж, я прошел по коридору, заглядывая во все комнаты, пока наконец не заметил выходящий с первого этажа – или наоборот, уходивший вниз? – мутный и рыхлый след энергетического потока. Будь в комнате чуть светлее, мне бы его разглядеть не удалось. Да уж, это далеко не тот сконцентрированный жгут силы, увиденный мной вчера в морге.

Так, может, этим управлять легче будет? Или нет? Стоит ли рисковать? В прошлый раз повезло, а если бы руку оторвало на фиг? Или голову? Это хоть и ненамного неприятней, зато куда фатальней. Эх, была не была. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Мне, правда, эта пузырчатая гадость и даром не нужна, и все же, все же...

Задержав дыхание, я провел ладонью рядом с немного расширившимся к потолку силовым потоком. Никакого эффекта. Или рябь пошла? Попробовать прикоснуться и изменить направление движения силы? Пусть внутренняя энергия мне больше не подчиняется, но попытка не пытка...

Черт! Силового потока я едва коснулся, но руку заморозило аж по локоть. Нет, так дело не пойдет. А если сконцентрироваться как при работе с энергией, закачанной в амулет?

Только сделать поправку на мощность, естественную неоднородность и постоянное течение силы? Ведь может же выгореть... Попробовать, что ли? Ну его на фиг. И так хорошо, что разрядом не шибануло.

Разминая левой рукой правую кисть, я отошел к выходу из комнаты. Так сделать второй заход, нет? Да ну – пальцы только отходить начали. И все же эффект от моих действий был: пошедшие от места касания колебания завихрились белесой взвесью и медленно уплыли вверх. И о чем это говорит? Физический контакт не главное? А как насчет дистанционного воздействия?

Морщась от неприятного ощущения в замороженной челюсти, я попытался сконцентрировать в кистях внутреннюю энергию и перекинуть ее в силовой поток. Ничего не вышло. То ли энергии во мне ни капли – так просто не бывает! – то ли она моих усилий в упор не видит. Хорошо, а если так...

Я подошел к энергетическому потоку и направил свои усилия непосредственно на него, благоразумно не пытаюсь коснуться мерцавшей струи руками. Пару мгновений ничего не происходило, а потом сияние энергии, вильнув от моих ладоней, немного сместилось к стене. От неожиданности я отскочил, и струившаяся энергия вернулась на свое привычное место. Только теперь ее течение больше не было однородным: множество тончайших силовых нитей продолжали колебаться, словно натянутые между полом и потолком струны. Но в отличие от потревоженных струн их движения все

больше и больше ускорялись. С потолка посыпалась пыль.

Опаньки. Что-то я не то натворил. Теперь колебания стали почти неразличимы, а сами светящиеся нити начали перекручиваться и расслаиваться на еще более тонкие завитки. По комнате, отражаясь от стен, поплыл тихий неприятный гул.

Выскочив в коридор, я сбежал по ступенькам на первый этаж и уже спокойно вышел на улицу. Все, блин, без толку. Прав Гадес – методом тыка высокому искусству научиться практически невозможно. Мне б учителя...

Резкий свист за спиной раздался, когда я уже отошел метров на пятьдесят. Сначала не очень громкий, мерзкий звук нарастал и становился все пронзительней и выше. В доме напротив лопнуло и осыпалось на асфальт оконное стекло. Зажав ладонями уши, я развернулся, и в этот момент в окнах пристроя полыхнула молния, а из крыши вверх ударил шквал кирпичных обломков и обрывков рубероида. Земля под ногами ощутимо дрогнула.

Вот так шандарахнуло! Там в крыше дыра метра два в диаметре должна быть! А если бы я свои эксперименты продолжил? По стенам бы размазало! Не, надо с этой самодеятельностью завязывать. Лучше быть живым недоколдуном, чем мертвым гипермагом.

С минуту я бездумно смотрел на поднимающееся над крышей облако пыли – а сияние-то прямо на глазах затухает! – потом похлопал ладонями по заложенным ушам и быст-

ро зашагал прочь. Ладно еще, кроме успевшего обратиться старикана, поблизости никто не ошивался. Теперь главное смотреться отсюда, пока дружинники не набежали. А то решат, что склад со взрывчаткой рванул, и весь квартал оцепят, а мне светиться вовсе ни к чему. Илья это совсем не оценит.

К «Гавани» я подошел в несколько пришибленном, если не сказать полуконтуженном, состоянии. Всю дорогу в голове вертелись остававшиеся без ответа вопросы. Что произошло? Откуда у меня такие способности? И самое главное: как мне эти способности на благие цели использовать? На благо всего человечества я, конечно, замахиваться не буду, но собственное благосостояние не грех и повысить. А то оно у меня в последнее время никакое. Хотя положительные изменения налицо: был бездомным и безработным, а теперь и работа, и служебное жилье появилось. Вот только с моими усилиями и способностями эти изменения никак не связаны, и есть у меня подозрение, что штурмовой отряд не так уж далеко ушел от штрафного. Надо будет пацанов порасспрашивать...

Немного отошел от пережитого и начал смотреть по сторонам я только на подходе к гостинице. Но соображал, что характерно, еще не очень. Поэтому и взял протянутую уличным зазывалой отпечатанную черной краской рекламку. В нормальном состоянии я таких личностей сразу посылаю по-дальше: вдруг в бесплатной брошюрке пакетик с героином и «совершенно случайно» оказавшийся рядом наряд дружин-

ников неплохо повысит раскрываемость на своей территории.

Ладно, раз взял, чего тут пишут? Неогладиаторские бои: трио «Царевич Елисей» приглашает всех посмотреть, как они будут крошить выловленного неведомо где вурдалака. В рейд бы этих умников, посмотрел бы я на них. А за такие бабки каждый сможет. Ну или почти каждый...

У столярной мастерской с проржавевшей вывеской «Ригель» несколько слесарей в перемазанных пятнами машинного масла комбинезонах совали нахмурившемуся бригадирю под нос точно такие же рекламки и в аргументированно-матерной форме доказывали необходимость ставить именно на вурдалака. Ставьте-ставьте, если монеты лишние есть...

Фу, ну вот я и пришел. В «Гавани» мне раньше бывать не доводилось, но внутри оказалось куда приличней, чем можно было ожидать, глядя на обшарпанную серую коробку пятиэтажного здания. И пусть цветы и пальмы в кадках оказались искусственными, а свечи в люстрах под потолком холла не горели, но чисто вымытый и до блеска натертый мраморный пол, картины на стенах, лепнина и темно-зеленые бархатные шторы с золочеными шнурами создавали впечатление чего-то аристократически возвышенного. А четыре изумрудного оттенка циферблата, золотые стрелки на которых показывали как местное время, так и время по Москве, Нью-Йорку и Гринвичу, настраивали на деловой лад. Понты, ко-

нечно, и все же сразу видно, что контора солидная.

– Вы к кому? – достаточно вежливо поинтересовался стоявший за блестящей свежей лакировкой стойкой шкафоподобный распорядитель, своими внушающими уважение габаритами больше напоминавший вышибалу.

– Триста шестой, – вытащил я ключ и, как предупредил Илья, добавил: – От Линева на постой.

– Третий этаж, слева от лестницы, – сообщил здоровяк и, потеряв ко мне интерес, взмахом руки отпустил появившегося из служебного помещения неприметного служащего.

Поднявшись на третий этаж, я нашел нужную дверь, отпер замок и зашел внутрь однокомнатного номера. Большую его часть занимали двуспальная кровать и бар. У окна стоял невысокий столик и удобное на вид кресло. Теперь понятно, какие здесь конспиративные встречи Илья проводит. Конспиратор хренов.

Выложив продукты на столик, я раскрыл дверцы бара и восхищенно присвистнул. Чего там только не было! Коньяк армянский, коньяк дагестанский, вино красное испанское, вино белое французское, виски ирландское, ром кубинский, водка русская, само собой, абсент вообще не поймешь чей. И минералка есть, что тоже немаловажно. Ну, уж гулять, так гулять. Арсенал на любой вкус. Вон и шампанского бутылка торчит. Бар «Сан-Тропеза» если и не отдыхает, то уж точно нервно курит. Жаль только, что в бутылках нигде больше четверти не осталось.

Интересно, откуда такие деньги у господина заместителя начальника отдела контрразведки? На какие нетрудовые доходы это все куплено? И не побоялся меня сюда запустить. Неужели так хочет под присмотром держать? Ох, проредить бы этот малинник! Нет, Илье определенно повезло, что я пить бросил.

Я кинул куртку в кресло, снял ботинки и повалился на кровать. Благодать! Всегда бы так. Но тут некстати припомнилось все, что приключилось со мной за последние дни, и настроение вмиг опустилось ниже плинтуса. И из старых проблем выпутаться до конца не удалось, и кучу новых в красиво оформленной упаковке уже заполучил. А ведь все уверены, что полгода где-то отсиживался... Так, может, и впрямь не стоило в Форт возвращаться? Кто ж знал...

Вспомнив об азартном взгляде Ильи, я поежился. Вот вляпался, так вляпался. Чую, какая-то мутная игра затевается. Да и Ян Карлович не лучше. Втравил в историю. А если видел кто, как я племянников Гиоргадзе завалил или даже просто рядом с ними шел? Стуканут дядьке и – кирдык. Мне, само собой, кирдык, не дядьке.

Хорош! Поздно пить боржоми, когда почки отвалились.

От мутившего душу депресняка еще больше разболелась челюсть и я, поднявшись с кровати, набулькал в граненый стакан грамм сто водки – с этого Ильи не обеднеет, – замахнул и завалился спать.

Утро вечера...

Глава 4

Разбудили меня лучи утреннего солнца, умудрившиеся проскользнуть сквозь тонюсенькую щель между штор. Вот ведь! А так бы еще дрых и дрых. Ладно, время будет – отоплюсь. В конце концов, солнечные лучи не самый плохой будильник в мире. Далеко не самый...

Избавиться от сосущей пустоты в животе удалось, в один присест умяв купленные вчера сыр и хлеб. Да и сок пришелся как нельзя кстати. Челюсть не болела, и только иногда царапавший язык острый краешек зуба напоминал о визите в стоматологический салон и о потраченной куче денег.

Это ничего. Деньги не главное. Не главное по сравнению со здоровьем. Для себя давно уже уяснил, что на чём-чём, а на здоровье экономить нельзя. Так не долечишься и загнишь-ся от ерундовой царапины.

Перекусив, я снова залез в кровать, но заснуть уже не смог. Сон как рукой сняло. Оно и не удивительно – вчера отрубился около восьми, а сейчас, судя по солнцу, дело к полудню движется. Надо собираться и пойти нормально позавтракать. Или пообедать. Это уж как получится.

Несколько минут я разглядывал освещенные солнцем веселенькие узоры обоев, потом с некоторым сожалением вылез из кровати и оделся. Выпить, что ли? Нет, надо с этим делом завязывать. Ну или по крайней мере повременить. А

то у меня в последнее время по пьяни сплошные головняки.

Стук в дверь застал меня за шнуровкой ботинок. Быстро затащив шнурок, я взял валявшуюся в кресле саблю и встал сбоку от двери. Мало ли кто с чем пожаловал? Совсем не факт, что в гости поутру только мудрые люди ходят.

– Лед, открывай!

Я ухмыльнулся, кинул саблю на кровать и, отперев замок, распахнул дверь.

Илья зашел в номер и огляделся. Контролируешь? Контролируй на здоровье. Все прилично, все в порядке. Пока...

– Туалет здесь где? – сразу в лоб задал вопрос я.

– Последняя дверь по коридору. Слева. – Илья выкинул мою куртку из кресла, уселся в него и, вытянув ноги, поставил правую пятку на левый носок. На шикарных туфлях – а сегодня он был именно в них – ни пылинки. По воздуху он летает, что ли? – Давай быстрее, дел полно.

Дел у него полно. Кто бы сомневался. Я вот тоже теперь не бездельник. Так что попрошу без всяких там инсинуаций.

Не торопясь дошел до туалета, облегчился и так же неторопливо вернулся в номер. Илья стоял перед баром и задумчиво рассматривал его содержимое. Смотрит, чего бы бахнуть, или убытки подсчитывает? Линева закрыл дверцу бара и отошел к окну. Значит, убытки считал.

– «Пшеничная», сто грамм, – подсказал ему я. – Можешь из жалованья удержать.

– Твои документы, – пропустив мое предложение мимо

ушей, Линеv открыл папку – не растаеть он с ней никогда, что ли? – и достал кипу бумаг. – Ознакомься и распишись.

– Вчера, что ли, не все подписал? – удивился я. – Это-то для чего?

– Постановка на довольствие, образец подписи, инструктаж по технике безопасности, допуск в служебные помещения уровня П2 и П3, допуск к архиву, правила ношения оружия. – По мере перечисления у Ильи на лице расплывалась мрачноватая улыбка. – Отказ от работы по совместительству, отказ от посещения казино и залов игровых автоматов...

– Хватит, хватит... – взял протянутую ручку я. Блин, сколько макулатуры! А этот еще ухмыляется. Другого повода поскалиться не нашел? Что-то он сегодня вялый. И синяки под глазами. Не выспался? – Зачем это все?

– А ты как хотел? Не в какую-нибудь шарашкину контору устраиваешься. – Илья достал из внутреннего кармана пиджака целлофановый пакет и вытряхнул из него на стол медную бляху. – Твоя. Советую всегда носить с собой.

– Понятно. – Почти не глядя подмахнув последние бумажки, я схватил и начал разглядывать служебный жетон.

Видеть такие раньше приходилось неоднократно – «Добрый вечер, Дружина, Центральный околоток. Огнестрельное оружие, наркотики, несертифицированные артефакты имеются?» – а в руках держу первый раз. На лицевой стороне выдвлено изображение сокола, вцепившегося когтями в лен-

ту с крохотными буквами «Закон и Порядок». Над ним вычеканено слово «Дружина», а ниже помельче: «Северный околоток. Штурмовой отряд». На обратной стороне обнаружили лишь защелка и семизначный номер 0015475. Жетон мелко завибрировал и едва заметно нагрелся – сработало базовое заклинание, связывающее бляху и ее владельца. Теперь в чужих руках это всего лишь не очень ценный кусок меди.

– Как пользоваться, знаешь?

– Разберусь. – Я надел куртку и прицепил бляху к внутреннему карману.

Насколько мне было известно, помимо функции служебного удостоверения жетон имел встроенную колдовскую систему опознавания «свой-чужой». Но самым ценным его свойством было даже не это, а вшитый умельцами Гимназии код, который автоматически блокировал атакующие действия всех артефактов – без разницы, колдовских, чародейских или изготовленных ведьмами, – сертифицированных для продажи в Форте.

– Вот и замечательно. Теперь о деле, – убрал бумаги в папку Илья. – Работать будешь в моей группе. Познакомлю вас послезавтра. Тогда же и инструктаж проведу. И что бы без загулов. Понял?

– Да.

– У нас есть всего три-четыре дня, чтобы выйти на изготовителей мозговертов или каналы их транспортировки в

Форт, так что отнесись к этому серьезно.

– Чего это сроки такие ужатые?

– На следующей неделе следственная группа из Северореченска прибывает. Официально – для оказания нам помощи в борьбе с распространением «сапфирового инея». На самом деле – будут копать под всех торговцев дурью. Большое начальство приказало оказать им всестороннюю помощь. Даже сводная бригада специалистов сформирована будет.

– Ну и замечательно.

– Замечательно. Только те торговцы, у кого хоть капля мозгов осталась, не станут зачисток дожидаться и заранее на дно залягут. А так у нас есть неплохие шансы кого-нибудь зацепить. Все ясно?

– Да, – ограничился я односложным ответом. Ясно все, и даже более. Если результат будет у сводной группы – это плюс командировочным. А нарой Илья что-нибудь самостоятельно – это плюс лично ему. – Только как-то странно получается: вся Дружина ничего сделать не может, а мы за два дня всех плохишей переловим.

– Кто говорил о двух днях? У меня уже есть наработки, – отнесся к моим словам всерьез Илья. – Но до тех пор, пока я не вычислю источник утечки информации, о них не будет знать никто.

– Ясно.

– Я рад, что мы поняли друг друга. А для тебя у меня есть персональное задание.

– Какое еще задание? – сразу насторожился я. Как бы в этом «персональном» задании интерес ко мне Ильи и не крылся.

– В прошлом году в Волчьем лого ты встретил некоего Артура Воронцова по кличке Ворон. Так?

– Было дело. – Что, на Вороне свет клином сошелся? Неужели такая крупная партия «синего инея» была?

– И он вместе с твоей группой добрался до Лудина?

– Да. А в чем дело?

– Недавно он вернулся в Форт, но со старыми знакомыми отношения не поддерживает и, по моим данным, активно пытается выйти на производителей мозговертов. Ты должен сегодня завтра его найти и выяснить, что ему известно и кто за ним стоит.

– Постараюсь, – без особого энтузиазма ответил я. Ничего не понимаю. Они сами, что ли, Ворона найти не могут? Странно.

– Не надо стараться. Надо сделать, – командирским тоном выдал Илья, и спорить с ним сразу же расхотелось.

– Оружие мне полагается какое? – сменил тему разговора и заодно перешел к шкурным вопросам я.

– Купишь что-нибудь по своему усмотрению и оформишь на удостоверение.

– Купишь? – возмутился я. – На какие шиши?

– На подъемные. – Илья вытащил из кармана и протянул мне лист бумаги размером с тысячную банкноту, по краям

которого шла переливающаяся в солнечных лучах вязь. Вексель Центрального Городского Банка.

– И даже расписаться нигде не надо? – пошутил я, взглянул на номинал и осекся. Пятьсот рублей золотом. Обалдеть! Да в Патруле за такие деньги мне бы полгода вкалывать пришлось. Мое уважение к Дружине стремительно пошло вверх. Действительно, не шарашкина контора. Можно и оружие прикупить и на жизнь останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.